

Ольга Тарлыкова

**Мы Родину
иконой пронесли...**

Ольга Тарлыкова

Мы Родину школой пронесли...

г. Усть-Каменогорск
2019

82-3(574.4)
УДК 821.161.1

ББК 84 Рус-44

Т 20

Рецензент

Г.А. Куш – историк-археолог Областного историко-краеведческого музея.

О.М. Тарлыкова

Мы Родину иконой пронесли...

Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2019. - 276 с.

ISBN: 978-601-7887-32-2

Книга «Мы Родину иконой пронесли...» – творческий портрет выдающейся поэтессы и журналистки русского зарубежья. уроженки г. Зайсана Таисии Анатольевны Баженовой, имя которой по сей день неизвестно ее землякам. Иллюстрацией к повествованию о судьбе поэтессы-эмигрантки являются ее сочинения: стихи, рассказы, очерки и статьи, составившие вторую часть книги.

На обложке – фрагмент картины М. Раздумина «Ледяной поход».

ISBN: 978-601-7887-32-2

УДК 821.161.1

ББК 84 Рус-44

©Тарлыкова О.М., 2019

©Издательство «Медиа-Альянс», 2019

*Светлой памяти мамы
Любови Семеновны Зерновой*

«Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами»¹

Нет, к сожалению, по-настоящему они не вернулись – наши соотечественники – писатели Белой эмиграции. Многие, донныне безвестные земляки, ждут своего часа. Ветер перемен разбросал их по свету, а судьбы затерялись в огромной армии поэтов Рассеяния, растворились среди тех, чьи имена давно на слуху. И совсем не потому, что они менее талантливы, а их творчество не столь значительно, – просто так сложились их судьбы...

Имя героини этой книги, выдающейся нашей соотечественницы, дочери казачьего полковника, поэтессы-эмигрантки Таисии Анатольевны Баженовой, к сожалению, по сей день неизвестно на Родине. Оно открылось неожиданно, благодаря одному лишь ее стихотворению «Не о березке...». Помнится тот восторг, что охватил меня, когда читала его в очерке писателя, также эмигранта и земляка Георгия Дмитриевича Гребенщикова. В стихотворении ярко и зримо возник поэтический образ нашего края, который хорошо угадывался во многих деталях. Именно с этого стихотворного послания и начался поиск материалов о талантливой поэтессе и журналистке, родившейся в Зайсане. Чем активнее был поиск, тем ближе и роднее становилась героиня изысканий, тем глубже хотелось постичь перипетии ее судьбы. Вместе с тем, возникало много вопросов, обращенных, порой, в никуда. Они не давали

---

1. Строка из стихотворения Г. Иванова

покою, заставляя крепко задуматься о судьбе автора стихотворения. Так постепенно разматывался запутанный клубок чужой судьбы, вырисовывались детали счастливой в пору юности на родине и трагической, полной лишений жизни у чужих берегов.

Порой на поиски биографических сведений уходят целые десятилетия, пока в один прекрасный день они не пустят корни и не прорастут в увлекательное повествование о чьей-то судьбе. И не поделиться, не поведать об этом уже нет сил! Кто же она, Таисия Баженова? Что удалось узнать о поэтессе, унесенной ветрами истории далеко за пределы родины?

Таисии Баженовой довелось пройти все круги ада в российскую смуту начала 20 века: пережить Первую мировую войну, Октябрьский переворот, Гражданскую войну и горькое, полное опасностей и страданий, расставание с Родиной. Финалом ее Русской эпопеи были скитания и невзгоды, бесправие и лишения на чужбине: в Китае и США:

На чужбину шквалом отброшены,
Оглушенные гулким громом,
Раскатились мы, как горошины,
В поле чуждом и незнакомом².

Судьбы человеческие... Они такие разные! Завораживают и восхищают, трогают и удивляют! Возникает непреодолимая жажда познать их глубже, следовать за героем по дорогам его судьбы шаг за шагом. И это уже не поисковый азарт, и не праздное любопытство: скоро герои становятся родными, а их судьбы значимыми. И, наконец, кажется,

---

2. Строки из стихотворения М. Колосовой «За обиду».

уже читаешь их мысли, зримо представляешь и предугадываешь поступки. А потом следуешь за героиней по пятам, сопереживаешь в неудачах и мытарствах у чужих берегов, сочувствуешь беззащитности, радуешься успехам! И оттого становишься счастливее, будто обретаешь родственную душу и ступаешь в неведомый доселе мир, который захватывает и не отпускает.

И вот уже в 1911-м с юной Таечкой Баженовой мы путешествуем по Бухтарминскому краю, а в 1916-м плывем на пароходе по Иртышу в Усть-Каменогорск, бродим по палубе, слушаем пение пленных австрийцев, «наслаждаемся мерным звуком колес, прохладой реки и запахом медвяных полей». Затем в переполненном зале усть-каменогорского Народного Дома слушаем оперетту «Мотор любви» и гуляем по берегу Иртыша. Вот в Белом Омске с трепетом протягиваем программу вечера Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку. А после, в 1920-м, в смятении и страхе бежим из Белого Омска на Восток.

Наконец, транссибирский экспресс мчит нас в неведомую страну. Вместе с Таисией мы терпим трудности и лишения, переживаем бомбежки и налеты красных... И остается надеяться лишь на Бога, на то, что впереди, возможно, спасение. А позади остается уже иной мир, чуждый, непонятный и открыто враждебный!

Лишенные Родины, неуверенные в завтрашнем дне, бесправные, мы на чужбине: в Харбине, а потом в Сан-Франциско! Растерянность от незнания языков и традиций чуждых по духу людей иной страны, страх перед неизвестностью... Но вот мы уже гладильщицы во французской фирме, потом служащие фабрики по засахариванию фруктов в... – только подумать! – Сан-Франциско! Ныне нам не

до стихов: ни сжечь бы платье да придумать, чем поужинать!

Постепенно я крепко, душой сроднилась с Таисией Баженовой, и, кажется, все трудности и лишения прочувствовала и одолела вместе с ней. И теперь я отчетливо ее вижу, предугадываю поступки и узнаю на неизвестных доселе фотографиях!

Так уж бывает всегда: чем труднее поиск, тем радостнее находки, тем значительнее открытие, приближающее еще на шаг к пониманию логики событий в жизни героини. И какую радость испытываешь, говоря себе самой: «Я знала, чувствовала, предполагала, что она поступит именно так!»

Однако, как это заманчиво, захватывающе и азартно разгадывать тайны чьей-то судьбы, следовать за человеком, родившимся более 125 лет назад, таким далеким во времени и близким по духу! Порой лишь незначительные детали, какие-то намеки позволяют делать определенные выводы, плыть по волнам событий её жизни. Но пусть не побойтся читатель вымысла. Все эпизоды бытия Таисии Баженовой опираются на факты и биографические источники: очерки, дневники, архивные документы и многократно выверенные и сопоставленные даты. Это неукоснительное правило краеведа, и отступить от него нельзя, потому что речь идет о жизни реального человека.

Годами добывались настоящие сведения, поступавшие, иной раз, из совершенно неожиданных источников. Большая часть находок почерпнута благодаря переписке с краеведами, родственниками, писателями, архивистами, журналистами из разных концов света. Они помогали восстанавливать новые и новые факты биографии поэтессы и разыскивать её сочинения. К примеру, удивительно отзыв-

чивый и благородный человек – потомственная харбинка, участница Всемирного конгресса выходцев их Харбина (2017) Гюльнара Клебче из Москвы. Гюльнара – заместитель главного редактора одного из московских издательств, модератор раздела «Русский Харбин» Сайта «Всероссийское Генеалогическое Древо». Она откликнулась на мою просьбу сразу и, несмотря на занятость, доброжелательно и с готовностью помогала в поиске. В результате, благодаря высланным Гюльнаррой из её газетного архива «Русское Слово» публикациям Баженовой, мы узнали многие моменты жизни нашей землячки в Сан-Франциско и уточнили расходящуюся с моими представлениями дату ее отъезда в США.

Неоценимую помощь в поиске оказал Андрей Власенко из Сент-Луиса (США), с которым судьба свела нас в 2016 году, благодаря нашему общему интересу к творческой биографии подруги детства Таисии Баженовой – поэтессе Марии Волковой, которой я посвятила книгу «Я иртышской водой крещена...» Андрей оперативно откликался на все мои просьбы и, несмотря на большую занятость, разыскивал материалы на разных Сайтах и копировал в архиве Гуверовского университета³.

Я несказанно благодарна краеведу и писателю из Барнаула Виктору Александровичу Суманосову, автору ряда книг о Сибирском казачьем войске. Это он выслал давно разыскиваемый мною очерк Таисии Баженовой «Весна в революцию», опубликованный в «Вестнике Общества Рус-

---

3. Архив Гуверовского Института войны, революции и мира при Стэнфордском ун-те (г. Стэнфорд, штат Калифорния, США), одно из первых крупных спец. архивных учреждений в США, наиболее крупное среди зарубежных архивов хранилище материалов по истории и культуре России. Основан в 1919 году.

ских Ветеранов Великой Войны», из которого мы узнали о ее предках в Усть-Каменогорске и о жизни Таисии в Белом Омске. А когда я, дописывая книгу, и, отчаявшись найти что-либо о муже Таисии Баженовой – казачьем офицере, нашем земляке Александре Степановиче Постникове, решила оставить вопрос открытым, Виктор Александрович неожиданно выслал о нем бесценный материал и ряд других очень важных для нас документов и редких фотографий.

Долгое время нам приходилось довольствоваться лишь одним портретом Таисии Баженовой. А как хотелось посмотреть, как она выглядела в детстве и в зрелом возрасте, любопытно было увидеть ее избранника, разделившего с подругой все тяготы эмиграции! Тут на помощь пришел известный дальневосточный ученый, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета Амир Александрович Хисамутдинов. Он – автор серьезных исследований и более 35 монографий, вышедших в России и за рубежом, связанных с изучением экономической, политической и исторической роли России в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и проблем русской иммиграции в Китае, Корее, Японии, США. Благодаря высланным Амиром Александровичем фотографиям, мы имеем возможность увидеть облик Таисии в разные годы. Помню, моей первой реакцией на ее снимки было: «Вот она какая, Тая Баженова! Да, именно такой я её представляла!»

В один прекрасный день в наш кабинет вошла коллега – археолог Галина Александровна Куц и, протянув групповой снимок, спросила, знакомы ли мне лица на фото? Я

мгновенно узнала человека в военной форме – отца Таисии Баженовой – Анатолия Дмитриевича, известного уже по многим фотоснимкам. Узнать же юную Таисию не составило особого труда, хотя я видела ее всего лишь на единственном снимке харбинского периода в Интернете. Это фото – большая удача, ведь теперь мы имеем возможность познакомиться со всем семейством Баженовых: матерью, Евдокией Ивановной, братьями и сестрой Таисии – Марией. По просьбе Галины Александровны, эту копию и ряд других снимков, передал в фонды нашего музея Владыка Амфилохий (Бондаренко), епископ Усть-Каменогорский и Семипалатинский.

Большую помощь в поиске произведений Таисии Баженовой оказал и Омский Государственный литературный музей им. Ф.М. Достоевского. Сотрудник музея Юлия Зародова выслала сканированные варианты газеты «Вечерняя Заря». Теперь мы имеем возможность познакомиться с первыми публикациями стихов юной поэтессы.

Омский историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Омского танкового инженерного института Владимир Александрович Шулдяков поделился анкетой Анатолия Дмитриевича Баженова, заполненной им для «Бюро по делам Российских эмигрантов» перед отъездом в Сан-Франциско из оккупированного японцами Харбина. В.А. Шулдяков таким образом помог мне в поисках биографических сведений о А.Д. Баженове и его семье, а также сведений, касающихся их жизни в Харбине.

Я несказанно благодарна Юлии Кунниковой, учителю литературы средней школы станции Оловянной Читин-

ской области за помощь в поисках очень информативного для меня мемуарного очерка Таисии Баженовой «Станция Оловянная», рассказывающего о бегстве семьи Баженовых из Омска в Читу и об опасностях, сопровождавших их на пути к спасению.

Книга уже дописывалась, когда, к моей радости, нашлись родственники Баженовых: Елена Александровна Худякова из Усть-Каменогорска и Анатолий Валерьевич Баженов из Санкт-Петербурга; Таисии Анатольевне они приходится троюродными внуками. Благодаря им музейный фонд Таисии Баженовой пополнился материалами из семейного архива Алексея Дмитриевича Баженова, – старшего брата Анатолия Дмитриевича.

В желании приблизиться к пониманию Таисии Баженовой как личности, к осмыслению ее жизни, выручало и то, что журналистка часто писала очерки и заметки мемуарного характера. К тому же и в статьях, и в эссе Баженова часто не преднамеренно, а попутно, упоминала о себе, рассказывала о реальных людях, подлинных событиях, что позволяло по крупицам восстанавливать некоторые утраченные звенья ее биографии. В основном, мне в помощь были очерки и статьи, что посчастливилось найти в газетах дальнего зарубежья. Это сотни номеров единственной на Тихоокеанском побережье ежедневной русскоязычной газеты «Новая Заря» (Сан-Франциско, 1928-1972 гг.), более 400 страниц газеты «Русская Жизнь» (Париж, 1925-1927 гг.) и очерки из харбинского «Русского Слова», с которым журналистка Баженова продолжала сотрудничество из Калифорнии.

Однако встречалось и много трудностей: наряду с тем,

что их не так просто было найти, не легко было вчитываться и разбирать старопечатные тексты начала и середины прошлого века. Изрядно потрепанные, пожелтевшие и потертые, особенно на сгибах, они, порой, бывали чрезвычайно ветхими. И здесь на помощь приходили мои коллеги: З.В. Надыкто, Ю.П. Дигонь, Г.И. Суворова, Н.А. Косенкова, С.С. Тюменцева, Е.С. Зинченко, помогая разобрать трудночитаемые тексты или слова.

Дивлюсь терпению и снисходительности нашего руководства, выслушивающего мои восторженные рассказы о находках: директора музея С.К. Нургазиевой, заместителя директора Л.Н. Чапибаевой. Искренне благодарна за поддержку, помощь и доброе отношение им и всем моим коллегам.

Словом, книга писалась всем миром, дело двигалось и поиск материалов о Таисии Баженовой, и работа над книгой шли к финалу. Конечно же не на все ее поступки, перипетии судьбы нашлись в наше время ответы. Нам неизвестно, к примеру, как ей жилось на склоне лет в Аламеде, были ли у нее дети, как сложились их судьбы? Живут ли в США потомки Баженовых?

История жизни Таисии Баженовой – это история целого поколения людей русского рассеяния. В ней, как в капле воды, отразились многие судьбы унесенных в небытие, кому предназначен был горький удел эмигрантов. Это и повесть о доблестном, честном и благородном поколении патриотов, жестоко вычеркнутом из нашей памяти и, казалось бы, забытом, – но нет! – воскресающем из пепла, из небытия, из пыли архивов и, к счастью, из написанных в свое время мемуаров и дневников. О таких, как она, силь-

ных, стойких, несломленных, хорошо сказал поэт, музыкант и потомственный казак, харбинец, хорошо знавший Таисию, Алексей Ачаир:

Не сломила судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли...
А за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли! (1)

Но обо всем по порядку...

«Мы Родину иконой пронесли...»⁴

*Т.А. Баженова.
Харбин. 1920-е гг.*

*Мы проиграли не войну,
Мы не сраженье проиграли,
А ту чудесную страну,
Что мы Россией называли.*

А. Величковский

*В глуши, в убогонькой церковке
Под пенье, ладан, блеск свечей,
Смиренно стоя у дверей,
Смотреть нам будет так неловко,
Как люди выйдут из зверей.*

А. Блок

На огонек лампы...

В сентябре 1932-го года по случаю освящения часовни, построенной писателем Г.Д. Гребенчиковым в основанной им русской деревне Чураевке в США, он получил множество приветственных писем, телеграмм и стихотворных посланий. Среди последних было стихотворение Таисии Баженовой «Не о березке...» из Сан-Франциско. Читая его, я глазам своим не верила: да это же о нашем крае, судите сами:

---

4. Строка из стихотворения О. Скопиченко.

Г.Д. Гребенщиков

Не о березке... Даже не о ней!
Не о горах Алтайских и маралах...
И не о цепи этих дней,
В которых я веселой выростала...

Не о степях и не об Иртыше,
Не о ветрах с клубничным ароматом,
Не о гусях в прибрежном камыше,
И не о том, что нет туда возврата;

Я не об этом с болью говорю...
Хотя в чужой стране, во всем огромном мире, –
Нет ничего, что памятней Сибири,
Которой опьяненная горю...

Но как понять изгнание мое?
Я тоже дочь снегов, лесов, душистой степи!
Но в спину мне направили ружье,
А в уши — те слова, которых нет нелепей.

Та ненависть, в которой смысла нет, –
Толкнула нас на мертвый полустанок...
А у меня был чтимый дед,
И бабушка из Согринских крестьянок...

Но где бы ни была, – мне помнится всегда:
Когда на Иртыше весенняя вода,
Черемуха цветет, все также пред иконой
Кладет народ тяжелые поклоны,
И кается за прошлые года (2).

*г. Зайсан Александро-Невская церковь,
где крестили Т. Баженову*

Сибирь, Иртыш, степи, клубника, маралы, Согра...⁵
Это же всё наше... Кто она, Таисия Баженова? Как попала
в Калифорнию, и кто ее предки, те самые: «чтимый дед» и
«бабушка из Согринских крестьянок»? Автор стихотворе-
ния не была на открытии часовни, и, как писал Гребенщи-
ков, «лишь мысленно тоскующим сердцем» устремлялась
«к огоньку». Но именно ее послание с такой непостижи-
мой тоской выразило трагедию изгнания русских.

5. Согра – в нач. 20 века – поселок вблизи Усть-Каменогорска. Теперь – северо-восточный район города.

*Страница Юбилейного альбома 3-го Сибирского
Казачьего полка. Вверху слева А.Д. Баженов*

г. Зайсан. 1875 г.

После прочтения стихотворения в очерке «Огонек лампы» из собрания сочинений Г. Гребенщикова, мне не давала покоя мысль, как соотечественники нашли друг друга в изгнании? Начался поиск... Выяснилось, что Таисия Анатольевна Баженова, в замужестве Постникова, родом из Зайсана Семипалатинской области⁶, из семьи казачьего полковника. По сведениям Интернета, согласно книге А.А. Хисамутдинова «Русский Сан-Франциско», судя по антологии «Русская поэзия Китая», по надписи на ее надгробии и другим источникам, Таисия Баженова родилась 4 мая (ст. стиль) 1900 года.

Небольшой военный пограничный городок Зайсан, где родилась будущая поэтесса, основали переселенцы из Российской империи во второй половине XIX века. Город раскинулся в предгорной долине хребта Саур в 65 километрах от границы с Китаем. Датой основания города счита-

---

6. В начале XX века г. Зайсан был уездным городом Семипалатинской области, теперь Восточно-Казахстанской. Об истории основания города можно прочесть в книге Ю.А. Денякина «Зайсан православный», Москва, 2017 г.

ется 1864 год, когда на берегу бурной горной речки Джемейки был заложен военный пост Дžeme, а около него в 1870 году возникла казачья станица Зайсанская, названная по имени озера, расположенного в 45 километрах. С основанием военного поста было образовано особое приставство, преобразованное пять лет спустя в Зайсанский уезд. В 1876 году по Западной Сибири путешествовали А. Брем, автор всемирно известного труда «Жизнь животных», а также известный немецкий учёный О. Финш. Они побывали в Зайсане и описали свои впечатления от города в книге «Путешествие в Западную Сибирь»: «Зайсанский пост быстро развивается до степени порядочного села, местечко производит весьма приятное впечатление своими широкими улицами, засаженными ивами и окаймленными

оросительными каналами. Его сложенные из кирпича дома с плоскими крышами, что придавало ему вид среднеазиатского поселения. Почти все дома были побелены известью, отчего выглядели весьма весёлыми» (3). В 1897 году Зайсан стал уездным городом Семипалатинской области. «Население города, состоящее из русских, казахов и татар, в основном занималось

сельским хозяйством, преимущественно скотоводством. Некоторых жителей Зайсана нужда гнала на золотые прииски, куда они уходили ранней весной, а возвращались домой поздней осенью. Многие из зайсанцев уходили на заработки на угольные копи, находящиеся в окрестностях города. Казаки расквартированного здесь казачьего полка занимались рыбным промыслом на озере Зайсан. Долгое время Зайсан имел важное значение в торговле России с Китаем и Монголией», – читаем в статье архивиста, писателя и краеведа С.Е. Черных (4).

Что же еще нам удалось узнать о Таисии Баженовой? Поиск привел меня к юбилейному сборнику «Сибирский Казак» (войсковой юбилейный сборник сибирского казачьего войска), вышедшему в 1934 году и переизданному в 1941-м в Харбине, а в 2009 году – в Бийске, откуда выслал нам книгу в подарок редактор журнала «Бийский вестник» Виктор Васильевич Буланичев⁷. Перечитывая сборник, к удивлению, я нашла там 10 статей об истории Сибирского казачества, написанных, как мы теперь знаем, отцом Баженовой. В «Сведениях об авторах» читаем, что Баженов Анатолий Дмитриевич – потомственный казак,

7. В.В. Буланичев – музыкант, филолог, историк искусств, журналист, общественный деятель. Член Попечительского совета Бийского филиала Алтайской краевой общественной организации «Демидовский фонд».

А.Д. Баженов. Конец 1890-х гг. Из архива Анатолия Алексеевича Баженова

А.Д. Баженов. 1903 г.

г. Усть-Каменогорск. Нач. XX в.

казачий полковник, мемуарист и общественный деятель. Он родился 21 апреля 1873 года в Барнауле в семье казачьего обер-офицера. В 1891 в Омске окончил Сибирский кадетский корпус, в 1893-м – Николаевское кавалерийское училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, до 1914 года служил в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку, был командиром сотни. Потом до 1917 года служил в 9-м полку, весной – летом 1917-го был временным командующим этим полком.

По некоторым сведениям, в 1918 году он принимал участие в Белом перевороте в Усть-Каменогорске. Воевал в Белых войсках Восточного фронта, был редактором войскового еженедельника «Иртыш» (1919). Имел высокие награды: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами и др. С 1920 года – в эмиграции, в Китае, затем в США.

Предки Таисии Баженовой по линии матери – из Усть-Каменогорска. Евдокия Ивановна родилась в 1879 (1880?) году в семье богатого купца. Её мать, судя по стихотворе-

нию «Не о березке», – «из согринских крестьянок». Кроме Таисии, в семье было ещё три ребёнка: сестра Мария 1902 г.р. и два брата, одного из которых звали Геннадий, рожденных в 1903 и 1905 годах.

По Бухтарминскому краю...⁸

В том же сборнике «Сибирский Казак» (Харбин, 1934 г.), опубликована замечательная статья Т.А. Баженовой «Лагерь на Аблакетке»⁹, написанная в годы жизни ее в Сан-Франциско. В ней Таисия Баженова цитирует свой детский дневник, который по совету отца вела в 12-13 лет. Дневник знакомит нас с некоторыми интересными подробностями из жизни казачьей семьи, службе и быте казаков Третьего Сибирского казачьего полка, а также с историей Усть-Каменогорска и нашего края.

Согласно дневнику, А.Д. Баженов, отслужив положенный срок и, «будучи на льготе»¹⁰, два года заведовал несколькими алтайскими станицами. В 1911 году, отправляясь в служебную командировку в Бухтарминский край, он взял с собой семью, и они две недели путешествовали по Алтаю. «В Вороньем очень скучно, – пишет девочка-подросток, – папа вел дознание о казаке, который украл у дру-

---

8. Бухтарминский край – местность в бассейне реки Бухтармы, притока Иртыша. Восточно-Казахстанская область.

9. Аблакетка – река в ВКО, приток Иртыша.

10. Льгота у казаков – особый вид мобилизационной готовности рядовых и офицеров. Отслужив действительную службу, рядовой казак отпускался на льготу, жил в своей станице, но числился в льготном полку своего округа; восемь лет он должен был иметь наготове строевого коня, снаряжение, обмундирование и холодное оружие; периодически должен был являться на проверочные сборы и ученья. После отбытия срока льготные рядовые перечислялись в запас третьей очереди и освобождались от обязанности содержать строевого коня.

гого штаны и спрятал их под мостом. Потерпевший нашел их, решил подкараулить вора, засел в засаду и заснул, а тот снова украл штаны...»

«В Черемушке ночевали. Папа рассказывал, как ездил войсковой наказный атаман, генерал Шмидт. Казаки в Черемушке, не исполнив вовремя приказа о посадке деревьев, накануне прибытия Шмидта взяли, да и вкопали свежие березки. Когда он приехал, то, разговаривая, дотронулся до березки, а она возьми, да и упади. Вышел большой скандал...» (5)

Интересно, что именно этот случай описан отцом Таисии в очерке «На льготе»: «Летом же, обыкновенно делал объезд Войска Войсковой Наказный Атаман ген.-от-кавалерии Шмидт, – он же Степной генерал-губернатор. Задолго до его приезда Атаманы Отделов, Губернаторы, уездные и крестьянские начальники получали маршрут предстоящего объезда. Во избежание забытых приказов по Войску, началось рытье ям вдоль улиц – для посадки деревьев в самый день приезда Войскового Атамана – несвоевременно посаженные деревья еще до приезда погибли бы; после проезда увядшие выбрасывались вон...» (5).

Записки Таисии Баженовой – подлинный документ времени, хотя, по ее словам, пока «не отражает всего алтайского настроения: я еще не умею передавать мысли на бумагу. Нужно, чтобы прошло время, и тогда, однажды, ярко вспыхнет в памяти все: и синие долины Алтая, и такие же темно-синие горы со снеговыми верхушками, как белые головы сахара, завернутого в синюю бумагу; и темно-зеленые острые пики кедров и лиственниц; быстрые, пенистые алтайские речки, холодноватый полумрак бора; солнечные цветные поля с нагретой солнцем клубникой,

над которой склонились широкими спинами, собирая в ведра, потные, пышущие жаром бабы. Вспомнить и псаломщика в Катон-Карагае, Ивана Николаевича, неотразимого местного кавалера в подряснике, водившего меня и папу в темный сосновый маральник, где темно-серые легкие маралы, с ветвистыми рогами, пугливо и грациозно убегали от нас за бесчисленные загоны. А еще как не вспомнить на площади у церкви выстроившихся для папиного смотра потешных казачат в миниатюрной форме и станичников, к которым, для обучения «казачку» тот же Шмидт, вернувшись в Омск, послал балетмейстера кадетского корпуса Бочковского» (5).

Эти воспоминания вспыхнут с новой силой в канун эмиграции и, со светлой радостью и болью, прольются на бумагу в рифмованных строчках.

В полях

Широкой волною сгибается рожь,
Шумит у дороги пшеница...
— Ямщик, не гони лошадей, не тревожь,
Куда нам в жару торопиться?

Мы едем в ложбинке сомкнувшихся гор,
С зимовками выше, на склонах,
С густой синевой отдаленных озер,
И с домиком белым кордона.

Ямщик мой рассеян: то машет кнутом.
То что-то уныло затянет,

То свистнет удало и сразу потом
Лукаво и искоса взглянет:

«Ишь, нонче какая пришла благодать.
Хлеба уродятся богато...
Не будет народ в этот год голодать
И гибнуть на фронте солдаты...

Смотри, ажно в пояс... Который-то год
Такого мы ждем урожая...
Что будет в деревне крестьянских забот,
Вот радость-то будет какая?..»

Спускается солнце. Сильней аромат
Левкоев и белой сирени.
Киргизские песни уныло звучат
И сердце истомою греют.

За теми горами — такой же простор
Все степи, все пашни с хлебами.
Все также синеют овалы озер
И пахнет степными цветами.

Широкой волною стибается рожь,
С приветом склонилась пшеница:
– Пусть, Господи, эта — не сказка, не ложь,
Пусть радость в народ возвратится.

Усть-Каменогорск. 1919 г. (5)

А пока... В своих исповедях Таисия описывает великоле-
пную природу наших мест и свое взросление, и первую

*Слева-направо: во 2-м р. (3,4,5): А.Д. Баженов, Е.И. Баженова, Т. Баженова. В 1-м р. (3,4,5): братья и сестра Т. Баженовой.
Джаркент*

длинную черную юбку «из шерстяного вуаля», в которой она казалась себе «почти хорошенькой». «Чудесно было ехать по степи, напоенной запахом дикого левкоя. Тарантас, в котором нас было шестеро, неся с холма на холм, мама пугалась, ветер овевал разгоряченные лица, ямщик весело крутил кнутом, а мы, подскакивая на кочках, по маминой просьбе пели «У зари-то, у зореньки» и «Хазбулат удалой» (5).

В том году Таисия быстро повзрослела и выглядела старше своих 12 лет. В станицах бабы спрашивали Евдокию Ивановну: «Да неужели ваша дочь, барыня? Ну, ровно, младшая сестра?» Мама Таисии, моложавая, худенькая с гордостью задавала вопрос:

- А сколько, вы думаете, ей лет?
- Да годочков 14-15 будет.

Тае льстили такие ответы, ей ужасно не хотелось вы-

глядеть на свои 12.

Правда, на одной из станций, в станице Урыльской, где бабы также ахали:

« – Ну ровно сестры вы! – один старик, покосившись на нее, строго сказал:

– Да, этак, годочков 12».

Тая сразу же возненавидела его, настроение было испорчено, если бы не один полный офицер. Её страшно удивило то, что, когда отец представил ему Таю, блестящий, щеголеватый офицер из штабных вдруг, как и маме, неожиданно поцеловал ей руку.

« – Вот тебе, старик, твои 12 годочков! – торжествовала Тая» (5).

Но Таисия не могла не вспомнить еще один случай, который отравлял ей существование. Это случилось на Бухтарме несколько дней назад. Тогда папа её, не сумевшую проглотить пилюлю с касторкой, с позором поставил в угол! Неужели он не понимал, что Таю, теперь настолько повзрослевшую, уже нельзя наказывать таким образом?

Вообще-то в детстве Таисия мечтала стать певицей. Об этом она написала в 1940 году в очерке «О первой из 3000 "Новых Зорь"». Часть нашей работы под поднятым занавесом» в газете «Новая Заря» (Сан-Франциско): «Когда мне было 12 лет, я решила, что если к 25 годам не стану артисткой или певицей (и непременно знаменитой) и не выйду замуж – я уйду в монастырь. Ничего этого не случилось. Чтобы стать артисткой, у меня никогда не было к этому шанса. На сцене бывала не раз и всегда с успехом – я читала свои стихи, пела в хоре, в дуэтах, трио, соло. И моя партнерша, рыжеволосая и бедовая Леля Сургутская, которую я пригласила выступить со мной в дуэте Лизы и Полины из

"Пиковой дамы" на вечере Первой Омской гимназии, является теперь в Советской России известной оперной певицей. Но у меня всегда было простуженное горло, и доктор просто-напросто запретил учиться петь...» (6)

Но все это будет после... Нас же более всего интересуют воспоминания Таисии Баженовой о ее пребывании в Усть-Каменогорске.

Все тот же 1911 год... Семья возвращается из дальней поездки по Бухтарминскому краю. «В Усть-Каменогорске, – пишет Тая, – было все то же. Бабушки радостно выбежали навстречу, Шарик облизал руки, а по вечерам Тася Голубовская, дочь акцизного чиновника, жившего внизу, у дедушки, и я, ходили к Иртышу, на "Коровий бульвар"» (5).

Лагерь на Аблакетке

Начались военные сборы, и семейство Баженовых переехало в лагерь на Аблакетку. Отец был назначен командиром сотни, и семья отправилась за 14 верст от Усть-Каменогорска на место сборов. Незначительные, на первый взгляд, детали дневника, позволяют предположить, где располагался лагерь и как он был устроен. «...Лагерь состоял из офицерского барака в две квартиры с широкой террасой, гимнастического городка с трапециями и горкой, из кухни, хлебопекарни и зеленого гриба для часового на линейке, за которым стояли легкие бараки для казаков».

Тая любила одиночество и часто бродила в горах за Аблакеткой, «читала запоем Чехова», ловила сачком бабочек. «Утром, когда казаки были на учении далеко от лагеря, мы купались под мостом, не снимая рубашек. Самое глубокое место было до колен, и мы больше лежали в воде

*М. Волкова (справа) с родителями.
1916 г.*

между речными травами, чудесным своим запахом напоминавшими "зубровку"» (5).

Вечерами семейство слушало пение казаков, ужинали на террасе, играли в карты, «в разлуки». Вечером «степенный вахмистр, остановившись на вытяжку в дверях, докладывал, что «за истекший день

никаких происшествий не случилось». А затем, переменив тон на хозяйственный и домашний, и став «вольно», рассказывал, что Юрченко просится в отпуск – «жена родит не сегодня — завтра». «У Белоусова украдены сапоги...»

Здесь же было и осознание себя взрослой, и ухаживания за Тасей молодого человека, заведующего сельхозфермой, что располагалась в версте от лагеря, и серенады в ее честь. И первый в жизни вальс, и ревность, и слезы, и разочарования в любви... Все это было в Усть-Каменогорске...

Сборы закончились, Баженовы вернулись в Усть-Каменогорск, начались занятия в Мариинском училище¹¹, где Тая училась до 1912 года. Она «...много читала, писала дневник, учила уроки, даже организовала литературный кружок..., сортировала коллекцию камней Алтая, жуков и бабочек, много танцевала со стульями. Мы жили внизу,

11. Мариинское женское училище Усть-Каменогорска построено в 1901 г. Оно входило в систему благотворительных учебных заведений «Собственной ее императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии».

в бывшей квартире Голубовских, и стенные зеркала в гостиной отражали пол и всю меня в рост, одиноко и упорно кружащуюся со стулом...» (5)

Потом отец получил назначение в Туркестан, в Джаркент, что в Семиречье, где они жили в 1912-1914 годах.

В Джаркенте Таисия продолжила учебу у частного учителя. Здесь она дружила с еще одной будущей поэтессой, дочерью казачьего полковника Марией Волковой, которая

Усть-Каменогорск. Начало XX в.

посвятит своей подруге пять известных нам стихотворений. Дружбу эту они бережно пронесут через всю свою жизнь.

Последние вёсны в России

Но беспечная жизнь кончилась. Началась Великая война – один из самых широкомасштабных вооружённых конфликтов в истории человечества, в который вовлечены были многие страны мира. В этот период семья полковника Баженова жила в Омске. Здесь Таисия поступи-

Усть-каменогорская пристань. XIX в.

ла в Женскую гимназию, которую окончила в 1917 году. В очерке «Весна в революцию», опубликованном в «Вестнике Общества Русских Ветеранов Великой Войны» (Сан-Франциско)¹², Баженова описывает поездку на пароходе по Иртышу. Тогда вместе с матерью, сестрой и кузинами Тая отправилась на каникулы к бабушке и дедушке в Усть-Каменогорск.

Итак, весна 1916 года... Несмотря на тревожные сообщения с фронта, девушка счастлива, все ее радует: и ухаживания молодых людей, и чудесная весенняя природа. Она наслаждается прогулками по палубе, «мерным звуком колес», пением пленных австрийцев, «прохладой реки» и «запахами медвяных полей». Тая с упоением поет украинские, казачьи, крестьянские, солдатские песни и ро-

¹². «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны» — военно-исторический журнал. Освещал историю Первой мировой и Гражданской войн. Издавался в Сан-Франциско в 1926-94 гг. Всего вышло 274 номера. Редакторы: полковник Коневега, капитан Попруженко, полковник Б.Н. Сергеевский, полковник Швед, полковник А.Г. Ефимов, капитан Тихонравов.

мансы. «... Мы выходили на остановках в яркую пеструю и веселую толпу казачек, продававших овощи, ягоды и пироги, мы рвали цветы, когда пароход останавливался для погрузки дров на пустынном берегу. Иногда по вечерам или днем, когда не было публики в салоне первого класса, я пела там итальянские романсы Дэнца, и кухня мне аккомпанировала. У окон собиралась публика, раздавались аплодисменты, и мы сконфуженно покидали салон» (7).

Каникулы в Усть-Каменогорске были краткосрочными. Баженовы навестили родных, посетили знакомых, съездили в гости в Ульбинск... С юнкером Николаевского училища Павликом Толмачевым девушка гуляла по берегам Иртыша, побывала на оперетте «Мотор любви»... Но время было беспокойным, нужно было возвращаться.

И вновь весна в Омске, но теперь иная, тревожная.... «...Весна 1917 года была такая же, как все весны в Омске: теплая, залитая солнечным блеском, пахнувшая пылью, черемухой и сиренью. Но Пасха той весны была иной, чем за последние годы войны, – и хотя гудели и переливались церковные колокола, даже у нас, молодежи, было смутно тревожно на душе. Старшие, еще так недавно уверенные и сильные, растерялись и потеряли свой авторитет, – кругом все рушилось. Не было Государя, не было главы государства, и оно распадалось. Дни были полны зловещими телеграммами о братаниях на фронте, злобными выкриками на митингах, пакостными памфлетами, порочащими Царскую Фамилию... Но природа праздновала весну, и мы праздновали Пасху», – читаем в том же очерке «Весна в революцию».

С каждым днём становилось всё яснее: Россию ждёт что-то страшное, надвигается гроза, никак не связанная с

войной, зреет возмущение в обществе, которое разрастается с устрашающей быстротой, подобной неуправляемой стихии. «Все чувствовали... что-то должно произойти, а что именно – никто не представлял себе этого ясно. В политических кругах открыто и резко требовали смены непопулярного правительства и призывали к власти людей, пользующихся доверием страны. Но как назло, непопулярных министров сменяли у власти министры еще более непопулярные» (8), – писал Ф.И. Шаляпин о кануне революции. События стали разворачиваться со страшной быстротой. Кругом хаос, возмущение и смута.

Столица голодала, выстраивались огромные хвосты за продовольствием, заволновались солдаты в казармах, выходили из-под повиновения целые полки. Начались расстрелы офицеров. «Не стало императорской армии. Выпал один кирпич, и все здание рухнуло. Не очень крепко, значит, оно держалось...» (8)

Дебют в «Вечерней Заре»

Несмотря на тяжелое положение в стране, на страх и тревогу за будущее, молодость и талант брали свое... Таисия писала стихи, и в январе 1918 года юная поэтесса дебютировала в омской газете «Вечерняя Заря». Много лет спустя, в эмигрантской газете «Русская Жизнь» (Сан-Франциско) в статье, посвященной 25-летию литературной деятельности Баженовой, рассказывается, как это было: «27 января [нов. стиль — О.Т.] 1918 года в Омской "Заре" появилось первое стихотворение юной сибирячки, поэтессы Таи Баженовой. Это было то тяжелое время, когда с запада приходили поезда с разбитыми окнами, переполненными дезертирами с

фронта, когда боялись показаться на улице ночью, а на рассвете осторожно выглядывали из окон, не лежит ли у дома труп подбитого ночью прохожего и шли на базар, не зная, что там можно будет купить, кроме замерзшего зайца.

Когда редактору газеты П.В. Вологодскому было передано стихотворение, он отнесся к нему недоверчиво, сомневаясь, чтоб молоденькая девочка с круглыми щечками могла написать что-нибудь подходящее. Но его, как он потом говорил, заинтересовало, что смутное трагическое время не убивает поэтического настроения. Он прочел стихотворение, оно оказалось далеко не плохим и 27 января появилось в газете. Так началась литературная деятельность Таисии Баженовой. Омскую "Зарю" скоро закрыли за статью "Бесы", которую написал приехавший к тому времени в Омск из Петрограда Г.К. Гинс¹³. Но в мае произошло восстание в Сибири и жизнь в Омске скоро забила ключом».

Первая публикация взволновала впечатлительную Таю: «Это было 14 января [ст.стиля - О.Т.]. Я только что вернулась домой с именин, как мне сообщили, что... в "Вечерней Заре" напечатано мое первое стихотворение. От волнения я опустилась на колени перед кроватью, где лежала газета, и заплакала» (7), – вспоминает Таисия в очерке «Весна в революцию».

Нам удалось разыскать эту публикацию Таисии Баженовой:

К Новому году

Как землю снег покрыл зимой
Широкой, белой пеленой -

---

13. Г.К. Гинс (1887-1971) — российский учёный-юрист, политический деятель. Член правительства А.В. Колчака.

Так кровью Русь залита. Ей
Пришлось узнать немного дней
Счастливой, радостной свободы -
В войне гражданской все народы;
И всюду голод, всюду стон,
А сколько крови! Жуткий сон!
Поля, где хлеб когда-то зрел,
Покрылись сотней братских тел.
Повсюду – смерть, и всюду – стон,
И кровь, и слёзы... Жуткий сон!
Теперь зима... И снег идёт...
Быть может, счастье он несёт...
Он скроет кровь земли родной
Под снежной, белой пеленой,
И в безднах душ больных людей
Заглохнет ярость злых зверей.

В Белом Омске

За годы Гражданской войны выросла непреодолимая стена между двумя мирами, разрезав по-живому единый народ, разделив на своих и чужих.

Одни шли в «светлое будущее», другие — в эмиграцию, а кто-то – на плаху революции. В это время, в 1918 году, А.Д. Баженову было предложено «занять должность секретаря в омской газете «Иртыш» войскового правительства Сибирского казачьего войска. «Я с удовольствием взялся за работу, которая была мне по душе, – пишет он в статье "Последние годы на Родине и в эмиграции" (26 декабря 1940 г.). – Кстати сказать, свою литературную работу я начал с 1897 года. Именно с того момента, когда я описал

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НА РОДИНѢ И В ЭМИГРАЦИИ.

Ваша жизнь, мой друг, прошла в борьбе, в борьбе за свободу, за справедливость, за счастье народа. Ты был впереди, ты был смелее, ты был честнее. Ты был тем, кто не сдавался, кто не отступал, кто не боялся. Ты был тем, кто боролся до конца.

Васильев Василий Васильевич

Васильев Василий Васильевич родился в 1885 году в деревне... Он окончил университет в Москве... Работал в различных учреждениях... Был активным участником революционного движения... В 1917 году участвовал в Октябрьской революции... В 1920 году эмигрировал в США... Жил в Нью-Йорке, работал в различных фирмах... Был членом партии... В 1930-е годы переехал в Канаду... Жил в Торонто... В 1940-е годы переехал в Австралию... Жил в Сидней... В 1950-е годы переехал в Великобританию... Жил в Лондоне... В 1960-е годы переехал в Канаду... Жил в Торонто... В 1970-е годы переехал в Австралию... Жил в Сидней... В 1980-е годы переехал в Канаду... Жил в Торонто... В 1990-е годы переехал в Австралию... Жил в Сидней... В 2000-е годы переехал в Канаду... Жил в Торонто... В 2010-е годы переехал в Австралию... Жил в Сидней... В 2020-е годы переехал в Канаду... Жил в Торонто...

Ваша жизнь, мой друг, прошла в борьбе, в борьбе за свободу, за справедливость, за счастье народа. Ты был впереди, ты был смелее, ты был честнее. Ты был тем, кто не сдавался, кто не отступал, кто не боялся. Ты был тем, кто боролся до конца.

Ваша жизнь, мой друг, прошла в борьбе, в борьбе за свободу, за справедливость, за счастье народа. Ты был впереди, ты был смелее, ты был честнее. Ты был тем, кто не сдавался, кто не отступал, кто не боялся. Ты был тем, кто боролся до конца.

МЪХОВАЯ ФИРМА
Г. Горбатенко и К-о, Инк.
 ПОЗДРАВЛЕТ СВОИХ УВАЖАЕМЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ, ДРУЗЕЙ И ВСЕ РУССКИЕ КОЛОНИИ С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И С НОВЫМ ГОДОМ.
 СКАРРОВ | СКАРРОВА

QUANES
 МУЖСКИЕ И ДАМСКИЕ ВЕЩИ
 В ПОСЛЕПРАЗДНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ

L. FOX FUR CO.
 ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА
 ШЕРСТЯНЫХ ШУБ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ

THE PROGRESS
 ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА
 ШЕРСТЯНЫХ ШУБ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ

WESTERN TAILORS TRIMMINGS CO.
 ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА
 ШЕРСТЯНЫХ ШУБ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ

Ваша жизнь, мой друг, прошла в борьбе, в борьбе за свободу, за справедливость, за счастье народа. Ты был впереди, ты был смелее, ты был честнее. Ты был тем, кто не сдавался, кто не отступал, кто не боялся. Ты был тем, кто боролся до конца.

KIRBY'S
 ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА
 ШЕРСТЯНЫХ ШУБ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ

Ваша жизнь, мой друг, прошла в борьбе, в борьбе за свободу, за справедливость, за счастье народа. Ты был впереди, ты был смелее, ты был честнее. Ты был тем, кто не сдавался, кто не отступал, кто не боялся. Ты был тем, кто боролся до конца.

ИДА ДУБАВИНА
 MAYOR MILLINERY SHOP
 ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА
 ШЕРСТЯНЫХ ШУБ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ

PERSONALITY HAT WORKS
 ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА
 ШЕРСТЯНЫХ ШУБ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ

МАРИ ОЛТРОВА СТАЙЕР
 ПОСЛЕПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА
 ШЕРСТЯНЫХ ШУБ И ДРУГИХ ВЕЩЕЙ

одну свою служебную командировку в юмористическом тоне. Контора журнала «Разведчик», популярного в русской армии, выдала мне за статью 5 руб. 75 коп. Страшен только первый шаг, а дальше обычно идет все гладко» (6).

Пост редактора газеты «Иртыш» было предложено занять генералу-лейтенанту, историку-краеведу Г.Е. Катаневу. Он согласился с условием, что ему будет позволено пожить на даче еще месяц. Поэтому А.Д. Баженов на первых порах совмещал должности и редактора, и секретаря. Сотрудников сначала не было, и ему приходилось самому писать статьи на разные темы, подписываясь чужими фамилиями. В этой газете, наряду с публикациями Г. Вяткина, А.Г. Грызова, А.А. Грызова (А. Ачаира), чешского майора Я. Кошека, В. Язвицкого, публиковала свои стихи и дочь – Таисия Баженова.

С ноября 1918 по ноябрь 1919 годов Омск на короткое время стал центром Белого движения Сибири и Ура-

Омск. 1918 г.

Колчак в Омске. 1919 г.

ла и временной столицей России. В том же очерке «Последние годы на Родине и в эмиграции», опубликованном в газете «Новая Заря» Сан-Франциско, А.Д. Баженов пишет, что А.В. Колчак «...принял крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройств государственной жизни», и объявил, что не пойдет «не по пути реакции, ни по губительному пути партийности». Главной своей целью адмирал ставил «создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществлять великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру...» (6)

Возможно, этому событию юная поэтесса посвятила пафосное стихотворение:

Еще не погибли казачьи станицы,
Не пала родная Сибирь:
На страже, у ног белоснежной царицы,
Весь в латах седой Богатырь...
Иртыш, успокойся в отрогах Алтая!
Ты рад, что проснулся Ермак?
Для жизни и счастья родимого края
Он ожил, наш старый казак.

Теперь не погибнут казачьи станицы,
И матушка-Русь не падет:
Ермак Тимофеич Московской царице
Полки свои двинет вперед!
И с песней казачьей, чрез степи и горы,
Оставив сибирскую ширь,
Пойдет усмирять он людские раздоры,
Наш славный казак – Богатырь...

Омск. 1919 г. (11)

В Белой столице тогда сосредоточились различные

Колчак в Омске. 1919 г.

Омск - Белая столица

министерства и ведомства сменявших друг друга правительств: Временного Сибирского, Директории и Всероссийского, возглавляемого Колчаком. Над омскими крышами реяли флаги союзных держав, дислоцировались британские стрелковые части, французский колониальный корпус, польские, сербские, румынские, чешские и итальянские гарнизоны. Омские улицы часто оглашались разноязычным пением и военными маршами. Здесь же находилась резиденция Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Количество жителей Омска в этот период выросло до 600 тысяч человек. «В истории Омска это было, вероятно, самое памятное и достопримечательное время. В Омске собрались представители всяких профессий, в том числе и литераторы. Здесь выступали Сергей Ауслендер, Нина Подгоричани, Язвицкий, Георгий Вяткин, Ярнольдов, читал свои стихи талантливый Маслов. В этой атмосфере развивалось поэтическое дарование молодой писательницы», – читаем в газете «Русская Жизнь» (Сан-

Франциско).

«Омск жил большой, интенсивной жизнью, – писала Таисия Баженова в очерке "Роман с киргизом", опубликованном в 1940-м году в газете «Новая Заря» (Сан-Франциско).

Чехи в Омске. 1919 г.

– Формировались полки и отряды, и одним из первых ушел партизанский отряд атамана Ивана Красильникова. Молодежь с бело-зелеными ленточками вместо кокард захо-

дила проститься перед отъездом на фронт. По улицам в иностранных формах стали попадаться славяне из пленных. С пением песен или оркестрами шли войсковые части... Китайцы с арбузами и подсолнухами сидели у моста, торговки продавали синие астры... Проходила похоронная процессия в черном, оркестр играл похоронный марш.

Чехи были героями дня, – подтянутые, веселые, любезные. С ними охотно знакомились, приглашали в дома, и только старики неодобрительно покачивали головами и отплевывались, поглядывая на это увлечение чехами» (10).

В литературной среде Омска популярность поэтессы росла. Таисия успешно печаталась в Омских газетах, сотрудничала с журналами «Отечество» и «Иртыш». Шестого марта 1919 года в газете «Наша Заря» опубликовано ее стихотворение «Спящий город». Среди оперативных сводок с фронта и неутешительных новостей дня ее стихот-

ворение, как весточка из той, мирной жизни, как глоток чистого воздуха....

Спящий город

Город, снегом запушенный,
Днем шумливым утомленный,
В сказке ночи утонул.
Ночь в молчанье веет думы...
Тихо-тихо... Смолкли шумы,
Словно мир навек заснул.
На лице снежинки тают,
В волосах твоих сверкают,
И лучами искр горят.
Улиц тихих, молчаливых,
Так торжественно красивых –
Видишь праздничный наряд?
Не буди же шаловливо
Смехом звонким и шумливым –
Улиц спящий страх! –
Дай уснуть – за днем уставшим,
Счастье, может быть, лишь знавшим,
Только... ночью в снах!
Пусть хоть в эту ночь метели,
Что недавно лишь шумели,
Город избегут...
Пусть, в нем, – снегом запушенном,
Тишиною усыпленном –
Мысли чистые живут (9).

К двадцатилетию Таисии, 18 мая 1919 года, газета «Наша Заря» вновь опубликовала ее стихотворение «По-

Омск. Дом Сорокина

следним вечером». Кому же оно посвящено? Быть может, памяти Павлика Толмачева¹⁴, выпускника Омского кадетского корпуса и юнкера Николаевского кавалерийского училища, с которым она была на каникулах в Усть-Каменогорске: с ним у Таи был роман, а потом горестное расставание в 1917 году. Павлик погиб летом 1918 года в Усть-Каменогорске во время контрреволюционного переворота.

---

14. П.И. Толмачев (1898 – 1918) — хорунжий Сибирского казачьего войска. В начале июня 1918 г. один из активистов усть-каменогорской тайной военной организации войскового старшины П.И. Виноградского. Убит во время восстания в Усть-Каменогорске в ночь на 10 июня 1918 г. в бою за паромную переправу через р. Иртыш.

Последним вечером

Я не буду плакать, – я не буду, милый!..
Я с тобою — только — рядом посижу, –
Пусть в душе исчезли радости и силы, –
Я тебе об этом, разве, расскажу?
Вечером весенним, сильно утомленной,
Я прижмусь тихонько к твоему плечу..
Ты уедешь завтра, нежный и влюбленный,
Для победы славной — русскому мечу..
Слезы?! – Я не плачу... И совсем их нету..
Где ты видишь каплю, каплю этих слез?..
Если б ты приехал погостить на лето?..
Но какой же детский, глупый мой вопрос!
Будем светлы, солнце! Было счастье — наше, –
И последний вечер этот только — нам! –
Пусть, ты будешь ранен, – пусть умрешь ты, даже,
Я тебя без ропота Родине отдам! (9)

А между тем, жизнь в Омске буквально кипела событиями. В знаменитом доме художника и писателя Антона Сорокина собирается вся творческая интеллигенция. Интересны свидетельства Николая Анова, приехавшего в Белую столицу осенью 1918 года: «Состав слушателей был самый разнообразный. Рядом со мной сидел будущий знаменитый писатель Всеволод Иванов, его Антон Семенович назы-

А.С. Сорокин

вал и рекомендовал незнакомым гостям как «сибирского Горького». Наискосок — юноша в студенческой тужурке,

Омск. Кинотеатр "Гигант"

поэт Юрий Сопов. Выделялся длинными седыми усами военный фельдшер, отец позднее известного писателя Александра Павловича Оленича-Гнененко. Кстати сказать, он тоже писал стихи. Если не ошибаюсь, тогда я впервые увидел поэтессу графиню Подгоричани. Возле нее почтительно сидел поэт Игорь Славнин, не сводивший с красивой, нарядной грузинки глаз»¹⁵ (10).

Бывала на тех литературных вечерах и Таисия Баженова. В это время она работала в Казачьей Войсковой Управе «писарем» в Ветеринарном отделе. Она вспоминала, как «вносила "входящие и исходящие" в книгу, дежурила с барышнями, такими же писарями и машинистками... у телефона, а между всем этим писала стихи, печатала их в "Вечерней Заре" и "России", получала гонорары в сотнях

---

15. Н.М. Подгоричани (1889-1964) – поэтесса Серебряного века, переводчица. Происходила из графского рода Подгоричани из Далмации. В близких кругах была известна как «княгиня Подгоричани». Литературным дебютом стали переводы английской сказки «Хобиасы» и драматической поэмы «Читра» Р. Тагора.

Омск. Нач. XX в.

рублей, превышавших... месячное жалованье, и с "писарем" Марусей Нестеровой пила шоколад в кофейной Зока. А по вечерам у нас или у Лариссы, подружки сестры, жившей в нижнем этаже, собирались чехи, ходили в кинематограф на "Обожженные крылья"¹⁶ с Верой Каралли и "Наташу Ростову". Капитан Магиска, которому нравилась живая и бойкая, как угорь, Лора, учил меня петь дуэтом "Глядя на луч пурпурного заката", но был ко мне равнодушен, и это меня бесило» (10).

Тая была обаятельной, жизнелюбивой и романтической девушкой. В нее влюблялись молодые люди. Чех по имени Готарек, «с блуждающей немецкой пулей внутри», писал ей из Челябинска, куда он был отправлен с санитарным поездом: «Я хочу умирать у твоих ног». Он просил Таисию не забывать его, «он "ридал за мной", он просил быть его "зомкой", чтобы увезти в Чехию, где я стала бы "домовить". Все это было и страшно, и весело, и безразлич-

---

16. «Обожженные крылья». Фильм 1915 г. В гл. роли Вера Каралли. Род. в Москве. Режиссер Евгений Бауэр, сценарий Юрия Слёзкина.

А.А. Ачаир

но, когда он вызвал меня телеграммой на вокзал, проезжая через Омск на операцию в Томск, мне было все равно. Я была влюблена только в одного есаула Смирнова» (6).

Очерк «Роман с киргизом» – поистине исторические свидетельства, позволяющие воскресить жизнь в Омске в период правления адмирала А.В. Колчака. «Я помню, что ходила

на вечер поэта-футуриста Давида Бурлюка, дерзко издевающегося над публикой, над выступавшим вместе с ним в программе "непризнанным" писателем Антоном Сорокиным, над каким-то батюшкой, неумело вступившимся за русскую поэзию... Помню, что была на вечере, устроенном Бюро Печати, на котором танцевали и пели одетые в шотландские юбочки, англичане из Йоркширского полка... По просьбе сибиряков-областников... написала стихотворение, посвященное памяти Ядринцева, с которым выступала в день юбилея в Географическом музее, начав дрожащим от волнения голосом: "Ты видишь, Ядринцев, сбылись твои желанья..."»

Вместе с известным поэтом и музыкантом Алексеем Ачаиром, также эмигрировавшим позднее в Китай, Тая посетила известного поэта Георгия Вяткина¹⁷, где тоже читала стихи. Ходила и «на поклонение» к знаменитому географу, этнографу, фольклористу, ботанику, общественному деятелю, исследователю Сибири и Центральной Азии Григорию Николаевичу Потанину.

---

17. Г.А. Вяткин (1885-1938) – русский советский прозаик, поэт, драматург, публицист. Активный участник литературных процессов в Сибири, один из основоположников современной сибирской литературы. Сибирский областник.

Много времени Таисия посвящала благотворительности, собирая пожертвования на теплые вещи для солдат, стоя с кружкой на мосту через Омь, а также в драматическом театре, обходя с цветами театральные ложи, занятые французами и японцами, «ничего не понимавшими в "Женитьбе" Голя».

Н.М. Подгоричани

Вспоминала, как однажды из озорства, занимаясь благотворитель-

ным сбором молодежь, окружила автомобиль с французскими офицерами. «Автомобиль остановился, и офицеры, смеясь над нашей затеей, охотно опустили в кружки синие и зеленые бумажки в 25 и 30 рублей» (10).

Как-то на мосту они остановили англичанина на лошади. Он сказал, что не может выпустить поводья, чтобы достать деньги. «Ничего, – сказала Тая по-русски, принимая поводья, – мы подержим». Ему пришлось подчиниться и достать бумажник.

В том же очерке «Роман с киргизом», она описывает, при каких обстоятельствах произошла ее встреча с А.В. Колчаком. Это было 30 апреля в Гарнизонном Собрании Омска.

Омск. Драматический театр

А.В. Колчак

По случаю образования новых славянских государств — Польши, Чехословакии, Югославии — был устроен большой и торжественный Славянский бал. На торжество Таисия явилась в белом платье, белых туфлях и белых чулках с длинной

лиловой бархатной лентой вместо пояса, потратив на наряд 500 рублей своего гонорара. «Ласковый майор Кошек, увидя меня столь блистательной на фоне той вообще очень скромной омской обстановки, посадил меня ... на самое выгодное место — у входа в зрительный зал перед широкой парадной лестницей — продавать программы...

Неожиданно на лестнице началось большое движение. Сопровождаемый адъютантами, офицерами, улыбающимся Кошекком и другими высшими славянскими представителями, наверх быстро поднимался адмирал Колчак. ...Майор Кошек обратился ко мне, твердо акцентируя на первых слогах:

– Мадемуазель, предложите его превосходительству программу.

Я помню, что была очень взволнована, что не сразу как-то выбрала нарядную программу и передала адмиралу. Он слегка улыбнулся на мое замешательство, раздвинул... плотно сжатые губы и сказал глухим бесцветным голосом:

– Благодарю, мадемуазель.

Запомнился его усталый вид и не то суровый, не то печальный взгляд, его обветренное лицо, крупные черты

лица с мощным, волевым профилем и неровно приподнятые брови...» (10)

Тогда же, в 1919 году, в омской типографии газеты «Вперед» вышел первый и, к сожалению, единственный сборник стихов Баженовой «Песни Сибирячки». О чем же пишет сибирячка? В ее стихах, мятежных под стать времени, доминирует героическая тема. В них, написанных подчас в

былинном стиле, звучат русские народные песенные мотивы, воспевающие доблестных, вольных, преданных Родине казаков.

А. Д. БАЖЕНОВЪ
Вперед-гетеро-информация
(Вып. 1991 г.)
Сиб. Ч. В. Александровъ.

Идут!

Не ветер ли буйный по полю гудит
И в травах зеленых шумит и шумит?
Не солнцем ли ярким зажглись мотыльки
Над берегом синей шумливой реки?

Но это не ветер гудит по полям,
То кликнули зов удалым казакам.
И тянутся к Омску казачьи полки
С верховья и снизу родимой реки.

Враг близок... Он хочет Сибирь покорить,
Станицы все сжечь, казаков истребить...

Что будет с родными, с женой и детьми?
Пойти ко врагу и сказать: «Все возьми.

Оставь только жизнь мне. Ты – царь, я – слуга!
За жизнь я отдам тебе волю, луга».
Но вольный казак не наденет цепей,
Как гордый орел, он к простору полей

Привык еще с детства. И может ли быть,
Чтоб жизнь этой волей он мог бы купить?..
О нет! В казаке твердо держится честь,
И совесть пред Родиной-Матушкой есть!

Он всех угнетенных защитником был,
И честно он имя казачье носил...
Казак не изменит, казак не сбежит –
Он к родине милой любовью горит!

Не солнцем зажглись в вышине мотыльки,
То шашки сверкают: идут казаки.
Они – не изменяют, они – не сбегут.
И к Омску полками идут и идут!..

Пусть грозные вражьи станы близки,
Казачьи пики вдруг стали легки,
Казачья преграда растет и растет,
В казачьи станицы злой враг не войдет!

1919 г. (11)

Однако Гражданская война продолжалась, и к осени 1919 года в Сибири явно обозначился кризис Белого дви-

жения. Красная армия наступала и проигравшие войну должны были как-то выживать: одни переходили на сторону красных, другие готовились спешно покинуть родину. В стане побежденных оказалось и семейство полковника А.Д. Баженова. В ноябре 1919 года «по медицинскому свидетельству» Анатолий Дмитриевич был освобожден от службы, и 10 ноября 1919 года за четыре дня до падения Омска семья перебралась в Иркутск, откуда им удалось бежать за 3 часа до захвата города эсерами. Много лет спустя, в 1940 году в газете «Новая Заря» (Сан-Франциско) в статье

«Последние годы на Родине и в эмиграции» Анатолий Дмитриевич Баженов так объясняет свой отъезд за рубеж: «Я хотел лишь отметить невозможность оставаться на Родине, когда она порабощалась

Чешский поезд в Сибири

большевиками, когда русские люди лишились собственности, свободы вероисповедания, свободы мысли и слова. Бросив почти все имущество, я ехал на Восток» (6).

«Но как понять изгнание мое?»

Поздней осенью с бесконечно нудными дождями и холодами семья Баженовых в потоке беженцев двинулась в восточном направлении. Вероятно, они были среди тех счастливицев, кто уезжал в чешском эшелоне. Поезда, пере-

Отступление Колчака из Омска

груженные людьми, идущие один за другим на расстоянии нескольких десятков метров, еле-еле двигались, делая вынужденные остановки. Теснота, плохое питание, скверные санитарные условия, тревоги и усталость пассажиров, — все это было благоприятной почвой для эпидемии тифа. Часто паровозы выходили из строя и задерживали движение последующих. Как ужасающие привидения, на запасных путях станций стояли эшелоны, груженные окоченевшими трупами. И как-то не верилось, что эта дорога в неизвестность последняя, а обратного пути уже не будет никогда...

Российская трагедия, величайшая смута... Какими словами назвать то, что свершилось в России, что обрекло людей на чудовищные испытания? Бесспорно, в братоубийственной войне нет совершенно правых и безусловно виноватых: каждая из сторон отстаивала свою правду. Однако, как же нужно было ненавидеть народ, чтобы втравить людей в братоубийственную войну! Предки землю пахали, растили хлеб, Родину от врагов защищали, жизни

отдавали, а их – брат на брата...

А Русь на Русь! И брат на брата?
Добро и зло, земля родная,
Ты перепутала когда-то¹⁸ (12).

Белый террор, красный террор... И то и другое было! А кто более жесток в той бойне, может быть, победители? – не нам судить! «Кто был более жестоким в гражданской войне? – однажды переспросил меня коллега. – Конечно, победители! Их не учили благородству и чести!» Не знаю... Не уверена... Не спешу делать выводы. Не благодарное это дело – судить дела минувших дней! Ведь поднялся же народ разом, всем миром, значит, были причины! Неужели решающую роль здесь сыграла только большевистская пропаганда? Ведь еще в 1876-м году И.С. Тургенев писал: «Да, наш народ спит... Но мне сдается, если что его разбудит — это будет не то, что мы думаем».

Конечно, это не праздные размышления! Страсти с годами утихают, и возникает естественное желание разобраться в мотивах страшной войны. Как говорится, большое видится на расстоянии... Чью сторону принять сегодня, по прошествии века? Затрудняюсь себе ответить, но твердо убеждена в том, что Гражданская война – самая страшная трагедия в истории человечества и, пожалуй, самая постыдная страница в истории России.

В результате социальной катастрофы, началось массовое переселение народов и великие, непоправимые при этом потери. Проигравшие, теряя близких, терпя лишения

18. Строки из стихотворения «Психическая атака». Автор – неизвестный узник Владимирской тюрьмы, из которой чудом была передана откритка со стихотворением.

и невзгоды, преследуемые соплеменниками-победителями вынуждены были покинуть родину. А разве они меньше любили родную землю? Разве мало сил и жизнью отдали в борьбе за независимость Отечества? Вот крик души «неукротимого оптимиста» Георгия Дмитриевича Гребенщикова, когда он «в смертельной тоске» восклицает в очерке «Святая Русь»: «Русского народа как нации нет, ибо у него нет родины даже и там, в России. Весь народ и там бездомен, и там беспризорен, и там круглый сирота. Весь Русский народ стал блудным сыном, но и вернуться ему некуда, ибо у него нет дома и у него нет Отца: ни милостивого, ни грозного царя. Ему не к кому вернуться даже с раскаянием. У него нет и Матери, ибо всеобщую Мать свою, Святую Церковь, он сам разбил на части, и многие с осколками ее ушли в иные страны» (2).

Что и говорить, страшен финал трагедии: цвет страны, лучшие умы, гордость России перетекали за рубеж! Военные, ученые, представители духовенства, врачи, учителя,

Д. Белюкин. «Исход»

инженеры, конструкторы, люди от сохи и станка, писатели, художники оказались за бортом Отечества. Один из историков «оттуда» Петр Ковалевский отмечал, что «...в мировой истории нет подобного по своему объему, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем... Русское рассеяние превзошло все бывшие до него и по числу, и по культурному значению, так как оно оказалось центром и движущей силой того явления, которое обычно называют русским зарубежьем, но которое следовало бы называть "Зарубежной Россией"... Это русское зарубежье может быть исчислено между 9 и 10 миллионами человек» (13).

Однако хорошо потрудились советские писатели, историки, кинематографисты, создавая в нашем сознании образ белоэмигрантов, прожигавших жизнь на чужбине, продававшихся иностранным разведкам, плачущим по белоствольным березкам, потерянным усадьбам и по утраченной матушке-России. Железный занавес был непроницаемым, и возможности читать произведения русского

зарубежья советский читатель совершенно был лишен. Как тут разобраться в перипетиях истории? А вот бывшая Белая гвардия зачитывалась и «Петром Первым», и «Конармией», и «Тихим Доном», в особенности. «Читал я "Ти-

хий Дон" взхлеб, рыдал-горевал над ним и радовался – до чего же красиво и влюбленно все описано. И страдал-казнился – до чего же полынно-горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки – батраки-поденщики – собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались «Тихим Доном» до слез, и пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту, – писал из Болга-

рии бывший хорунжий из Вешек Павел Кудинов российскому литературоведу, автору книг о творчестве Михаила Шолохова – Константину Ивановичу Прийме. – Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова "Тихий Дон", как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами.., – эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли» (14).

Когда же пытаюсь постичь истину в этом вопросе, вспоминаю поразившие меня строки из книги «От красных лап в неизвестную даль. Поход Уральцев» последнего атамана Уральского казачьего войска, русского военачальника, участника Первой мировой и Гражданской войн, командующего Уральской отдельной армией Владимира

Сергеевича Толстова. Дивлюсь сплетению человеческих судеб! В.С. Толстов – дядя по матери подруги Таисии – Марии Волковой, родившейся в Усть-Каменогорске. Как все «уходцы», Толстов долго мыкался по разным странам и надеяться ему, как и всем изгнанникам, оставалось «лишь на Бога». О причинах начала Гражданской войны он писал, что слишком много было праздно шатающейся «тыловой нечисти» там, «где менее опасно», мутившей народ против тех, кто верой и правдой служили ей, кто «бились, лили кровь свою и противников, в большинстве также честных людей... «Не должна быть забыта гнусная деятельность их в то время, когда мы и другие русские армии изнемогали в борьбе, казалось, с общим государственным врагом, а они занимались в это время интригами, провокаторством, барышничеством; вселяли недоверие главам армий, борющихся за одно дело, друг к другу; восстанавливали своим вечным шлянием в тылах и грязными делами недоверие среди населения, как к рядовым бойцам, так и к командному составу; самое же главное – лишали общего языка людей, стоящих в одном месте и при одном и том же деле – защиты Родины». «Глубоко верю, – писал в заключение Владимир Сергеевич, – что в будущей Великой России, если не они будут краснеть от стыда, то родившиеся от них» (15).

В.С. Толстов

Эти строки перекликаются с «Ответом» Бориса Львовича Бразоля — русского юриста, общественного деятеля,

писателя, литературного критика, основателя и председателя Общества им. А.С. Пушкина в Америке. В статье «Царствование Императора Николая II в цифрах фактах (1894-1917 гг.). Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам» Бразоль пишет: «Прошло более сорока лет со времени февральской революции 1917 года и гибели Императорской России, упорно, десятилетиями, подготовлявшей её врагами, внутренними и внешними. Не было той лжи, не было той клеветы, не было того пасквиля, которыми бы ни обливали Царское правительство, а за одно с ним и русский народ. Миллионы долларов, фунтов стерлингов, германских марок, французских франков да и русских рублей было брошено иностранными банкирами, политическими проходимцами, революционными дельцами и бездельниками, всех толков и направлений на бешеную антирусскую пропаганду, на свержение русской Монархии и разорение русской государственности» (16). Как говорится, этим все и сказано!

Каппелевцы

**«И скоро станет родиной изгнанье,
А родина – как стелющийся дым...»¹⁹**

В феврале 1920 года Баженовы прибыли в Читу. О последнем месяце пребывания Баженовых на родине Таисия Анатольевна пишет в очерке «Станция Оловянная», опубликованном в журнале «Феникс» (Шанхай) в 1935 году.

«Читу в феврале 20 года вспоминаю так: ...огромный двор семинарии с высокими темными соснами, сквозь которые синее вечернее небо и горят звезды, высокий, по пояс снег, мерзнет лицо, снег пахнет свежерезанным арбузом, от сосен — запах, преследующий нас с Тайги — легкой гари и сосновых шишек. Чудесный запах!» (17)

Чита заполнена беженцами, а они все прибывают. Среди путей с составами суетятся люди, между вагонами развешено белье. Здесь бродят и каппелевцы, еще заросшие волосами и не отмытые, в грязных ватных одеждах и

---

19. Строка из стихотворения Л. Хаиндровой.

разбухших пимах. Только недавно «пришедшие из страны ужаса и смерти», преодолевшие в многотрудном походе озеро Байкал, «...они улыбаются покою, солнцу и женщинам».

В квартире при семинарии семья Баженовых живет под постоянным «присмотром». «По вечерам учитель с женой подглядывают в дверь: к нам приходит много людей, и приводит их армянин лет 38, красивый, с сединой в волосах, знакомый нам по эвакуации из Омска. Приходят три каппелевца, высокие, плечистые с университетскими значками, с воспоминаниями о Волге.., только что пришедшие в Читу через Байкал... В нашей квартире за столом, кроме папы, мамы, меня и двух сестер, сидит еще за чаем с постными крендельками ... вице-губернатор, Сергей Иванович, – старый холостяк и брюзга». В итоге «...этих таинственных соборищ решено: зафрахтовать теплушку до Владивостока, обшить ее кошмой, экипировать, и как можно скорее выбираться из Читы» (17).

В Чите Баженовы прожили до марта 1920 года. Затем в теплушке, прицепленной к чешскому эшелону, под вооруженной охраной они отправились до Владивостока. Все казалось бы способствовало комфортному и спокойному отбытию: прекрасный солнечный мартовский день, хорошо оборудованная теплушка. «Внутри тепло от кошмы, чисто, и посередине, кроме железной печки с трубой — большой деревянный стол и даже стулья. Это — поистине настоящая, роскошная теплушка, какую приходилось видеть только у чехов», – пишет Таисия в очерке. Но радость была недолгой. Утром следующего дня беженцы поняли, что чехи их предали, отцепив теплушку на следующей Карымской станции. В том же очерке Таисия Баженова описывает

дальнейшее, полное опасности, бегство во Владивосток.

«Мы молились и верили в чудо...»²⁰

Получив разрешение следовать дальше теперь уже с пассажирским составом, беженцы продолжали путь на восток. Дорога была небезопасной: красные партизаны взрывали мосты, разбирали железнодорожные пути, случались вооруженные набеги на пассажирские составы, расстрелы.

Солнечным мартовским утром, в день именин мамы, Евдокии Ивановны, эшелон с беженцами стоял на станции Оловянная. Было тепло и празднично на душе. Женщины вместо шуб надели костюмы и пальто, настроение у всех приподнятое и весеннее, и ничто, казалось, не предвещало беды. Однако вечером разнесся слух о том, что станцию захватили красные.

Пассажиры прикипают к окнам, но на улице темно и тихо, в теплушке тягостное молчание. И вдруг все как будто выходят из оцепенения и начинается лихорадочная деятельность. Всё, что прятали в долгом пути и пытались сберечь до последнего часа как память: документы, письма, фотографии, военную одежду – все летело в топку паровоза. Вещи не успевали сторать, но в огне оказывались все новые и новые, – все, что могло служить источником смерти.

А вот свидетельство А.Д. Баженова из его очерка «Последние годы на Родине и в эмиграции». Отец Таисии пишет о том же: «При переезде в Харбин, на жел.-дор. станции Оловянной нас обыскали большевики. Все, выдающее

---

20. Строка из стихотворения М.В. Волковой.

меня, как офицера, я успел сжечь в печке. К большому моему сожалению, пришлось сжечь наш журнал, собранный за полтора года. Сколько в нем было ценного!» (6)

Между тем наступила ночь. За окнами ни выстрелов, ни зарева пожара, ни криков, только зловещая пугающая тишина. Все как будто угомонились, но не до сна! Тая в ожидании чего-то страшного все смотрит на понурю фигуру вице-губернатора, что сгорбившись в раздумье сидит у печки с фуражкой с красным околышем в руках. «Он не решается ее сжечь. С нею связано у него все лучшее, что было в жизни». Вдруг «кто-то большой и шумный лезет в теплушку, с шумом распахивает дверь и вваливается в желтом мохнатом тулупе и большой серой меховой папахе. Это красный партизан... Он широк от нескольких тулупов, он дик и скуласт, пьян и безумен» (17). Еле держась на ногах, озираясь, он угрожающе спрашивает: «Где тут лошади?» Все молчат, но Таисия не выдерживает:

«– Какие лошади? Для кого?

– Да, лошади! Для нашей красной кавалерии.

– Вы, наверное, ошиблись, – говорит кто-то, – здесь едут люди, а не лошади.

– Однако я ошибся, – соглашается партизан» (17) и с грохотом, спотыкаясь, удаляется».

По перрону снуют вооруженные люди, беженцы замерли у окон. Тая и сестра с неестественно высокими прическами, в которых, по просьбе попутчика армянина, спрятаны золотые кольца с драгоценными камнями, пьют чай. К ним вламываются партизаны и бесцеремонно присоединяются к чаепитию. За теми приходят другие.

«– Ни причесываться, ни пудриться, ни завиваться..., – требует мама. – А ты – обращается она к Тае, – пожалуй-

ста, больше ни с какими вопросами не лезь...»

Воспоминания 15-летней давности, но всё описано так, будто случилось вчера. «Спали мы ночь или нет, я не знаю. Смотрели в окно, ждали шагов. Мне лично казалось, что я мертва, бесчувственна ко всему, что случится со мной и с близкими. Враг в лице партизана был не так страшен, как я представляла себе невидимого врага, но он был туп и дик, как носорог или кабан, и он был волен над нашей жизнью и смертью. И не у него было доискиваться разрешения вопроса — на чьей стороне правда и почему он нас ненавидит» (17).

Когда наступило утро, всех выгнали из теплушки и начались обыски и грабёж. Тогда же беженцы узнали подробности происшедшего: о бунте солдат на броневике, ушедшем на практическую стрельбу, об аресте и расстреле всех офицеров станции, о взятии нескольких женщин в заложницы, о сговоре с красными.

Наконец, в полдень 19 марта 1920 года, судя по анкете «российского эмигранта А.Д. Баженова» (18), изгнанники прибыли в Маньчжурию²¹, в Харбин²².

г. Харбин

---

21. Маньчжурия – северо-восточный Китай.

22. Харбин — город в Китае. Основан русскими в 1898 году как станция на строившейся тогда КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге).

г. Харбин. Нач. XX в.

«В той стране, что хранима драконами...»²³

Итак, спасительный Харбин – русский город в Китае с удивительной, неповторимой судьбой. Туманно будущее изгнанников без защиты, без прав, среди чужих людей... Что их ждет, как сложатся дальнейшие жизни, что еще предстоит пережить? Пока же они счастливы тем, что в безопасности и ничто им не угрожает...

Однако именно в марте 1920 года в Харбине окончательно установилась китайская власть. Тогда китайские войска заняли штаб русского главнокомандующего, оккупировали полосу отчуждения КВЖД и начался китайский период истории Харбина, продолжавшийся до его захвата японцами в 1932 году и включения города в состав Маньчжоу-Го.

Не смотря на это, именно в 1920-е в город, что был центром КВЖД и строился русскими, буквально хлынула волна российской эмиграции: устремились остатки армий Колчака, Каппеля, атамана Семенова. В результате, с 1917 по 1923 год численность населения города выросла более чем в три раза. Ни в одном городе мира российские изгнанники не составляли национальное большинство и не

²³. Строка из стихотворения Л. Ещина.

г. Харбин

чувствовали себя как дома. Харбин хранил свой русский облик, а русский язык был официально признанным. В городе работали русские магазины, аптеки, больницы, школы; в гимназиях преподавание шло на русском языке по программам дореволюционной России. Сотни тысяч эмигрантов, считавших себя подданными Российской империи, здесь сами устанавливали порядки и законы, имели собственные суды, храмы, охранительные отряды и полицию. В казацких округах правили выборные атаманы. Своим обликом, названиями улиц и культурным размахом Харбин был похож на северную российскую столицу, поэтому его нередко называли Восточным Петербургом. Жизнь здесь текла привычно, своим чередом: как и на родине, праздновались Пасха и Рождество, гастролировали русские артисты: Ф. Шаляпин, А. Вертинский и С. Лемешев.

Г. Харбин(Нов.-город. Невская Церковь.
聖母堂

Трогательные строки городу на Сунгари посвятил поэт-эмигрант Алексей Скорняков:

Он стоял у широкой и мутной реки,
Пресловутый Харбин, город нашего детства,
Город юности, трудной судьбе вопреки
Сохранивший своё золотое наследство.

Уж такой наши деды оставили след
На Китайско-Восточной железной дороге,
Что хранили его от войны и от бед
И Святой Николай, и маньчжурские боги.

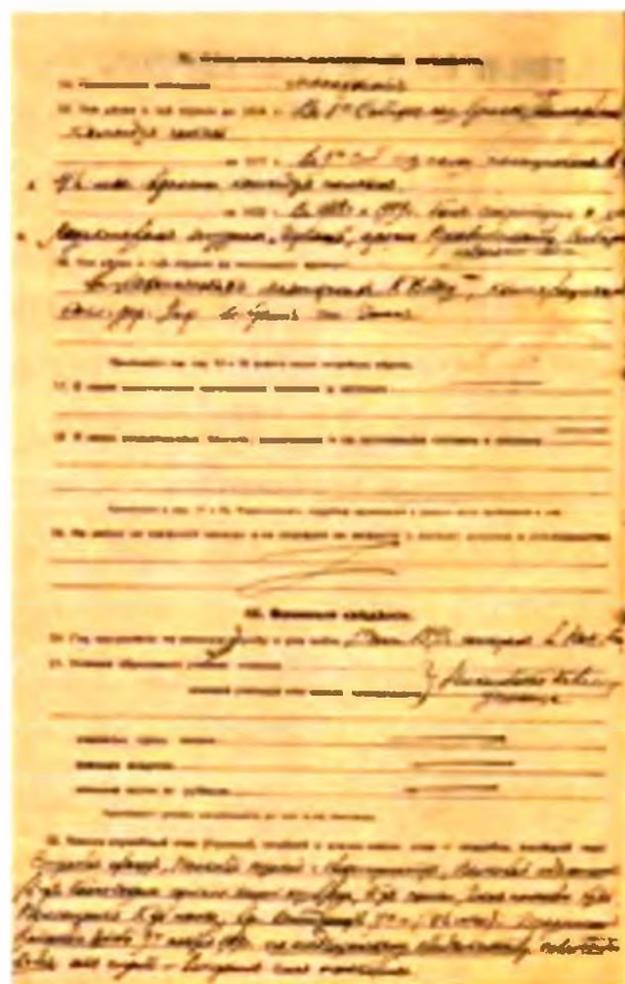
Там вплотную Россия с Китаем сошлись,
И с Востоком бок о бок соседствовал Запад,
Там черёмух и ладана приторный запах
С ароматами яств азиатских сплелись... (20)

Город в Китае стал приютом и второй родиной для многих изгнанников из России. Харбину посвятила благодарные строки и поэтесса-эмигрантка Елена Даль:

Русской бури путь зловещ и долог,
 Но меня, как тысячи других,
 Ты, Харбин, родной земли осколок,
 Защитил, укрыл от вихрей злых.
 И теперь ни от кого не скрою,
 Милым городом покорена,
 Что мне стала родиной второю
 Приютившая меня страна (29).

Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2344. Л. 1

Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2344. Л. 1об

Согласно упомянутой анкете «китайско-маньчжурского подданного А.Д. Баженова», семья полковника поселилась в спальном районе Харбина — Модягоу. Рассматривая карту Модягоу тех лет, нельзя не обратить внимание на названия улиц: Гарнизонная, Аптекарская, Институтская, Батальонная, Брусиловская, Вершинина, Гоголя, Дачная, Скобелевская, Двинская, Заводская... Комментарии, как говорится, излишни. Улица Бородинская, 5/8, «против китайских барачков», где поселилось семейство Баженовых, располагалась в самом центре района и тянулась параллельно Церковной и Бельгийской. Дом на Бородинской соседствовал с «Новой лечебницей ветеринарного врача Волкова Н.В.», дамской мастерской «Московская портниха Авдохина» и «Косметическим салоном Летовта».

По воспоминаниям эмигрантов, Харбин в то время был «вовсе не город, а ряд пригородов, объединенных рядом элементов» и, прежде всего, управлением КВЖД.

Район Модягоу считался также поселком, не входящим в городскую черту. Он получил название от небольшой речки, которую русские харбинцы именовали на свой лад – «Модяговка». А район в шутку называли «Харбинским Царским селом» и «эмигрантским аристократическим районом», потому что он славился особенно чистым воздухом и наличием ключевой воды, а его одноэтажные домики буквально утопали в палисадниках и во фруктовых садах. Вообще Модягоу характеризовали как «очень благоприятный, чистенький поселок. Даже в дождливое время грязь не выше колен» (20).

Модягоу напоминал типичную русскую провинцию, особенно «своей физиономией по праздникам», когда рано утром в церковь стекался народ, в два часа непременно начинался обед, а вечером часов с пяти оживал «Невский», – так называли улицу Гоголя. Здесь можно было встретить и старого отставного генерала, и чиновника, «отслужившего честно и непорочно лет двадцать на государственной службе», и «колбасника в белом фартуке». «Все это так знакомо, так пахнет типичной русской провинцией, что вы невольно иной раз забудете о соседстве стонущего, грохочущего интернационального Харбина», – писал С. Горенко в статье «Модягоу» (20).

Наталия Ильина, дочь царского офицера, эмигрировавшего в Харбин, в книге «Дороги и судьбы» вспоминала: «Тут были скамейки за оградами... для отдыха, бесед и щелканья семечек, попадались и дома с завалинками и резными наличниками окон... Некоторые жители держали коров, они паслись на зеленом пустыре, и вечерами улицы оглашались мычанием — коровы шли домой. И еще доносились мерные удары колокола из монастыря, чья стена

белела где-то там, за пустырем...» (30)

В книге Г.В. Мелихова²⁴ «Белый Харбин: Середина 20-х» читаем: «Пройдет несколько десятилетий, и советский комендант Харбина генерал-майор Скворцов напишет: "Когда я 20 августа 1945 года попал в Харбин, у меня было впечатление, что я внезапно оказался в прошлом. По улицам раскатывали бородатые извозчики в поддевках, пробегали стайки смешливых гимназисток, господа приподнимали котелки, здороваясь друг с другом, а попы в черных рясах степенно крестились на купола церквей"» (31).

«В чужедальной басурманской стороне...»²⁵

В Харбине Анатолий Дмитриевич Баженов устроился на службу в Механические мастерские КВЖД конторщиком железнодорожного управления, но его постоянно не покидали мысли служить Богу. Он дважды был на краткосрочных богословских курсах, «имея целью по освобождении Родины от большевиков послужить русскому народу священнослужителем» (6). В тот период он печатал духовные статьи в русских газетах и журнале «Хлеб Небесный», работал над статьями для юбилейного сборника «Сибирский Казак».

Таисия активно влилась в литературную жизнь Харбина. Она работала корреспондентом газет «Русский голос» и «Заря», сотрудничала с Обществом изучения Маньчжурского края. Стихи, рецензии, рассказы Таисии появлялись

---

24. Г.В. Мелихов – ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН – историк-китаевед, доктор исторических наук, профессор, действительный член Русского географического общества, председатель Ассоциации «Харбин-Москва».

25. Строка из стихотворения Н. Туроверова.

в журналах «Рубеж», «Русское обозрение», «Дальневосточный синий журнал», «Вал», «Архитектура и жизнь», в еженедельнике «Родная нива».

В газете «Русский голос» публиковались ее поэмы «Харбинка» и «19-й год», рассказы «Леночка» и «Серьга». Вот какой разговор состоялся у Таисии Анатольевны с редактором газеты «Русский голос» А.М. Спасским. После второго рассказа Таисии из сибирской жизни, он серьезно сказал:

« – Теперь, Т.А., вы должны выбирать: быть ли вам писательницей или отказаться от этого.

– Почему, Александр Михайлович?

– А потому, что в писании много радостей, но много и горечи, зависти, критики. Чем человек больше пишет, тем больше втягивается; писательство – это отравка.

– Да я уже отравлена, доктор!» (6)

В 1922 году в Харбине был создан литературно-художественный кружок. Инициатором создания его был председатель Харбинского коммерческого собрания М.Э. Гильчер. К началу сентября он насчитывал более 100 членов: поэтов, музыкантов, артистов. Они ставили спектакли, проводили публичные вечера, давали концерты, читали лекции. Таисия Баженова стала членом кружка и выступала с чтением стихов, главными темами которых, как и у большинства эмигрантов, были: Россия, чужбина, одиночество и ностальгия. Её тоска по родине то светлая, с ароматом «левкоев и белой сирени», то как боль, вынимающая душу:

Попалась мне под руку карта, –
По ней я училась в гимназии.
И вспомнилась старая парта

У карты Европы и Азии.
Тогда я учила названия
Озер, городов и губерний.
И чудились образы давние
В названьях старинных и древних.
Был витязь с картин Васнецова,
И Сергия Лик пречистый,
И славное царство Петрово,
Московский пожар, декабристы.
Вся карта живою вставала,
И я, не видав России, –
От края до края всю знала,
Все тропы ее глухие.
Теперь – те же реки и горы,
И те же поля, и просторы...
Но больно вчитаться в названья,
На каждом – кровавое знамя.

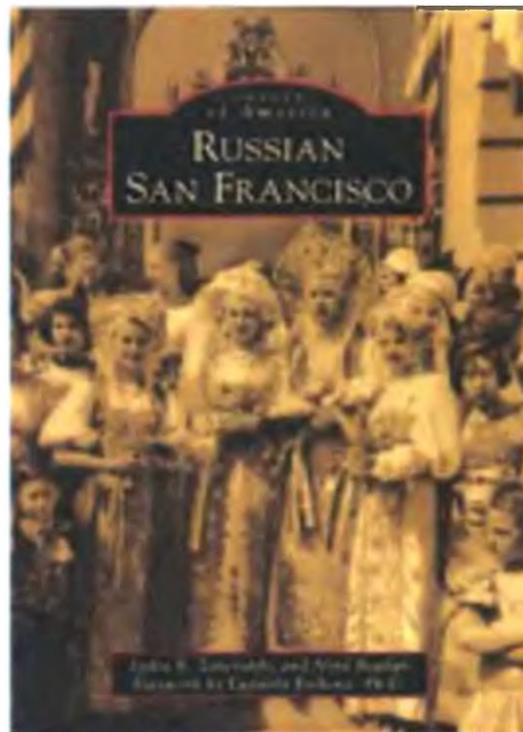
«Мне не вернуться уже назад...»

В Харбине-Модягоу Таисия Баженова прожила 5 лет. В 1925 году она перебралась в Сан-Франциско. Однако во многих источниках ее отъезд датируется 1927-м годом. Тогда как же объяснить то, что цикл ее статей «Письма из Сан-Франциско», печатавшийся в харбинской газете «Русское Слово», внештатным корреспондентом которой она являлась, и рассказывающий о первых порах жизни ее в Сан-Франциско, датируется маргом 1926 года? А может быть, многих ввела в заблуждение дата, указанная под стихотворением «Япония» – «1927 год», напечатанном в журнале «Молва» «по автографу». Но к автографу следу-

ет примечание, на которое многие не обратили внимание: «Написано по дороге из Харбина в Америку в 20-х годах». Вот оно! – ни слова о 1927 годе! А посему – 1927 год – это дата публикации, а не написания стихотворения!

Кроме того, в справочнике «Весь Харбин на 1926 год. Адресная и Справочная книга» числятся Баженовы: мать, отец, сестра и один из братьев – Геннадий, но Таисии в ней нет.

И, наконец, В.А. Суманосов выслал фото Баженовой из книги на английском языке «Русский Сан-Франциско»

Taisiia Anatolievna Bazhenova was a writer, journalist, and poet who arrived in San Francisco from Harbin in 1925. Often using the pseudonyms Nina Krasovskaia, N. Rusanov, and Miss Li, she wrote about many topics, mostly concerned with Russian émigré life. She wrote for the San Francisco newspaper *Russkaya Zhizn* (Russian Life). (Bazhenova file, courtesy Museum of Russian Culture.)

из серии «Образы Америки» (Издательство «Аркадия», Южная Каролина). На странице 31 помещен снимок Т.А. Баженовой с таким текстом: «Таисия Баженова – писательница, журналистка и поэтесса приехала в Сан-Франциско из Харбина в 1925 году. Часто используя псевдонимы Нина Красовская, Н. Русанова, Т.Б. и Мисс Ли, она писала на многие темы, большей частью связанные с жизнью русских эмигрантов» и т. д.

Почему же Таисия уехала, оставив родных? Вероятно, причиной тому послужила изменившаяся политическая ситуация в Китае. В этот период для беженцев там все складывалось, конечно же, не просто. Коренное население Китая, привыкшее к присутствию в полосе отчуждения русских, относилось к эмигрантам лояльно. Но были и ксенофобские выступления, связанные с Национальной революцией (1925-1927 гг.) и последовавшим за ней объединением Китая под властью Гоминьдана.

А может быть, она уехала в Америку оттого, что там ее ждал жених – сибирский казак, рожденный в Усть-Каменогорске, Александр Степанович Постников, за которого Таисия в 1926 году вышла замуж?

Итак, Таисия покидает родных и из Китая переезжает в США. В солнечную Калифорнию её путь лежал через Японию. В стихотворении «Япония», написанном по дороге за океан, как и в поэзии других авторов, звучат дальневосточные реалии и восточные мотивы. И какой-то особенной прощальной щемящей грустью пропитана ткань стихотворения:

г. Сан-Франциско. Начало 1930 гг.

Япония

В старой гостинице скрипят половицы,
А под окном — олеандры в цвету.
Белый хибачи соседки дымится...
Завтра я буду уже в порту.
Мне из окна видны крыши кумирен,
Сосен зеленых плоская тень.
Так вот проходит, созвучно-мирен,
Этот японский осенний день.
С улицы слышен звук самисена,
В грустной мелодии слезы дрожат...
Пусть даже слышат старые стены —
Мне не вернуться уже назад...
Я уезжала веселой, весенней.
Завтра, быть может, на вашем столе
Розы увянут — мой дар последний,

И уж другая станет милей.
Можно ли сердцу сильнее сжаться
В горечи дум, слез и любви?..
Кто теперь нежно согреет пальцы
Похолодевшие мои (32).

«Тут шумят чужие города...

И чужая светится звезда...»²⁶

«Сам по себе Сан-Франциско ничего интересного не представляет – все города Америки похожи один на другой, – писал гастролировавший в Калифорнии Александр Вертинский. – Расположен город так, что открыт всем четырём ветрам океана, поэтому он обдувается со всех сторон. Даже летом там бывает холодно. Как и во всех городах Америки, кроме магазинов и кино, в нем ничего нет. Поэтому жить там довольно скучно. Зато окрестности тонут в зелени. Много деревьев и цветов, и все это окружено белыми и желтыми виллами типа испанских домиков средневекового стиля, сплошь увитых желтыми, белыми, красными розами и причудливыми фонариками из разноцветных стекол.

Русская колония там очень большая.... Все служат, все работают на фабриках, в магазинах, в офисах. Работа скучная. Состоятельных людей почти нет... В Сан-Франциско есть небольшой клуб, в котором русские собираются по субботам. Раз в год устраивается большой бал в пользу русских инвалидов – жертв мировой войны. Русские дамы очень стараются и собирают обычно большие суммы денег, которые отсылаются потом в Париж, в Союз инвалидов.

---

26. Строка из стихотворения А. Вертинского.

Собравшая больше всех денег получает титул «Королевы русской колонии», что немало способствует соревнованию между дамами. Люди, с которыми мне приходилось там встречаться, произвели на меня самое лучшее впечатление. Все они очень гостеприимны, все тоскуют по родине» (21).

О жизни Таисии Баженовой в Америке поначалу нам известно было не много, и я часто задавалась вопросом: неужели 26-летняя девушка, приехавшая в чужую страну и не знавшая языка, сразу же могла устроиться корреспондентом в газеты Сан-Франциско? Да, нам известны ее пу-

г. Сан-Франциско

бликации из Калифорнии в газетах и журналах Харбина от 1926 года, но так в харбинских же!

Теперь, благодаря найденным её мемуарным статьям, некоторые вопросы прояснились. Итак, по прошествии 3 лет по приезду в Сан-Франциско, в 1928 году Таисию Анатольевну пригласили работать в только что организованную газету «Новая Заря»: заняться репортажами, писать фельетоны и интервью. А до этого? Чем она занималась эти два или три года, как выживала? Александр Вертинский, к примеру, пишет, что один его приятель миллионер «отпустил черную бороду и в кавказской черкеске с кинжа-

лом стоит у дверей ресторана и открывает двери гостям». А бывший генерал «держит теперь ресторан», а прокурор – комиссионный магазин и т.д.

И еще... Очень уж реалистичным мне показалось стихотворение Баженовой «Русская старушка». В нем описана пожилая сибирячка, также эмигрировавшая в Америку из Харбина. Чуть свет она едет в трамвае на фабрику, боится опоздать, но, несмотря на возраст, дама вынуждена работать. В стихотворении так зримо переданы сочувствие и жалость к пожилой женщине с её тоской по родине, одиночеством, трагедией от потери в Гражданской войне сына, что при чтении возникает мысль, что они знакомы и не раз ехали вместе в трамвае на работу на одну и ту же фабрику! Пожалуй, так оно и было.

Вот это стихотворение, опубликованное в 1935 году в журнале «Феникс».

Русская старушка

Только у русской старушки такое
В талию старенькое пальтецо.
Шляпа немодного давно покроя,
Не нарумянено совсем лицо.
Сядет в трамвай, посмотрит на лица,
Отведет смущенно взгляд на окно.
Я спрошу о здоровье — вся оживится,
Как будто ждала вопроса давно.
Подъедем к фабрике — бежит в волнении:
— Знаете, все-таки б не опоздать!
Приходит и ждет, опять с нетерпеньем
Смотрит на часики: скоро ли пять?

Солнце и душно. Гудят трамваи,
А женщины тихо и молча шьют.
— У нас ведь в России, и там, в Китае,
Сейчас морозы, не то что тут!..
Пришивает кружево к платьям детским,
В фуфайке, согнувшись, в очках, у окна...
— А дома, — шепчет, — больна невестка,
Опять без меня в постели одна...
— Бабушка, вам бы в теплую горенку
С тихой лампадкой да нянчить внучат!..
— Знаю, что были бы... Да умер сын Боренька,
В Сибири убит он как белый солдат (33).

«Вдали от Родины мы стонем, но не гнемся...»²⁷

Итак, вопрос о начальном периоде жизни Таисии Баженовой в Сан-Франциско неожиданно разрешился благодаря Сайту «Всероссийское Генеалогическое Древо». В его разделе «Русский Харбин» найдена статья, а потом и цикл статей Таисии Баженовой «Письма из Сан-Франциско», опубликованных в харбинской газете «Русское Слово» в 1926 году. Одна из заметок – «Гладильщица» (31 марта 1926 г.), – на мой взгляд, помогает нам представить то, как выживала Таисия в первые годы пребывания в Сан-Франциско.

Приехав вновь в чужую страну, поэтесса не сидит сложа руки, а смело идет вперед. Активная и деятельная, она стремится утвердиться в новой жизни и обрести в ней достойное место. Иронией и усмешкой наполнена первая строка очерка, где она, как будто легкомысленно, заявляет: «Мое новое амплуа? Извольте – гладильщица во фран-

---

27. Строка из стихотворения М.В. Волковой. Сборник «Песни Родине».

цузской чистке». Баженова не жалуется на судьбу, напротив, заметка наполнена желанием выстоять, вновь обрести себя, – благо, – слово кормит! Вероятно, в этой нестигаемости и оптимизме крылась причина её успехов.

Из публикаций мы узнаем, что в США Таисия устроилась работать гладильщицей во французской чистке. Вот строки из статьи, не правда ли, очень напоминающие стихотворение «Русская старушка»: «Встаю в 6 часов, в 7 лечу на трамвай. Электричества на улицах уже нет; еще совсем темно. Сажусь в свой трамвай. В трамвае – огонь. Едут рабочие в куртках, в грубых ботинках, грязных шляпах. Зевают. Чигают «Геральд», «Экзаминаер», «Бюлле гень». Со свертками и саквояжами, где термос с горячим кофе и сэндвичи. Едем, едем. Изящные нарумяненные гёрлы, старушки, дамы, негритянки прилично одетые. Наконец мне слезать. Звоню, выхожу, уже поздно, бегу 2 квартала (блока) с часами в руках. Нет, еще успею, раздеваюсь.

В половине 8-го – гудок, – спешим к доскам, утюги горячие, обыкновенные. Гладим вычищенные платья, пальто, жакеты...» (20)

Чистка располагалась на улице № 8, в фабричном районе Сан-Франциско, где «...много прачечных, стеклянных, фруктовых, шоколадных и других фабрик... Полчаса после завтрака проводим на крыше, где сушатся меха и мытые вещи. Во время обеденного перерыва по этим улицам на солнышке группы рабочих. Солнце! Его в Америке за драгоценность считают. Комнату выбирают так, чтобы как можно больше имела окон – и солнце находилось больше часов. Правда, это дороже, но все тепло только от солнца» (20).

Хозяин фабрики – добродушный нестарый француз,

ходил в шляпе, с сигарой. Отношения между рабочими и хозяином были самыми демократичными. Таисия пишет, что он «...погружен в тряпки, занавески, платья. Я, уходя, пудрюсь при нем и объявляю, что не питаю никакого страха перед хозяином; никакого уваженья!, – а вы что думаете – хозяин? Он в прошлом году сам уборные мыл, – и ничего. Здесь все страшно просто!» (20)

Однако в Сан-Франциско ее многое удивляет: и темпы жизни, и люди, и нравы, и массы движущихся и гудящих машин. Вряд ли Таисии было уютно в чужой стране! Стоически она принимала чуждое ей бездуховное общество, в которое окунулась разом и наблюдала повседневно. Оно не вызывало в ней восторгов, но не вызывало и отторжения, настроений упаднических, не принималось резко негативно, как воспринимали другие поэты. Она как будто соглашалась с утверждением Д. Мережковского, писавшего: «Мы не в изгнаныи, мы в посланыи». Хотя это был прекрасный материал для корреспондентки, – ведь Сан-Франциско кардинально отличался от Харбина.

В заметке «На улице» того же цикла, она рассказывает харбинскому обывателю – читателю «Русского Слова», как шумна, суетна и феерична уличная жизнь в Сан-Франциско. «Прежде всего – автомобили. Автомобили без конца. В Сан-Франциско на каждые три человека приходится по автомобилю. Блестящие, новенькие машины, на 8, на 6 человек, потрешанные грязные грузовики; двухместные машины рабочих, белые амбуланцы, пожарные и полицейские оранжевые – все эти оверланды, форды, шевроле, кадиллаки, доджи, – все это гудит, звенит подвешенными банками для пущей важности и простого озорства. Скапливается в одном направлении, пропускает трамваи,

автомобили, ждет, когда огромный синий или зеленый полисмен свистнет или махнет рукой для их движения. А публика лавирует между этими машинами и трамваями, перебегает улицу или же спокойно проходит, вскакивает в трамвай на ходу, высаживается, меняет "car"» (20).

Слепящие глаза рекламы, бесконечный гул толпы, звуки фокстрота, исполняемые уличными музыкантами... Вон едет, высовываясь из автомобиля, набеленный клоун, приветствуя под музыку прохожих и приглашая в цирк. «А тут же из магазинов – на самом тротуаре публика слушает «рэдио» – из трубы слышится могучий бас или игривые песенки, прерываемые игривой же речью артиста...» Вот зрелище в глухом переулке: «...На спинке автомобиля светится экран с изображением человеческой фигуры и обозначенными на ней сердцем, легкими, нервами, кровеносными сосудами, и т.д.» Это известный доктор рассказывает

о болезнях и рекламирует «свое искусство их лечить» (20). А вот зубной врач тут же на улице, производит прохожим операции.

Кругом тьма народа, шумит, гудит Сан-Франциско!.. «Проходят американцы, кургузые японцы, высокие страшно неприятные негры, тонкие коричневые гавайцы, короткие черные нахальные итальянцы, а по жиденькой светлой бородке мужчины и не очень модной фигуре дамы сразу издали узнаешь громко говорящих русских» (20).

Эти четыре лаконичных заметки

*Т.А. Баженова.
Сан-Франциско.
Из архива
А. Хисамутдинова*

из цикла «Письма из Сан-Франциско» написаны блестяще и искрометно. Они еще и еще раз подчеркивают несомненный, удивительный талант Баженовой-журналистки. Поэтому не удивительно, что вскоре она устроилась на работу в очень популярную, пользующуюся авторитетом в среде Белой эмиграции, газету «Русская Жизнь», организованную в 1921 году и существующую по сей день.

А в 1928-м с момента начала издания «Новой Зари» Таисия Анатольевна была приглашена в газету в качестве корреспондента. Таким образом, она стояла у истоков «Новой Зари» и сделала многое для ее развития. Скоро Баженова стала одной из лучших русских журналисток тихоокеанского Сан-Франциско, «...которая регулярно печатала оригинальные интервью и исторические очерки, например, об исторической русской крепости в Калифорнии – Форте Росс. Некоторое время она проживала в Лос-Анджелесе, делая интересные интервью и репортажи со съемочных площадок Голливуда», – читаем в газете «Русская Жизнь». Дивлюсь трудоспособности молодой журналистки! Для нас наиболее доступными стали номера именно «Новой Зари», и, оказалось, почти еженедельно Таисия публиковала в них очерки, заметки, интервью, причем на самые разные темы!

Но еще до журналистики, – смею предположить, – она некоторое время работала на фабрике по производству засахаренных фруктов. Забегая несколько вперед, скажем, что в 1936 году в Сан-Франциско вышел литературный сборник П.И. Балакшина — «Земля Колумба» (200, Bush St. Walnut 6273. San Francisco). Во второй книге сборника Т. Баженова опубликовала рассказ «Засахаренные фрукты». Несомненно, в автобиографическом рассказе, написанном

от первого лица, с присущим Баженовой-очеркистке и мемуаристке вниманием к деталям и интересным подробностям бытового и психологического планов, рассказывается о жизни и условиях труда эмигрантов, что работают на фабрике по изготовлению засахаренных фруктов.

Таисия пишет о тяжелом труде работниц фабрики, об их взаимоотношениях, быте, несправедливости, неуверенности в завтрашнем дне. Герои рассказа самые разные. Вот «...добрый, высохший от работы, с детски-старческим лицом Пит, прихватив полотенцем рычаг, везет тележку горячих ананасов в густом сиропе» (22). А это Дора, старшая работница, «грубая, широкая итальянка», как насадка с цыплятами сидит во главе стола, за которым трудятся молодые работницы разных национальностей, «...склонившись над тазами, ощипывая корешки у белых с рыжими пятнышками вишен, или быстро вытаскивая крохотной ложечкой кости из них...», готовя к засахариванию ягоды.

Работницы, по большей части, молодые, потому что босс фабрики, мистер Грассо, сидящий в углу «в остекленной будке» и наблюдающий за их работой, волен поступать с ними, как ему заблагорассудится. Он принимает на работу лишь молодых, хорошеньких, готовых к общению с ним и вне рабочее время. «Наниматься на фабрику следует молодой, здоровой, кокетливой и независимой» (22), – пишет Таисия, – и, желательно, свободных нравов. Русские дамы его не очень-то устраивают, – очень уж они привязаны к мужьям! Поэтому многие из них устроены временно и по нескольку месяцев ждут вызова. «Его сиплый, шипящий тенор наводит тоску», однако, «...мы еще не боимся его, – пишет Таисия. – Мы еще знаем, что за стенами свобода, трамваи, парки, солнце. Мы еще независимы и бесстраш-

ны, в нас нет подавленности старых итальянок, работающих годами» (22).

У каждого работника, среди которых, скорее всего, довелось вращаться какое-то время Таисии, своя история, свой характер, своя нелегкая судьба. Её окружают отнюдь не интеллектуальные личности: ссоры, слетни, интриги, зависть, конкуренция, ревность, желание столкнуть побольше работы на другого, – все это в порядке вещей в отношениях на фабрике. Все борются за работу, выживают, как могут. Китайка Мауса, мексиканка Арминия, испанка Линда, русская Ольга, француженка Николини и другие героини рассказа, – все они разные, у каждой свое прошлое. Внимательно приглядываясь к ним, Таисия остроумно и с юмором знакомит читателя с историями их жизни, посвящает в их тайны. «Оля, Бесси, Ракель и я составляем самую теплую компанию. С ними легко и приятно работать: они принадлежат к числу немногих честных и добросовестных работниц, они никогда не взваливают свою работу на других, работают не спеша, аккуратно и чисто» (22).

А работа невероятно тяжелая: порой приходится поднимать по 60 тазов с кипящим сиропом. «Я приношу тазы с сиропом и принимаю их уже с фруктами, но иногда и мне не под силу ставить тазы на платформу в десятый или двенадцатый ряд. Дора никогда не сменяет меня, и после двух с половиной платформ, по 60 тазов каждая, руки у меня трясутся, подгибаются колени, и я боюсь поскользнуться и вылить на себя таз» (22).

Более года Таисия была «в немилости у босса», с тех пор, «...как на глазе застудила и засорила глаз. Он боялся, что придется платить мне страховую премию». «Я, исполнявшая раньше иные работы, – была посажена Дорой на

вытаскивание костей и проштрафилась: в первый день с непривычки, сделала пять, во второй – шесть, собиралась в третий и четвертый сделать семь и восемь тазов, но босс снял с работы», – пишет Баженова.

Несмотря на всегдашнее «баженовское» оптимистическое повествование, мы чувствуем страх и неуверенность, которые владеют работницами фабрики: каждую могут безнаказанно обидеть, беспричинно уволить, тяготят оплошности из-за незнания английского, – все это с горечью прорывается в повествовании. Работницы боятся увольнения, поэтому вынуждены терпеть и суровые условия труда, и бесконечные поборы на дни рождения, болезни, похороны руководства и его приближенных, чтобы только не попасть в немилость.

Таисия Баженова знакомит нас с традициями коллектива, с тем, чем они заняты на перерывах, как празднуют Рождество. «Было бы обидно пропустить рождественскую пирушку, без которой впечатление о фабрике будет не полным, – читаем в рассказе. – В 12 часов мы все бросились мыть руки, пудриться, надевать туфли на высоких каблуках. За отдельным столом сели боссы, форледи, клерки и конторские барышни. Горела высокая елка; маленький заведующий фабрикой, одетый в костюме Санта Клауса, сказал веселую речь. Перед каждым из нас находилась карточка с именем и меню, полбутылки красного вина, ликер и пучок сельдерея...» (22)

Далее следует подробное описание развеселой пирушки. Так Таисия Баженова познавала новое общество, осваивалась в коллективе, что послужило ей в будущем материалом для очерков и статей.

*Т.А. Баженова, А.С. Постников. г. Сан-Франциско.
Из личного архива А.А. Хисамутдинова.*

**«У меня есть рыцарь, стройный рыцарь, /
С голубыми, ясными глазами...»**

Как уже сообщалось, в октябре 1926 года в Америке Таисия Баженова вышла замуж за полковника Сибирского казачьего войска, участника Великого Сибирского Ледяного похода, своего земляка Александра Степановича Постникова. Думается, настало время рассказать об избраннике Таисии Баженовой. Я уже было отчаялась что-либо узнать об Александре Степановиче кроме того, что он из Сибирских казаков, как неожиданно возобновилась переписка с В.А. Суманосовым. Он выслал Некролог на смерть А.С. Постникова, написанный его земляком и сослуживцем – Владимиром Петровичем Копейкиным²⁸. Некролог

---

28. В.П. Копейкин – родился в Усть-Каменогорске в 1890 г. в семье обер-офицера.

<p>1) Число 2) Место рождения 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>
<p>Иванов Иван Иванович Копейкин Родился 1891 г. 12 мая в Усть-Каменогорске. Отец - Иван Иванович Иванов, мать - Мария Ивановна Ивановна. Образование - высшее. Звание - капитан. Служба - в 3-м Сибирском казачьем полку.</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>
<p>Александр Степанович Постников Родился 1891 г. 12 мая в Усть-Каменогорске. Отец - Александр Степанович Постников, мать - Мария Степановна Постникова. Образование - высшее. Звание - капитан. Служба - в 3-м Сибирском казачьем полку.</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>
<p>Васильев Василий Иванович Дорогов Родился 1891 г. 12 мая в Усть-Каменогорске. Отец - Василий Иванович Васильев, мать - Мария Ивановна Васильева. Образование - высшее. Звание - капитан. Служба - в 3-м Сибирском казачьем полку.</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>	<p>1) Число 2) Число 3) Число 4) Число 5) Число 6) Число 7) Число</p>

напечатан в газете «Русская Жизнь» в 1977 году. «Человек долга», как характеризует друга Копейкин, Александр Степанович был старше Таисии на восемь лет. Он родился в 1891 в Усть-Каменогорске в семье обер-офицера Сибирского казачьего полка. Два года воспитывался в Сибирском казачьем пансионе, следующие семь лет в Сибирском Императора Александра 1 кадетском корпусе, потом три года в Михайловском артиллерийском училище. В чине хорунжего вышел в 3-й Сибирский казачий полк, где служил до Первой мировой войны.

В.П. Копейкин характеризует Александра Степановича, как требовательного к себе и своим подчиненным заботливого начальника. Его не только любили, – отмечает

В.П. Копейкин, – но и преклонялись перед ним. «Только благодаря ему батареи Сибирского казачьего артиллерийского дивизиона дошли до Читы в составе бригады генерала Ф.Л. Глебова. Мы вместе приехали в Америку в город Сан-Франциско и занялись устройством своей новой жизни. Здесь он женился на сибирской казачке Таисии Анатольевне Баженовой из известной в нашем войске талантливой семьи». В.П. Копейкин также пишет о том, что «...Александр Степанович неизменно был заботливым и внимательным мужем» (23).

«Горькие годки "счастливой" газетной работы...»

Итак, в Сан-Франциско Таисия Анатольевна Баженова работала в редакции газеты «Русская Жизнь», сотрудничала с газетой «Новая Заря», где, как известно, печатался и наш земляк Г.Д. Гребенщиков, благодаря которому мы узнали о Таисии Баженовой. Попутно Таисия Анатольевна публиковалась в «Калифорнийском сборнике» (1934), «Вратах» (1935), «Земле Колумба» (1936), в нью-йоркском сборнике «Ковчег» (1942). Однако поначалу в Сан-Франциско ей было не до стихов. Они были вытеснены сплошной жизненной прозой: «...мыслями о том, как бы не сжечь платье, которое я гладила на фабрике, и что приготовить на обед. Действительность подошла слишком вплотную ко мне, сузила мой кругозор так, что я не могла видеть дальше своей фабрики и своего дома. Мне просто пришлось отказаться и от стихов, и от рассказов» (20).

К счастью, работа на фабриках продлилась недолго. Журналистский талант Таисии Баженовой к тому времени был замечен, оценен, и вот Таисия уже у истоков газеты

«Новая Заря». Ей было поручено «заняться репортажем, писать фельетоны и интервью». Но прежде от молодой журналистки требовалось наладить контакты газеты с русской колонией, существовавшей 8-й год. Задача была не из легких, потому что колония была малочисленной и почти не участвовавшей в общественной жизни. Таисия должна была обходить представителей русских организаций и предприятий, агитировать к сотрудничеству, рисовать перед ними блестящее будущее. «Тут-то я и познала все горечи газетного дела» (6), – признавалась Таисия. Многие не верили в успех газеты пророчили ей провал, не торопились подписываться, но она выстояла. И с появлением газеты все больше стали «...отыскиваться интересные люди, стало ярче, без пробелов, открываться прошлое пребывание русских в Калифорнии» (6).

Постепенно география подписчиков расширялась, Баженовой удалось найти подход к членам колонии, налаживались связи, появились симпатии к газете и больше возникало взаимного доверия. Благодаря энергии и обаянию Таисии, появились подписчики и корреспонденты в Лос-Анжелесе, «потом подключился русский Портланд, русский Сеаттл». Газета стала широко освещать новости русской жизни, объединила колонистов разных городов и штатов, появилась заинтересованность и ощутился рост русских подписчиков, «заброшенных в самые неожиданные и глухие места и тоскующих без русского языка». Это сделало «Новую Зарю» центром, который «"налаживал" почтовые станции" – сначала по Тихоокеанскому побережью, потом по всей Северной Америке, в Канаде и теперь в Мексике и странах Южной и Центральной Америк» (6). В «Новой Заре» от 25 декабря 1940 года в юбилейной статье

«О первой из 3000 "Новых Зорь". Часть нашей работы под поднятым занавесом» Таисия описывает трудные будни работы репортера и безрадостные моменты выпуска газеты.

«— Какой вы счастливый человек, — говорят нам, — посещаете все концерты, все спектакли. — Вот бы мне так!

Сотрудник — совсем не счастливый человек. Частое посещение их перестает доставлять развлечение. Он устал и от работы, и от них. Он требователен. Уже на концерте или на спектакле он мучается: что написать, чтобы и правда была, и не похвалить не по заслугам, и не обидеть. И не поссориться «на всю жизнь... Вот и выходит "серединка на половинку", — когда пишет он, скрепя сердце, потому что кто же, в конце концов, любит "правду-матку"? А, кроме прочего,

Русское искусство

а границей.

Хор Агреневои Славянской в Сан Франциско

Славянский хор Агреневои-Славянской В. С. Кашко, Г. Ф. Мельников, Ф. Г. Голубардин, Натальевна, Цыганкин

М. Д. Агреневои-Славянская и дочери — сестры прислаи „Рубини“ из Сан Франциско.

В этом пятицилиндровом автомобиле из Славянской путешественники едут из города в город.

— По всей Европе и Англоамериканской Республике совершили свои триумфальные выступления лучшие артисты драматического и оперного искусства.

В Америке гибкие и острозубые ушкими идут гастролы хора М. Д. Агреневои-Славянской, артистическое отделение которой в у нас, на Дальнем Востоке.

Наша корреспонденция из Сан Франциско, посетившая Таисия Елизарова, прислала нам следующие фотографии.

нельзя было позволить газетному человеку также роскошь писать стихи, рассказы или романы. Нужно быть репортером, отражать, фиксировать жизнь так, как она идет, без раздумья...» (6)

Кроме того, Таисия Баженова была также специальным корреспондентом еженедельного литературно-художественного журнала «Рубеж» (1927–1945), издававшегося в Харбине.

Историк русской эмиграции в Китае, профессор, писатель Георгий Васильевич Мелихов в книге «Белый Харбин: Середина 20-х» пишет: «Таисия Баженова... черпала свое вдохновение из окружающей действительности, рисовала сценки из народного быта, картинки сибирской деревни, беженства и скитанья. Она и теперь из Америки присылает "Рубежу" заметки об американской жизни и голливудских нравах» (31).

В одном из журналов «Рубежа» за 1929 год можно прочесть статью Баженовой «Квартет Кедрова в Америке». В другом помещены три снимка корреспондентки Баженовой к статье «Русское искусство за границей» о гастролях хора Агреновой-Славянской в Сан-Франциско. Под ними надпись: «...По всей Европе и Заатлантической Республике совершает свое триумфальное шествие русское искусство в лице вокальных, драматических и хореографических сил... В Америке сейчас с огромным успехом идут гастролы хора М.Д. Агреновой-Славянской, сравнительно недавно побывавшей и у нас, на Дальнем Востоке. Наша корреспондентка из Сан-Франциско, поэтесса Таисия Баженова, прислала нам приводимые здесь снимки».

Во второй части «Земли Колумба»²⁹ (1936 г.), – един-

---

29. «Земля Колумба» – сборник литературы и искусства под редакцией Б.

ственного русского журнала в странах обеих Америк, – наряду с именитыми авторами: Н. Рерихом, А. Вертинским, А. Амфитеатовым, Б. Волковым, А. Несмеловым, – публикуется и Т. Баженова.

Вот о чем пишут издатели журнала: «В каждом выпуске журнала "Земля Колумба" издательство будет предлагать вниманию читателя интересный и живой материал того качества и духа, которые уже были отмечены критиками и корреспондентами с многих мест земного шара». В рубрике «Среди сотрудников "Земли Колумба"» отмечено: «Таисия Баженова собирает материал о русских "американских солдатках", вывезенных американскими частями с Дальнего Востока по окончании интервенции 1918-1920; и попутно с этим изучает быт молокан и других сектантов на Русской Горе в Сан-Франциско» (22).

В этой же второй части «Земли Колумба» в рубрике «Критика и библиография» Таисия Баженова под псевдонимом «Т.Б.» дает анализ книге Н. Берберовой «Чайковский. История одинокой жизни» (Петрополис. Берлин. 1936 г.). Она отмечает, что книга о Чайковском – «...это история не только одинокой жизни..., но жизни странной и больной. Один из наиболее любимых русских композиторов в России и за границей, Чайковский на самом деле был одиноким и очень усталым человеком, одержимым мучившими его с детства звуками, человеком, который знал в жизни одну лишь непреодолимую, страстную любовь – любовь к музыке... Книга Берберовой о Чайковском заслуживает самого глубокого внимания русского читателя...» (22)

В 1943 году в Сан-Франциско русская эмиграция от-

Миклашевского. (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Буэнос Айрес, Чикаго, Рио де Жанейро).

мечала 25-летний юбилей творческой деятельности нашей соотечественницы. В газете «Русская Жизнь» читаем: «В США она [Баженова — О.Т.] сотрудничала во всех периодических изданиях западного побережья и участвовала во многих сборниках. Из Таисии Баженовой выработался постепенно заправский газетный работник, владеющий газетною техникой, знающий вкусы и интересы читателя, и трудно представить себе газету без Т.А. Баженовой. "Русской Жизни" она оказывает неоценимые услуги, помогая составлению газеты не только в отношении содержания, но и технически при верстке, корректуре и даже наборе. Двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности — это, обычно, момент расцвета ее. Мы не можем не пожелать Таисии Анатольевне лучших условий работы, чем те, в каких ей приходилось трудиться до сих пор и надеемся, что друзья газеты и Т.А. присоединятся к редакции в устройстве предполагаемого скромного чествования преданной газетной работе и много потрудившейся для русской колонии молодой писательницы».

Форт Росс

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ПАМЯТЬ ПОЧИВШИХ

В память почившего есаула Оренбургского казачьего войска Владимира Аркадьевича Львова, вместо цветов на его могилу, поступило пожертвование от Оренбургской станицы 10 долл. на сооружение иконостаса в кафедральном соборе Пресвятой Богородицы всех скорбящих Радости. Пожертвование передано непосредственно по назначению.

В память почившего полковника А. И. Камбалова поступили пожертвования на русских военных инвалидов зарубежья: от М. Ф. и Г. Я. Урусовых 10 д., от Е. И. и М. А. Мошкиных 10 д., на восстановление часовни Форта Росс от Т. и А. Постниковых — 10 долларов.

«Белый шиповник, дикий шиповник /

Краше садовых роз...»³⁰

В газетах Сан-Франциско Таисия Баженова печатала интересные, содержательные интервью и исторические очерки, например, об истории русской крепости в Калифорнии – Форте Росс»³¹. О земле, где развивалась широко известная романтическая история любви одного из основателей Российско-Американской компании Н.П. Резанова и дочери коменданта испанской крепости Марии Консепсьон де Аргуэльо, воспетой Андреем Вознесенским и положенной в основу рок-оперы А. Рыбникова «Юнона и Авось», писала и наша землячка.

Кстати сказать, в Форте Росс была построена первая на североамериканском континенте православная часов-

30. Строки из стихотворения А. Вознесенского.

31. Форт-Росс (1812-1841) — русское поселение на побережье Северной Калифорнии США в 80 км к северу от Сан-Франциско. Основано Российско-Американской компанией для промысла и торговли пушниной. Теперь — исторический парк штата Калифорния, Национальный исторический памятник США.

ня, чтимая до сих пор как русский символ в Калифорнии и объединяющая православных, рассеянных по западному побережью Америки. И Постниковы, как все истинно русские люди, патриоты, внесли свою лепту в ее восстановление. Мы узнали об этом из заметки «Пожертвования в память почивших», опубликованной в газете «Русская Жизнь» №7517 от 6 июня 1972 года (35). Дело в том, что в мае 1972 года Постниковы были на похоронах земляка, уроженца Усть-Каменогорска, полковника Александра Иннокентьевича Камбалина³². Камбалины просили не приносить на могилу цветы, а пожертвовать деньги на благие цели: на помощь инвалидам-белоэмигрантам и т.д. В газетной заметке указано, что Постниковы пожертвовали деньги в сумме 10 долл. на восстановление часовни Форты Росс. Об этом сообщил нам Виктор Александрович Суманосов, много сил приложивший для восстановления биографии А.И. Камбалина³³.

Форту Росс Таисия посвящала и стихи. Вот одно из стихотворений 40-х годов:

Из-за кустов зеленых дубняка
За бурыми огромными стволами,
Сверкнет с обрыва Русская Река,
Синеющая, яркая под нами.

---

32. А.И. Камбалин – (20 августа 1888, Усть-Каменогорск — 24 мая 1972, Сан-Франциско) — русский военачальник, полковник. Георгиевский кавалер. Участник Первой мировой и Гражданской войн, видный деятель Белого движения в Сибири, участник Великого Сибирского Ледяного похода.

33. «Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы.* / Сост. Краснощёков А. А., Суманосов В. А. — Барнаул: Издат. дом Барнаул, 2009.

И сердце вспыхнет памятью о том,
Как плыли здесь индейцы на пирогах,
Как русские пришли, и как они потом
Ходили вот по этим же дорогам.
И красный лес, и красная листва,
И сырость от воды, и пихты эти были, –
Здесь Севастополь рос, и строилась Москва,
И русские в них люди жили.
И сеяли пшеницу на полях,
Им колокол напоминал о Боге, –
За частокол сбегались второпях,
Завидев вдруг индейские пироги.
Из-за бойниц палили из ружей,
Боясь за женщин и жалея порох.
Но годы проходили, и уже
Не страшны были русским эти горы... (33)

Но, несмотря на активную общественную работу и газетные будни, в США Таисия не могла не писать стихов. В одной из статей о жизни в Сан-Франциско она сообщает, что читала на вечере в Русском доме собственное стихотворение. Ее стихи и рассказы публиковались в «Молве» (1925), «Вестнике Общества русских ветеранов Великой войны» (1934), «Вратах» (1935), «Земле Колумба» (1936), «Ковчеге» (1942) и других сборниках и журналах. Поэзия этого периода

*Святой Ключ под
г. Семипалатинском. ВКО*

Святой Ключ. Женский монастырь.

пронизана ностальгическими нотами о такой уже далекой прошлой жизни.

Родина для поэтессы ассоциируется с Сибирью, а потому в ее песнях – горные ущелья и реки, зимовки и «унылые киргизские песни», Иртыш,

Алтай и «Святой Ключ», что под Семипалатинском.

«Святой Ключ» – пожалуй, одно из самых пронзительных стихотворений Таисии. В нем слышится неизбывная, светлая, щемящая грусть о Родине с ее ароматами ладана и шиповника, со вкусом калачей и редиски, с тонким профилем монашки и трехкопеечной свечой паломника. «Святой Ключ» – это песнь о России далекой, призрачной, что в изгнании видится поэтессе теперь лишь только во снах.

Святой Ключ

Будет сниться, как вам, мохнатый
И манящий под солнцем бор,
К Иртышу песчаные скаты,
Богомолок идущих хор.

У ограды — шиповник алый,
Под телегой — старики,
За оградой, в часовне малой,
Над толпой, в духоте, огоньки.

У ларьков — пирожки с калачами,
Бабы с квасом, дети, киргиз,
А в беседке сидят с цветами,
В светлых платьях и смотрят вниз.

Бродят нищие, слепые,
С светлой радостью в лице,
И у всех желанья простые —
О безгрешном земном конце.

Две монашенки с грудой иконок
И колечек сидят в уголке,
У молоденькой профиль тонок
И лицо в золотистом пушке.

И от солнечных ярких пятен,
И от свежести в тополях
Голос бабы румяной приятен,
И лукавство в карих глазах.

А в часовнях служат молебны
За недугующих, за живых;
Под часовней — источник целебный,
Вытекающий из-под пихт.

Пахнут жимолость и шиповник,
Свежесть легкая от ручья.
И горит пред иконой паломника
Трехкопеечная свеча.

Будут сниться и мне в Сан-Франциско,
Где под окнами ходит трамвай,
Калачи в узелке с редиской,
Святой Ключ, Иртыш и Алтай.

И спускаясь с фабрики в лифте
С десятого этажа,
Я вспоминаю и солнце, и пихты,
И кривой обломок ножа.

И станет нужным до боли, —
По горячим пескам босой —
Смертный грех свой на богомолье
Понести такой же весной...

Отец и дочь...

Рассказывая о Таисии Баженовой, мы часто упоминаем об ее отце – полковнике Сибирского казачьего войска Анатолии Дмитриевиче Баженове, – и это справедливо. Таисия не только внешне была похожа на отца, она унаследовала его писательский талант, и он гордился дочерью. Даже в преклонном возрасте Анатолий Дмитриевич сочинял рассказы, писал очерки и фельетоны. Отец и дочь публиковались в харбинском казачьем войсковом журнале «Сибирский Казак», а позднее в газете «Новая Заря». Нередко, особенно в 40-е годы, их статьи в газете появлялись в одном номере, и даже на одной странице. Высокую оценку тандема Баженовых дал П.Н. Краснов в книге «На рубеже Китая» (1939 г), где, как отмечал позднее А.Д. Баженов, Краснов «...уделил целую страницу для лестной оценки

литературной деятельности моей и дочери Таисии» (6).

Вот что писал П.Н. Кранов в своей книге: «А.Г. Грызов и А.Д. Баженов продолжают тщательно и любовно работать для родного Сибирского войска. Они украсили рядом статей прекрасный рядом статей прекрасный Войсковой юбилейный Сборник Сибирского Казачьего войска – 1582-1932, вышедший в Харбине под названием «Сибирский Казак». ...По следам отцов последовали и дети Грызова и Баженова. К ним присоединяется и дочь Волкова. Они составили талантливую семью поэтов, воспевающих Сибирское войско, его доблесть и славу. ...Мария Волкова дала в "Сибирском Казаке" несколько стихотворений и прекрасных очерков в прозе, посвященных Джаркенту, Тышкану, Верному и Кокчетаву, и в 1936-м году выпустила прелестный сборник стихов "Песни Родине", Таисия Баженова написала несколько прекрасных лирических стихотворений и отличный очерк в прозе "Лагерь на Аблакетке". ...Есть еще порох в пороховницах, не оскудела сила казачья» (24).

Пожалуй, главными причинами эмиграции из Харбина в США для Анатолия Дмитриевича были смерть жены и японская оккупация. Евдокия Ивановна Баженова ушла из жизни в 1935 году в Харбине, когда дочь уже десять лет жила в США. В связи с оккупацией Харбина японцами,

А.Д. Баженов.
г. Верный. 1917 г.

В связи с оккупацией Харбина японцами,

Анатолию Дмитриевичу оставаться там было небезопасно. Периодические боевые действия государства вели с 1931 года, полномасштабная же война развернулась в 1937 году, – тогда и было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое завершило свое существование капитуляцией Японии в 1945-м.

Период оккупации трагически повлиял на судьбы всей русской колонии. Это вызвало новую массовую миграцию русского населения из Маньчжурии в районы, остававшиеся вне зоны японского влияния — в Шанхай и в Северный Китай. Те, кому представилась возможность, уехали из Китая, многие, после продажи в 1935 году КВЖД, репатриировали в СССР. Оставшиеся эмигранты оказались под контролем оккупационных властей, стремившихся превратить белую колонию в своего союзника в предстоящей войне с СССР. В Маньчжурии жить было опасно, да и почти невозможно. Газета «Новая Заря» 14 декабря 1939 года сообщала, что «...положение русских в Харбине с каждым днем становится все отчаяннее и отчаяннее». Об этом же заявляет в интервью А. Зорину вернувшаяся из Шанхая американская писательница Мак-Кинли, долго жившая на Дальнем Востоке, прекрасно владевшая русским языком и имевшая много друзей среди русских. Она буквально была тревогу среди русских в Америке, убеждая их в том, что условия жизни для русских в Китае невыносимы. В статье «Харбин под японцами» читаем: «Её [Мак-Кинли – О.Т.] рассказ является чрезвычайно ценным, так как сведения о Харбине, просачивающиеся за границу, чрезвычайно скудны, ввиду строжайшей японской цензуры, перлюстрации писем и боязни русских, прибывающих оттуда, навредить оставшимся своими рассказами. Русские подавлены, рас-

теряны, зажаты в тиски, их положение можно сравнить разве только с положением в СССР» (6).

В период оккупации во всех школах Харбина японцы ввели обязательное изучение японского языка, закрывались газеты, разрушались соборы, было много случаев самоубийств среди русских, подорожала жизнь, уничтожались православные кладбища. «Русские в Харбине гибнут безжалостно, – свидетельствует Мак-Кинли. – В морозах обычно ежедневно замерзает на улицах от 17 до 20 человек, из них непременно 2-3 русских, – читаем в том же интервью. – Русские мечтают выбраться куда угодно. Сейчас – это единственное, о чём еще русские мечтают. Русской молодёжи, в особенности, там нечего делать, но невозможно и выбраться. Русские в Харбине – обреченные люди... Если бы я имела возможность сказать через вашу газету русским, я бы сказала вот что: «Выписывайте русских из Харбина, выписывайте, пока не поздно, сделайте все, чтобы ваши родственники уехали оттуда. Положение их отчаянное и выхода нет. В Америку легче попасть, чем попасть в Шанхай. И если кто-нибудь может это сделать, пусть приложит все старания, чтобы помочь родным и близким уехать оттуда» (6).

Год спустя после смерти жены, в 1936 году, а не в 1940-м, как пишет большинство исследователей, – Анатолий Дмитриевич перебрался к дочери в Сан-Франциско. В «Новой Заре» от 25 декабря 1940 года Анатолий Дмитриевич указал точную дату отъезда: «Наконец, четыре года назад, 23 декабря 1936 года, я прибыл в Америку. Здесь я нашел радушный прием в редакции газеты "Новая Заря", издаваемой Г.Т. Суховым. Также вынужденный эмигрировать, Григорий Тимофеевич с своей супругой упорным трудом

В Скорбящем Храме Сан-Франциско

создали лучшую в эмиграции, наиболее интересную газету» (6).

Анатолий Дмитриевич Баженов, несмотря на солидный возраст, принимал активное участие в общественной и литературной жизни Сан-Франциско. По рекомендации соотечественницы поэтессы-казачки Марии Вячеславовны Волковой³⁴, он стал заочным членом «Кружка казаков-литераторов»³⁵ в Париже. Баженов был автором многих статей в газетах «Русская Жизнь» и «Новая Заря», а также читал лекции на военно-патриотические темы. Лекции Баженова пользовались неизменным успехом в русской ко-

34. М.В. Волкова – поэтесса-эмигрантка, уроженка г. Усть-Каменогорска.

35. «Кружок казаков-литераторов» — учрежден сотрудниками ж-ла «Станица» (Париж) в 1937 г. с целью «поддержки и укрепления любви к родным краям и казачьему быту», собирания, хранения и публикации лучших литературных и исторических произведений казачьих авторов («Атаманский вестник». 1937). Старшинами «Кружка» были: Н. Туроверов (поэзия) и П. Гусев (проза).

лонии Сан-Франциско. Например, в «Новой Заре» от 1 мая 1937 года можно прочесть лестный отзыв об интересной лекции Баженова «О возникновении, развитии и значении казачества», прочитанной им в Скорбященском храме Сан-Франциско. Автор отклика, подписавшийся «Э.Б.Д.», сообщает, что на лекцию собралась большая аудитория до 60 человек. Лекция была интересной, докладчик детально останавливался на характеристике казака, «которого он хорошо знал, сам будучи сибиряком». В отзыве отмечено, что лектор указывал «на хорошие качества казака, которые были не замечены носторонними зрителями, видевшими в казаках только бунтарей и полицейских». «Э.Б.Д.» отмечал, что лектор приводит примеры стойкости, взаимовыручки, мужества казаков, проявленных в боях, а также случаи спасения товарищей и заботы о старших чинах. «Возвращаясь с фронта, когда большевиками был отдан приказ выдать оружие и офицеров, – они отдали оружие и переодели своих офицеров нижними чинами. И это было тогда, когда солдаты по всей России вылавливали и убивали офицеров» (6).

Вместе с тем, Анатолий Дмитриевич, будучи воистину настоящим патриотом, призывал бороться за освобождение родной земли «от тиранов русского народа», считая, что «загипнотизированный несбыточными обещаниями русский народ подчинился инородческой власти», превратившей за небывало короткий срок «прежде великую и богатую Россию» в «страну нищих и рабов».

Известно также, что Анатолий Дмитриевич как профессиональный военный в свои почти 70 лет руководил в Сан-Франциско группой кадетов-сибиряков. А.Д. Баженов прожил рядом с дочерью в Сан-Франциско до конца сво-

их дней. Отец и дочь страстно любили родину и каждый по-своему сражался за «Единую, Великую и Неделимую Россию». Анатолий Дмитриевич Баженов умер 26 октября 1943 года на 71-м году жизни и похоронен на Сербском кладбище Сан-Франциско.

Душа всегда на жертвенность готова...

Думается, пришло-таки время сказать, какой мне увиделась Таисия Баженова, как женщина, как поэтесса, как личность. Работая по сбору, расшифровке и анализу материалов, я так с ней сжилась, что, кажется, видела её воочию, понимала характер, чувствовала ее желания, мысли, душевные порывы и теперь смею этим поделиться с читателем.

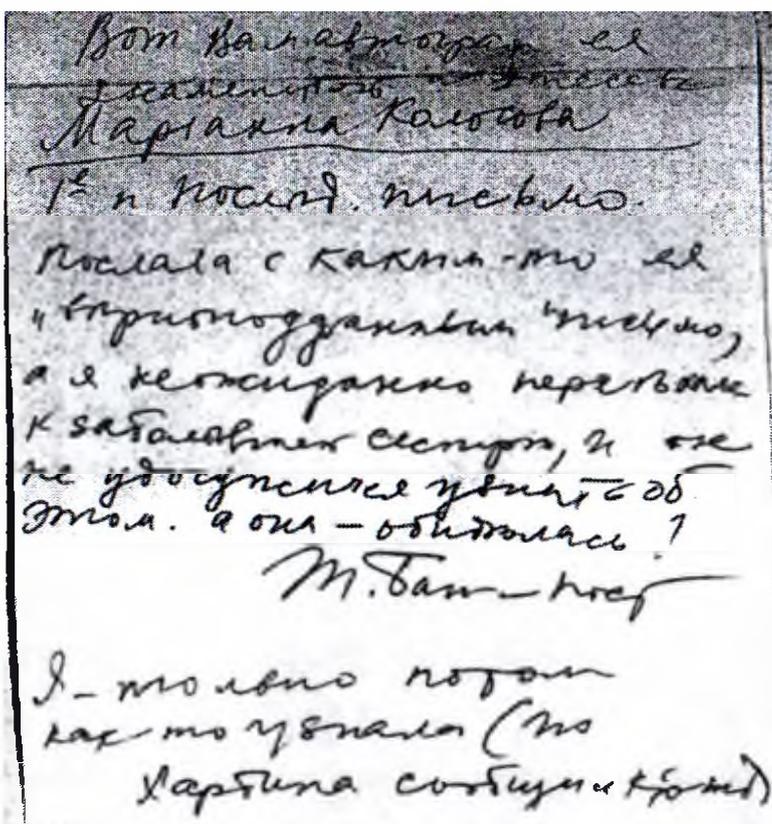
Конечно же, Таисия Баженова – натура возвышенная, артистичная, порой дерзкая и отчаянная и, я бы сказала, способная на безрассудные поступки. Она обладала массой достоинств, свойственных одаренной натуре: была хороша собой, необыкновенно женственна, по ее словам, «слишком экзальтирована и влюбчива», энергична и, к тому же, иронична. Таисия великолепно исполняла романсы, была озорной, кокетливой и, конечно же, очень нравилась мужчинам. Ко всему, в очерке «Засахаренные фрукты» она называет себя «застенчивой и самолюбивой».

Еще поэтесса была правдива и ревностно относилась к проявлениям несправедливости. В рассказе «Засахаренные фрукты» чувствуется, что она до глубины души была возмущена тем, как на фабрике, выполняя большой заказ для отправки за границу, рабочие перерабатывали фрукты испорченные, десятилетней давности, не соблюдая правил

гигиены. «Но ведь это же безобразие! – негодовала она. – Если я счищаю эту гадость, я меньше всего думаю о боссе, мне безразлично, если он потерпит убыток, если Европа не будет покупать калифорнийских глазированных фруктов, – мне жалко тех, кто станет есть это» (22).

Как истинная патриотка, Таисия Баженова болезненно переживала наблюдаемую ею постепенную утрату родного языка среди русских эмигрантов. Забывая родной язык, они не учили ему и своих детей, а значит теряли последнюю связь с Россией. Поэтессе больно наблюдать, как родной язык становится иностранным. Она всемерно обращает внимание эмигрантов на то, как в русской школе им. Пушкина, организованной при Голливуде, поощряется знание русского языка посредством организации издания детского журнала «Молодые силы» на родном языке.

«В Голливуде только что вышел в свет первый номер детского журнала «Молодые Силы», издающегося Русской школой имени Пушкина, под главным руководством прот. Григория Прозорова... Редакция обращается с просьбой к родителям и детям, сочувствующим нашей беде, обратить должное внимание на детей и помочь нам средствами, со-

Автограф Т.А. Баженовой

ветом и материалом о России», – пишет она в статье «Учите русских детей русскому языку!» в газете «Новая Заря» 2 мая 1937 года (6). Таисия Баженова призывает русские колонии последовать примеру голливудской школы, «...так как это, – по ее мнению, – единственный способ заинтересовать детей в русском языке, привить его и удержать за ними на будущее. Тот, кто пишет на каком-нибудь языке, – никогда его не забывает. Пока других способов закрепить русский язык за русским детьми – в эмиграции не найдено» (6).

Говоря о помощи эмигрантам, нельзя не сказать, что Таисия Баженова всемерно содействовала «друзьям по несчастью» реализовывать книги, – ведь часто это был единственный источник их существования. Вот говорящее само за себя письмо от эмигрантки Марианны Колосовой из Харбина, что также жила в Модягоу. Они, конечно же, дружили и Таисия не забывала о поэтессе, оставшейся в Китае. *«Дорогая Таисия Анатольевна! На днях отправилла Вам большое письмо. Книжки посылаю одновременно с этим письмом. Посылаю две пакки по 9 штук каждая. Всего 18 книг, из них 3 надписаны – подарок Вам, а 15 для продажи. Цена каждой книги 35 центов американских, это так сказать себестоимость, а так как нужно будет еще проценты отчислять в пользу книгопродавцев, то придется продавать по 40 центов американских. Из них 35 центов мне и 5 центов книгопродавцам. Боюсь только, что книжки будут лежать в магазинах без движения, здесь их продают «с рук», т.е. несколько десятков человек берут у меня по 5 или 10 книг и продают среди своих знакомых. Таким путем книжка продвигается быстро. Но попытка не пытка, попробовать можно и через магазинки. Может быть, у Вас в Америке есть еще люди, которые покупают книжки в книжных магазинах, а здесь их прихо-*

дешёе «навязывать» покупателю, принося ему их на дом.

Сама я этим не занимаюсь, конечно, а через других. Напишите, есть ли у Вас что-либо изданное? Заранее приношу мою искреннюю благодарность за Ваше милое отношение и заботу.

Целую Вас крепко. Марианна.

Мой адрес: Харбин. Modigou 45, Черноудогорская ст. Fl.7

Marianna Kolosoff

Писать можно и на этот адрес, и на «Рубеж» (35).

И всё-таки, что же может явственнее раскрыть сущность натуры поэта и обнажить глубины его души, как ни поэзия?! Говоря о Таисии Баженовой, нельзя не сказать о ее стихах. Они – составляющая ее души, её суть, её натура. Они звучали в ней с детства и даже тогда, когда в эмиграции ей «было не до стихов»!

Стихи Таисии Баженовой без вычурности и напыщенности, без зауми и претензий на исключительность; они доходят до сердца сразу, пленяя искренностью, благородством и чистотой изумительного классического русского слога. В раннем ее творчестве определяющей темой была, конечно же, любовь. Её душа будто соткана из любви: юношеские стихи Таисии – это послания к рыцарю «с голубыми, ясными глазами», что грезится ей во сне. Он отважен, честен и убежден, «что любовь сильнее смерти!» В то же время, в её стихах звучат и героические мотивы, читается явственное влияние казачьего песенного фольклора. Девственно целомудренные, призывающие верно и безоглядно, всей душой, жертвенно любить и ждать, а если потребует родина, отдать любимого без ропота отчизне, – таковы стихи Баженовой. Вот оно – казачье! – прорывается в дочери офицера, выросшей в тревожные времена и в

среде, где выше жизни ценились доблесть, отвага и честь!
Поэтому казачка покорно ждет, верит и надеется, что милый
вернется живым и невредимым.

Осыпались берёзоньки

Уж осыпались берёзоньки,
Дни осенние пришли,
А в душе тоскливой слезоньки,
Словно камень, залегли.
В поле воет непогода,
Месяц на небе взошел,
Милый мой уже с полгода
Как на фронт с полком ушел.
Приезжал, со мной простился
И без счету целовал,
На коне перекрестился
И за сотней поскакал.
Нет вестей... Не пишет что-то...
Вот уже прошел Покров...
А в душе одна забота:
«Что с ним? – Жив ли он, здоров?»
Нынче сватов присылали,
– Писарь, вишь, в меня влюблен...
Я сказала: «Аль не знали,
Есть жених... на фронте он».
Напишу письмо я Пете,
Что сердиться начала,
– Ведь любить его до смерти
Обещанье я дала.
Петя, Петя... Где ты, милый?
Хоть бы разик повидать.

Про свою тоску, любимый,
Про любовь тебе сказать!

Омск. 1919 г. (11)

А то вдруг в поэтессе прорывается женское, бабье, страстное, необузданное, отчаянное чувство, толкающее отдать всю себя без остатка грешной любви, как в несвойственном, кажется, Таисии, но очень ярком, сильном стихотворении «Сторожиха», опубликованном в «Молве» 19 апреля 1925 года.

Сторожиха

Сел на рельсы, вытянувши ноги.
Дать тебе бы хлеба с огурцом,
Стал бы ты бродягою с дороги —
Дезертиром, пьяным босяком!
Я — на свист, разгульною бабенкой
На закате ветреного дня
Пробиралась бы в траве сторонкой,
Бусами и песнею звеня.
Поцелую, обовью косою,
Чтобы кровь пожаром залила, —
Любо станет с бабой молодою,
Что от мужа к босяку пришла.
Муж — в очках и в новеньких сапожках
Будет в праздник книжицу читать.
Выйдет и покличет из сторожки,
А потом отправится искать...
С кузнецами мы в траве высокой.
Притаившись, пугано замрем.

Муж покличет и пройдет далеко,
 И очки блеснут на нас огнем.
 А потом вернется хмурый-хмурый,
 Рыжий ус со злобой теребя,
 Сядет на завалинку, где куры,
 Будет ждать, сигарку закуря...
 А когда падут на травы росы,
 Загорятся звезды в небесах,
 Я вернусь хмельной и безголосой,
 С пылью и соломой в волосах.
 Оттаскает за волосы — снова
 Убегу назавтра же в закат, —
 Где пасутся и мычат коровы,
 А на рельсах ждет меня солдат! (25)

Но все-таки в поэзии периода эмиграции сквозным

В.Г. Науменко

лейтмотивом ее стихов была тема России, тоски и грусти по ней, отвергшей своих детей. Высокую оценку поэзии Баженовой дал писатель, бывший сотник станицы Новочеркасской А.К. Ленивов. Историк казачества, автор более 300 исторических очерков и исследований по казачьей истории, переведенных на многие языки мира, писал: «Поэтический талант казачьей поэтессы Таисии Баженовой имеет большую силу, большое разнообразие в

стилистической отделке и шлифовке внешних форм творимых стихотворений, чарующей звучности стихосложения, женственной "внутренностью" содержания и, конечно, свойственной ей особой лиричностью... Рожденная в степных далях, Таисия Баженова, проникнутая стремлением творить собственную поэзию, создала немало замечательных стихотворений, признанных литературными критиками, почему жаль и весьма жаль, что так рано в своей жизни она отошла от литературного творчества, обуреваемая горестям жизни на чужбине. Увековеченная в истории Казачьей литературы, казачья поэтесса Таисия Баженова не останется незамеченной в дали чередующихся времен, войдя в сонм блестящих своим поэтическим талантом многочисленных казачьих поэтесс нашего XX столетия» (26).

Но определяющими чертами натуры поэтессы были всё-таки доброта и жертвенность. Вспомним участие Таисии Анатольевны в бесчисленных благотворительных сборах «в пользу Белых армий». Она целыми днями стояла на мосту через Омь, «собирая солдатам на теплые вещи». Еще будучи в гимназии, Тая «дважды принимала участие в сборе "Белой ромашки", делала это неплохо, – живо, весело, находя какие-то, вдруг пришедшие, вдохновенные слова для уговора купить и пожертвовать». Таисия собирала пожертвования на балах, в Городском театре, с азартом и необыкновенным обаянием собирала пожертвования «на мобилизованных казаков» на улицах и перекрестках. «В другой раз, – пишет Таисия, – когда публика была вся уже с газетами, на пожертвованную бумажку мы купили букет цветов и продавали по маргаритке» (6).

О благотворительной деятельности Таисии Анатольев-

ны мы узнаем также из письма генерала В.Г. Науменко³⁶, высланного В.А. Суманосовым. Четвертого марта 1974 года Науменко пишет: «...Из писем Марии Вячеславовны [Волковой — О.Т.] знаю, что Вы чрезвычайно заняты благотворительной деятельностью, но все же осмеливаюсь просить Вас не забывать меня в переписке» (35).

М.В Волкова в воспоминаниях подчеркивала, что Таисия всегда была готова броситься на помощь любому, кто оказывался в беде. «Доброта и отзывчивость всегда отличали её характер. Кому, как не мне свидетельствовать об этом! После Второй Мировой войны она всячески поддерживала меня и мою семью, была тревогу в обществе, посылки приходили постоянно, спасая нас от тяжелого положения» (27), – писала в некрологе М.В. Волкова.

«Мой добрый гений...»

О дружбе Марии Волковой и Таисии Баженовой хочется сказать особо. Так случилось, что воспоминания подруги детства Марии Волковой – свидетельства самого близкого Таисии человека из тех, что нам удалось найти. Таисия и Мария дружили с ранней юности, но виделись, должно быть, эпизодически, во времена совместной службы отцов, чаще на лагерных сборах: в Джаркенте, Тышкане и др. В последний раз подруги встречались году в 1918-м, в Омске. А потом развела их судьба по разным концам света: Мария жила в Литве, потом в Западной Германии, Таисия в Маньчжурии и США, – и только после Великой Отечественной войны они нашли друг друга. Их дружба продолжилась в

---

36. В.Г. Науменко (1883-1979) — генерал-майор, кубанский войсковой атаман.

письмах-исповедях и в действенной помощи.

Марию и Таисию связывало гораздо большее, чем дружба. Обе сибирячки, воспитанные в казачьих семьях и в казачьих традициях; для них, как и для родите-

М. Волкова и А. Эйхельбергер

лей, очень значимыми были понятия: Родина, доблесть и честь. У обеих было счастливое, безоблачное детство, наполненные теплом и светом воспоминания; обе обожали отцов, Сибирских казачьих офицеров, что представлялись им идеальным воплощением всего истинно русского, непогрешимого. Обeim довелось пережить Великую войну, российскую смуту, бегство из Сибири и скитания по свету, бесправие и горькую участь изгнанниц у чужих порогов. Их письма, как весточки из ушедшего далекого мира, были связующей нитью с прошлой счастливой жизнью.

Узнав о том, что подруга оказалась в крайне бедственном положении, Таисия Баженова, не располагавшая сама достаточными средствами, организовала Марии помощь и регулярно отправляла жизненно необходимые посылки с продуктами. «С тех пор, как в Сан-Франциско узнали о моей горемычной жизни, мои земляки стали заботливо охранять меня от нужды, – писала Мария Вячеславовна в воспоминаниях³⁷. – Одна моя землячка... регулярнейшим

37. М.В. Волкова. Воспоминания (1980 г.) написаны для В.А. Рудинского – журналиста, литературоведа и писателя, работавшего над предисловием к

образом каждый месяц снаряжала мне посылку со всевозможными необходимыми вещами, в том числе которых всегда было кофе. В Голштинии кофе очень ценилось как любимейший напиток местных жительниц. При помощи этой драгоценности я могла оплачивать частные уроки, что принесло моей девочке большое облегчение в школе» (36). «Таисия Баженова не была состоятельным человеком, – продолжает Волкова в некрологе, – практической быть не умела, никаких материальных ресурсов у нее не было, но помогала она, как и чем могла. Поистине, левая рука у нее не замечала, что делает правая. Хлопотала она об аффидевитах, устраивала приезжавших с Востока, заботилась о том, чтобы они скорее привыкли к новым условиям. Посылки же шли и шли чередом. Так продолжалось, пока жизнь повсюду не вошла в норму» (27).

В упомянутом уже письме, В.Г. Науменко отмечал, что из переписки с М. Волковой он узнал, «как она любит и ценит» подругу детства. М. Волкова восхищена стихотворением Т. Баженовой «Об одном выстреле», посвященном отцу Марии – Вячеславу Ивановичу Волкову, и писала генералу «восторженно, говоря, что оно "до того жгуче, до того сильно, что я не могу удержаться и перепишу вам". Порадовался я и тому, что есть еще и в наше время любовь и искренняя дружба».

Мария и Таисия, две родственные, поэтические души, хорошо понимали друг друга. Большой нежностью и бла-

---

неизданному сборнику ее стихов. Рудинский долгие годы хранил рукописи и письма Марии Вячеславовны, чудом уцелевшие в его парижской квартире и пролежавшие там 20 лет. Рукописи впервые опубликованы в 2002 году журналистом, представителем Союза Православных Граждан Казахстана в Санкт-Петербурге М.Н. Ивлевым в журнале «Простор» (Алма-Ата). В 2016 г. рукописи подарены Ивлевым Восточно-Казахстанскому областному историко-краеведческому музею и хранятся в личном фонде М.В. Волковой.

годарностью звучат строки стихотворения Марии Волковой, посвященные подруге:

Вдохновенье

Таисии Баженовой

Что может быть пленительнее света
Вечерней догорающей зари?
На чудо кратковременное это
Ты новыми глазами посмотри!

Еще не все прохладой ночи взято,
Еще не все – добыча темноты,
И жарко пламенеют от заката
В руках твоих ожившие цветы.

Они твои! И пусть задетый тенью
Потом тусклее станет бархат роз –
Прославь судьбу за то, что вдохновенье
Закатный час тебе еще принес!

1954 г. (28)

Десятилетия заочных бесед очень многое значили для обеих: «...При чтении отдаленное ко мне приближалось, люди, едва появившиеся на страницах, казались давно знакомыми. Так, в неизменном обоюдном притяжении, в частых заочных встречах, протекло тридцать лет» (27), – писала Мария Волкова. С благодарностью она говорит и о том, что воспоминания о подруге «...не отравлены ничем! А между тем, мы прошли с ней "вместе-порознь" очень долгий путь: вместе – потому что нас соединяла дружба, порознь – потому что нас разъединило огромное непре-

одолимое пространство. Однако взаимная недосыгаемость не помешала нам душевно подойти друг к другу вплотную! Ровно тридцать лет тому назад захотелось мне сказать об этом в стихах:

Наша дружба крепкая, большая
Вынесла чистилище и ад.
Нам и океан не помешает,
Нас подкопы жизни не смутят.

Далеко в краю необозримом
Что-то в нас навек переплелось.
Ничего, что рядом не пошли мы,
И о самом близком пели врозь.

Одинаков наш житейский опыт,
И один на все у нас ответ.
Ничего, что я в плену Европы,
А тебе привычней Новый Свет!

Мы одно и то же потеряли,
Но к тебе судьба была добра,
И теперь ты все мои печали
Сделала своими – как сестра.

Мы не раз бывшее вспомним
И в заочной встрече отдохнем! –
Если б знала ты, как хорошо мне
С дружбою твоей вдвоем!» (27)

И ко всему, Таисия была, как мне кажется, человеком

удивительно легким в общении. Вот и в стихотворении Марии Волковой «Акмолинское лето», – а нам известны пять посвящений Таисии, – столько света, счастья и тепла от мыслей о подруге детства! Такое стихотворение можно посвятить лишь человеку светлому и доброму. У нас имеется два их варианта. Вот, думается, наиболее удачный:

Костяника

Таисии Баженовой

В березовом ясном лесочке
Такая теперь благодать,
Что хочется строфы и строчки
На каждом шагу подбирать!

Пошла ведь за делом, как будто,
С зарей поднялась, как и все,
Но праздно проходят минуты,
В лесной затерявшись красе.

От солнца веселые блики
Внизу на зеленой канве,
И сколько же здесь костяники
В кудрявой душистой траве!

На каждом листочке узорном
По капле, по две и по три
Алеет и манит задорно –
Вот только нагнись да бери!

Уж видно недаром в лесочке
Девичьи звенят голоса,

И всюду мелькают платочки,
И всюду в траве туеса!

Тропинка извилистой змейкой
Ведет да ведет за собой.
И пахнет так терпко, так клейко
Березовой свежей листвой! (28)

В далеком изгнании, разбросанным по разным концам света подругам Тае Баженовой и Маше Волковой до конца дней будут помниться Джаркент... Весна... Журчащие арыки с хрустально-прозрачной водой... Ароматы жасмина, роз и песни соловья... Еще живы их доблестные отцы и ласковые матери, и ничто, кажется, не предвещает русского раскола... Об этом вдохновенно и ностальгически сказала Мария Волкова в стихотворении «Идиллия». Оно написано Марией Вячеславовной за два года до смерти подруги. Сколько же в нем молодости души и чистоты! Сколько нерастраченной любви, духовной близости, нежности, светлой памяти и боли об ушедшем и невозвратном:

Идиллия

Таисии Баженовой

Сонно бродит – что ей торопиться! –
Средь широких улиц тишина,
И луна молодой белолицей
Смотрит из небесного окна.

Обдает эфир своим дыханьем
За день раскаленная земля,

И молчат, подобно изваяньям,
Гордые красавцы-тополя.

Их кольчуги отражают дрожью
Переливы звездного огня.
Ластятся арыки к их подножью,
Серебром, рассыпанным звеня.

Одуряющ аромат жасмина.
Вздохи майских роз порой слышны.
Домики, в саду наполовину,
Излучают скромность белизны.

Вот затрепетала чья-то песня,
Полилась, волнуясь, вдоль аллея,
А навстречу ей, еще чудесней,
Загремел, защелкал соловей.

На призыв его с таким же рвением
Зазвучали ближние сады –
И о чем-то дивном и весеннем
Как не помечтать на все лады?

Чуть ступая, медленно и сонно,
Спугнутая, скрылась тишина,
Но внимает сверху благосклонно
Песням и сердцам неугомонным
Томная молодушка – луна...

Помнишь ты все это? – Ну, еще бы!
Тополя... и песни... и сады...

Ах, в том мире не было ни злобы,
Ни смертельной атомной вражды!

До того все было в нем иное,
До того все шло иным путем,
Что и мы, ища себе покоя,
Разве только там его найдем!

1976 г. (28)

«...А родина – как стелющийся дым»³⁸

Родина все больше отдалялась, уходила в неведомые дали, призрачные сны и воспоминания; затихала острая боль по ушедшему. Однако, как отголоски о прошлой жизни были и оставались для Таисия Баженовой земляки. Таисия Анатольевна не теряла связей с соотечественниками. Живя в США, она переписывалась со многими писателями русского зарубежья, среди которых был и её земляк Георгий Дмитриевич Гребенщиков. В 1940 году, когда еще только готовилась к выходу в издательстве Алатас его переведенная на английский язык книга «Былина о Микуле Буяновиче», изданная в Париже 15 лет тому назад, а Таисия уже оговаривалась на будущее событие благожелательной статьей «Новая книга Гребенщикова».

Публикацию нам удалось разыскать в газете «Новая Заря» от 3 февраля 1940 года. В ней Таисия размышляет о том, «что случилось в настоящее время с этой, всегда таинственной, так называемой, "русской душой"? И что это за народ в 180 миллионов людей, который разрешает обращаться с собой, как с рабами?» Ответить на этот вопрос,

---

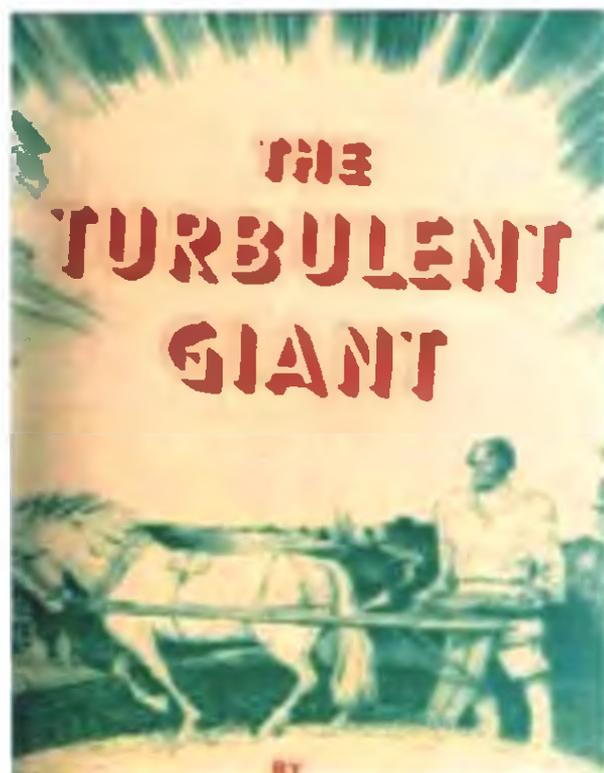
38. Строка из стихотворения Л. Хаиндровой.

по мысли Баженовой, лучше, чем кто-либо, может Г.Д. Гребенщиков, вышедший «...из бедной сибирской крестьянской семьи... Он слишком хорошо видел жизнь русского крестьянства и его вечную трагедию. И только он может с такой объективностью в свойственной ему полуреальной, полуфантастической форме подробно остановиться на росте мечтательности и

бунта в душе Микулы и объяснить, почему наш народ-богомалец так неожиданно проявил себя за годы революции кровавым и разбойным и как долго он будет пребывать таким» (6).

В статье Таисия Анатольевна приводит ряд восторженных высказываний замечательных людей о книгах Гребенщикова: Н. Рериха, Ф. Шалыпина, И. Сикорского, М. Горького и других. К примеру, она цитирует председателя «Общества Артистов и Писателей штата Коннектикут» М.И. Свитланда из предисловия к американскому читателю: «"Буйный исполин" является глубокосодержательной книгой русского писателя, раскрывающей трагедию его

Г.Д. Гребенщиков (справа) и Н.К. Рерих

народа в лице его Микулы. Знать Георгия Гребенщикова – это значит лучше понимать его духовные образы. "Буйный исполин" является шедевром и должен быть прочитан каждым любителем изящной словесности» (6).

К сказанному Таисия Баженова добавляет, «рекомендуя эту книгу для сведения наших американских друзей или для нашего подарка им», что «Былина о Микуле» будет «...служить для них лучшей и правдивейшей книгой, когда-либо изданной в Америке на английском языке, так как автором ее является один из наиболее ярких, серьезных и глубоких писателей русского Зарубежья» (6).

К сожалению, в сороковые годы, вскоре после 25-лет-

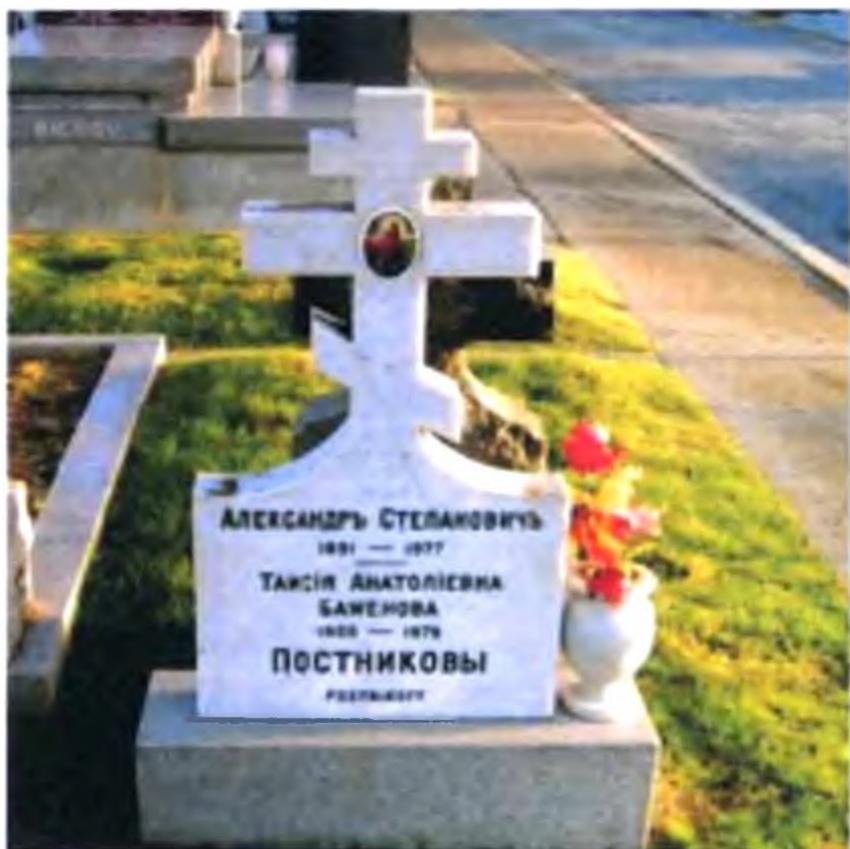
г. Аламеда. США

него юбилея ее литературной и журналистской деятельности, который был «благожелательно отмечен дружески отпразднован», «поэтес-

са творчески замерла» (27), всецело посвятив себя уходу за тяжелобольной сестрой. «Таисия Баженова отошла от общественной жизни, стала недомогать, чем дальше, тем серьезнее. В прошлом году, потеряв мужа, захлебнулась тоскою. От здоровья почти ничего не осталось. Жизненная энергия невозвратно иссякла. И осталось лишь одно непреодолимое желание умереть! Это желание недавно исполнилось! Значит, больше не будет писем, написанных с трудом больным изменившимся почерком. Не будет больше ни слов приветов, ни обеспокоенных расспросов, ни недоконченных строк о себе! Живое превратилось в воспоминание... Спасибо тебе за все, мой дорогой, мой незабвенный Друг! ...» – горевала Мария Волкова (27).

Таисия Анатольевна Баженова ушла из жизни 6 октября 1978 года в Аламеде штата Калифорния. «...Отстрадала и ушла моя лучшая подруга — Тая Баженова, моя названная сестра, мой добрый гений...» (36), – читаем в мемуарах Марии Волковой.

Занимаясь поисковой работой, я попыталась узнать, нет ли в Областном Государственном архиве Усть-Каменогорска метрической книги Зайсана за 1900 год, где могла быть сделана запись о рождении Таисии Баженовой.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА 1899

Годъ, ча		Мѣсяцъ и день.		Имя родившаго.		Знакъ, вѣкъ, отчество и фамиля родителей, и крестные покровители.		Вѣкъ	
Знакъ	число	родившаго	число	Имя	Фамиля	Знакъ	вѣкъ	Имя	Фамиля
23	4	1	8	Таисія	Баженова	Василіи	Дуплевы	Василіи	Дуплевы
24	4	10	10	Таисія	Баженова	Василіи	Дуплевы	Василіи	Дуплевы

К моей радости, метрическую книгу нашли. В нетерпении перелистывая ветхие страницы, я была неприятно удивлена: в записях за 1900-й год сведений о рождении Баженовой не оказалось. Однако, к счастью, сохранилась книга о родившихся годом ранее. Особо ни на что не надеясь, перелистала её и в сведениях за 1899 год нашла запись о рождении будущей поэтессы. Выяснилось, что Таисия Баженова, хоть и значится во всех источниках как рожденная в 1900 году, появилась на свет того же числа, 4 мая [ст. стилия – О.Т.], но в 1899 году. Крестили будущую писательницу в Александро-Невской церкви 8 мая [ст. стилия – О.Т.]. Таинство крещения совершено священником Василием Дуплевым. Восприемниками были: брат отца — подъесаул Антон Дмитриевич Баженов и вдова надворного советни-

ка Александра Васильевна Сафонова. Однако дата – 1900 год – существовала при жизни Таисии Баженовой, отмечалась в эмиграции и зафиксирована во всех справочниках, Википедии и на ее надгробии. Кто знает, почему она с ней соглашалась?..

«Рано петь по нас панихиду...»³⁹

Вот и закончилась история девочки, родившейся в За-йсане, подростка из Усть-Каменогорска и Джаркента, начинающей поэтессы из Омска, журналистки и писательницы из Харбина и Сан-Франциско, – дочери славного казачьего полковника и литератора. «Нужно быть репортером, отражать, фиксировать жизнь так, как она идет, без раздумья... Кто-то потом уже разберется в нашей быстро текущей жизни – хронике, кто-то потом станет выводить о нас свои заключения и писать о нас душещипательные романы... Да еще напишут ли?» (6) – размышляла Таисия Баженова в 1940-м году. Что же, будем надеяться, что роман напишут, а имя нашей соотечественницы, ее литературное наследие станут, наконец, достоянием ее земляков и займут достойное место среди блистательных имен русского зарубежья.

К земле родной, к проклявшей их Отчизне,
Они вернутся – громом и листвой.
Двойной звездой, блиставшие при жизни.
Погасшие в ночи – двойной звездой!⁴⁰ (29)

А пока – это лишь короткая история жизни доселе не-

---

39. Строка из стихотворения М. Колосовой.

40. Строка из стихотворения художника-эмигранта Н.К. Калмакова.

известной нам соотечественницы, возможно, первые ее шаги на родину и, быть может, еще одна скромная страница нашей общей, многотрудной истории.

*Выставка, посвященная 120-летию Т.А. Баженовой
в Областном историко-краеведческом музее.
г. Усть-Каменогорск*

Литература:

1. Ачаир А.А. Мне кто-то бесконечно дорог. - М.: Янус-К., 2009.
2. Гребенщиков Г.Д. Собр. соч. в 6 т.: - Барнаул, 1913.
3. <https://silkadv.com/ru/node/6678>
4. <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1569> HYPERLINK "http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1569"
5. Сибирский казак: Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582—1932 гг. / Под ред. Е.П. Березовского. — Харбин: Н.И. Грибановский; Изд. Войскового представительства Сибирского казачьего войска, 1934. — Вып. 1: Наше прошлое до Великой войны 1914 года.
6. <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9347-elektronnaya-b> HYPERLINK
7. Баженова Т.А. Весна в революцию // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. - Сан-Франциско. 1939, № 154—155 (март — апрель).
8. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. - Минск: Современный литератор, 1999 г.
9. Баженова Т.А. Стихи // Наша Заря. - 1919 № 49, 6 марта; 1919 №105, 18 мая. Омский литературный музей им. Ф.М. Достоевского.
10. Баженова Т.А. Роман с киргизом // «Новая заря». Сан-Франциско, 1940, апрель.
11. Поэзия Белой столицы (стихи поэтов Омска 1918-1919). Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», Омский региональный общественный фонд «Духовное наследие». - Тобольск, 2016.
12. <http://www.rv.ru/content.php3?id=1222>
13. Литература русского зарубежья. Антология. Кн. 1. - М.: Книга, 1990.
14. Прийма К.И. С веком наравне. - Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1981.
15. Толстов В.С. Из красных лап в неизвестную даль. Поход Уральцев. - Константинополь: Изд. т-во «Пресса», 1921.

16. https://omolenko.com/istoria/Nikolay_II.htm
17. Баженова Т.А. Станция Оловянная // Феникс. – Шанхай. 1935. - 15 сентября.
18. Баженов А.Д. Анкета. - Ф.Р-830, оп. 3, Д. 2344. Ф.Р-830, оп. 3, Д. 2344л.1. л. 1 об.
19. Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско. <http://bookre.org/reader?file=1333342>
20. <http://forum.vgd.ru/614/31743/>.
21. Вертинский А. Дорогой длиною. - М: Правда, 1990 г.
22. Земля Колумба - сборник. Кн. 2, 1936 г. (200, Bush St. Walnut 6273. San Francisco). Личный архив А.А. Хисамутдинова.
23. Копейкин В.П. Некролог // Русская жизнь. Сан-Франциско. - 1977.
24. Краснов П.Н. На рубеже Китая. – Париж: Издание Главного Правления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов. 1939.
25. <https://profilib.org/chtenie/123705/nikolay-all-russkaya-poeziya-kitaya-antologiya-12.php>
26. Ленивов А.К. Галерея казачьих писателей. Историческое исследование. - Нью-Йорк: Издание Казачье-Американского Народного Союза. 1968. https://vtoraya literatura.com/publ_916.html
27. Волкова М.В. Памяти Таисии Баженовой // Русская Жизнь, Сан-Франциско. - 1978. -31 октября.
28. Волкова М.В. Стихотворения. - Мюнхен: Изд. Петер Д. Штайн, 1991.
29. <https://ystrek.livejournal. HYPERLINK>
30. Ильина Н. Дороги и судьбы. https://dom-knig.com/read_41200-15
31. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. <https://www.twirpx.com/file/352449/>
32. Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны // Сан-Франциско. - 1939, № 154— 155 (март — апрель).
33. <https://russianlifearchive.org/ru.htm>
34. Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Омск. 1918,

- №38-42. Омский литературный музей им. Ф.М. Достоевского.
35. Личный архив В.А. Суманосова Барнаул.
36. Волкова М.В. Воспоминания. Предисловие, подготовка текста и комментарии Ивлева М.Н. // «Простор». - Алма-Ата. - 2002.

Таисия Баженова. Стихи¹

ВАША РАНА.

Ваша рана, кровиво-алма,
Ваша, как орденъ, украсила грудь.
Можетъ быть, о героѣ мечтала я,
На котораго стыдно взглянуть.

Вѣдь, вы помните: робко-смущенною
Я впервые увидѣла Васъ,
И осталась въ душѣ затѣсною
Мухою огненныхъ черныхъ глазъ.

Можетъ быть, это нужно, чтобъ я живо и
Полюбилъ теперь только такъ!
Мнѣ все снится полнъ бѣлоснѣжныхъ,
И на нихъ — окровавленный плакъ.

Я хочу въ ваше сердце уставое
Радость жизни и безфрость вдохнуть:
Васъ люблю, съ вашей раной алую,
Словно орденъ, украсившей грудь.

1/V — 1912. Омскъ.

---

1. Орфография и пунктуация источников, в основном, сохранены.

ИНВАЛИДЫ.

Какъ часто ягъ, увѣшенныхъ крестами,
Встрѣчали мы средь улицъ городскихъ:
По взгляду робкому скользили мы глазами,
И — проходили мимо нихъ.

Привыкли мы смотрѣть безъ содроганья
На раны ягъ — живой для насъ упрекъ,
И мы не помнимъ ихъ муки, ихъ страданья
И тотъ огонь, что сердце пылочно жегъ.

Они пошли за насъ безтрепетно на битвы,
Забывъ въ душѣ животный дѣтскій страхъ...
А мы несли Христу за нихъ свои молитвы,
И думали о нихъ съ слезами на глазахъ?..

Ихъ столько здѣсь, просящихъ подаянья,
Больныхъ, калѣкъ и раненыхъ солдатъ!..
Но мы на лица, полныя страданья,
Бросаемъ лишь свой безучастный взглядъ...

Февраль 1919. Омскъ.

Т. Баженова.

ОСЫПАЛИСЬ БЕРЕЗОНЬКИ

Уж осыпались березоньки,
Дни осенние пришли,
А в душе тоскливой слёзоньки,
Словно камень, залегли.
В поле воет непогода,
Месяц на небе взошел,
Милый мой уже с полгода
Как на фронт с полком ушел.
Приезжал, со мной простился
И без счету целовал,
На коне перекрестился
И за сотней поскакал.
Нет вестей... Не пишет что-то...
Вот уже прошел Покров...
А в душе одна забота:
«Что с ним? – Жив ли он, здоров?»
Нынче сватов присылали,
– Писарь, вишь, в меня влюблен...
Я сказала: «Аль не знали,
Есть жених... на фронте он».
Напишу письмо я Пете,
Что сердиться начала,
– Ведь любить его до смерти
Обещанье я дала.
Петя, Петя... Где ты, милый?
Хоть бы разик повидать.
Про свою тоску, любимый,
Про любовь тебе сказать!

1919, Омск

ПОГОНЯ

Алеет на небе багряный закат...

Конь бедный устал, не домчится...

– Смелее, товарищ, ни шагу назад! –

За нами погоня стремится.

– Не выдай, мой Серый, не выдай меня:

Из Штаба с приказом отправился я!

Не дай Бог попасться «им» в руки живым...

– Смелей, мой товарищ, смелее!

Эх, буйным бы ветром с приказом моим

Домчаться до сотни скорее!

– Вперед же, мой Серый, за этой горой –

Чрез полчаса будем мы вместе с тобой.

– О, Господи Правый, от пули спаси...

Ах, вот она... С визгом промчалась. Скорей!

Добраться б до сотни... Вторая за ней...

Мой бедный товарищ устал, изнемог.

Погоня все ближе, все ближе...

Приказ я не выдам... Но дай только Бог –

Спуститься с холминки пониже...

Ах, снова злодейка, другая за ней.

Ах, Серый, мой Серый, неси поскорей!..

Ведь в сердце впилась, словно злая игла...

Жена, ребяташки... Со мною приказ...
Мой верный, не медли... Окутала мгла, –
Дорогу не видно, хоть выколи глаз...

Но кто это? Наши! Как жжется в груди!
Вот мчатся с хорунжим своим впереди...

– Ко мне!.. – и с усилием фуражкой махнул,
Склонился на гриву и замер на миг...
Потом приподнялся, глазами сверкнул.
И радостный-радостный был его крик:

– Из штаба приказ вам! – и на руки пал
Родным казакам ... Конь измученный стал...

Там где-то погоня за «ними» мчалась.
Не выдал товарищ, не выдал меня, –
Кровь быстрой струею из раны лилась...
Он с тихой улыбкой глядел на коня...

– Там, дома – детишки, жена и отец.
– Скажите: пришел мне хороший конец.

1919

ПРОВОДЫ

С тоскою в душе и с улыбкой на лице.
Потанин – Сибири
Идут они, такие юные
В дорогу трудную и дальнюю...

Во мне – тоска и боль безумные
И жалость – детская, печальная...
Но им не надо этой жалости!
Под солнцем ярким загорелые, –
Идут, не чувствуя усталости,
Такие бодрые и смелые.
Царевну русую, прекрасную,
От Змей Горыныча спасти идут;
Вот почему они – такие ясные,
И так светло они поют.
Пусть останятся слезинки бурные;
Зачем тревожить их поход?..
Пусть эти милые, такие юные,
Идут спокойными – вперед, вперед!
1919, Омск

ИНВАЛИДЫ

Как часто их, увешенных крестами,
Встречали мы среди улиц городских;
По взгляду робкому скользили мы глазами,
И — проходили мимо них.

Привыкли мы смотреть без содроганья
На раны их — живой для нас упрек,
И мы не поняли их муки, их страданья
И тот огонь, что сердце пылом жег.

Они пошли за нас бестрепетно на битвы,
Забыв в душе животный детский страх...

А мы несли Христу за них свои молитвы,
И думали о них с слезами на глазах!..

Их столько здесь, просящих подаянья,
Больных, калек и раненых солдат!..
Но мы на лица, полные страданья,
Бросаем лишь свой безучастный взгляд....
1919. Омск

ПЕСНЯ КАЗАЧКИ

Заведу-ка нынче тесто я...
Завтра едет кум Матвей.
Пусть поест на фронте Ваня
Сухаречков повкусней.

С кумом я пошлю гостинчик:
И медку, и табаку, –
Пусть разгонит мой любезный
По семье свою тоску...

Может, некогда и думать:
Говорят, что все в бою...
Жив ли Ваня, или сложил
Милый голову свою?..

Эх... Да что грустить покедова,
Может, он и жив, здоров...
Вот, пошлю ему румяньких
Расчудесных сухарьков...

Спят ребята – нагулялися...
Тесто я уж завела...
«Что, Васютка? Спи, болезненный...»
Где-то заткнута игла...

Надо сшить кисетик новенький,
Чтоб побольше табаку
Послала с Матвеем заветречка
Я своему казаку...

Свечка сальная кончается...
В сенках спит уже свекровь...
Сохрани же, Матерь Божия,
Детям – силу, мне – любовь.

1919, Омск

ДЕВИЧЬИ СНЫ

У меня есть рыцарь, стройный рыцарь,
С голубыми, ясными глазами.
Есть у каждой девушки свой рыцарь,
Что ей снится майскими ночами!
Рыцарь мой в броне, блестящих латах,
Взгляд его, как меч, врага пронзает,
А алмаз на шлеме в кудреватых
Перьях радугою отливает...
И на рукаве его повыше,
Шарф мой алый развивает ветер
И на нем девиз шелками вышит:
«Верю, что любовь сильнее смерти!»

Что превыше родины и чести,
О которых силою полны молитвы,
Что сильней любви, к своей невесте,
Шарф, которой ободряет в битве.
А... проснусь – и сяду к «Ремингтону»,
Переписывать проекты и доклады...
Ровно в три скажу по телефону,
Что пойду домой, я – тоже садом!
У него – панама, галстук яркий
И костюм, с американской складкой.
Улыбнется: «Здравствуйте, как жарко!»
Угостит случайной шоколадкой.
Если сон мой ярче от сравненья,
Если вся душа полна излома, –
Он обидится и скажет с нетерпеньем:
«Вы скучнее всех моих знакомых...»
1924, Харбин-Маньчжурия

НЕПОГОДА

Серый залив. Ветер, прибой.
Ярость сирены на маяке.
Стелется низко туман над водой.
Чайки, нахохлясь, сидят на песке.
Белая шлюпка, и парус белый
Гнется под ветром — не хочет свернуть
Кто-то, спортсмен или просто смелый,
Любящий бурю и дерзкий путь.
Холодно белым продрогшим чайкам —
Больше не носятся над водой.

Словно цветами, покрыта лужайка
Белыми стайками — одна к одной.
Маленький краб уползает от палки...
Милый, не бойся, ведь я не страшна;
Ты на земле только славный и жалкий,
Ты здесь один, и я здесь — одна.

ИНЫЕ ВСТРЕЧИ

Я знаю, я умру, как умер ты!..
И будет кто-то вызывать черты
И голос памятью, чудесно обостренной,
Навек возвышенной, навек влюбленной.

Пусть это ложное: ты был иным.
Но горечь от обид твоих, как дым.
И, все простив, я цепко берегу
И слов твоих печаль, и ласку губ.

Уж невозможно ни коснуться вдруг
Земным прикосновеньем рук,
Ни рассказать мучительно теперь,
Чем для меня твоя явилась смерть...

Порою кажется, что ты живешь в стране,
В которой пустота, откуда вести нет,
И только в час больной, и только в час ночной,
Приходишь на свидание со мной.

Ты вновь уйдешь, надолго, может быть,
И к новой встрече я могу забыть

И голос твой, и смутные черты,
И то, что я живу, но умер ты!..

Порою кажется, что ты живешь в стране,
В которой пустота, откуда вести нет.
И только в час больной,
Приходишь на свидание со мной...

1934, США

КАЛИФОРНИЯ

Вот на этих рыхлых берегах
Были видны корабли Кабрильо.
Черный крест на вздутых парусах,
Паруса, как мощной птицы крылья.
В утренней, еще туманной мгле –
Мысль индейцев первая – о чуде.
Отползли в вигвамы по земле,
Рассказать о кораблях и людях...
И, прижав испуганных детей,
Индианки видели со страхом
Из-за красных с зеленью ветвей –
Рыцарей, матросов и монахов!
Хуниперо Сэрра² здесь бродил,
Вдавливая листья каблуками.
Колокол над миссией звонил
И гудели звуки над полями...

---

2. Хуниперо Серра (исп. *Jupípero Serra*) – имя при рождении Микель Жосеп Серра (1713-1784) — монах-францисканец, основатель католических миссий на территории современной Калифорнии, в том числе Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Сакраменто и Сан-Диего. Своей деятельностью миссионера и исследователя заслужил прозвания «апостола» и «отца Калифорнии».

Форт Росс

Губернатор – доблестный солдат,
Объезжал глухие гарнизоны:
На плацу он принимал парады
И с балкона улыбались донны.
А однажды было это так:
В синем небе русский флаг над «Джюно»,
Блеск мундиров, эполет и шпаг,
Чайки белые на теплых дюнах.
И лукавый взгляд Косепсион,
Вальсирующей с Резановым на бале...
Ах, и мне приснился тот же сон,
Что когда-то бабушки видали!..

1935, США.

Стихи, посвященные Т.А. Баженовой

Мария Волкова

АРХИВ

Таисии Баженовой

Липкой пылью покрыты годы
Вышки писем, пласты газет.
Ты по ним добралась до входа
В мир, которого больше нет.

Хорошо в устарелом рыться –
Часто нового много в нем!
Полувывцветшие страницы
Шепчут вдумчиво о своем.

Хорошо у каких-то граней,
Отодвинув тугой засов,
Быть готовой и ждать свиданий
С воскрешеньем забытых слов!

Пусть разрозненные анналы
Свяжут память и тишина!
Сколько же тех, кого ты знала:
Тут портреты, там имена!

Про надежды, труды, крушенья
За столбцом говорит столбец –
Неспокойно еще биенье
Послуживших добру сердец.

Ждало прошлое терпеливо
Встречи с жизнью, назло судьбе
И ведь ляжет на дно архива
Как ненужное и тебе!

Оттолкни от себя усталость
Сбереженным комочком сил,
Посмотри, что еще осталось:
Письма тех, кто тебя любил.

Бисер строчек, штрихи нажима –
Неостывшую речь руки
Повторяют неповторимо
Распрямившиеся листки.

Ты подумай, что письма жили,
К роковому готовясь дню –
Не предай их архивной пыли,
Лучше с грустью доверь огню!

1960

Мария Волкова

АКМОЛИНСКОЕ ЛЕТО

Таисии Баженовой

В березовом ясном лесочке
Дорогу найдешь наизусть.
Смотри, как забавно у кочки
Топорщится важный груздь!

Вон дружной семьею обабки
Столпились у старого пня.
Маслянка в коричневой шапке
С опаской глядит на меня!

Веселые, яркие блики
Везде на зеленой канве.
И сколько же здесь костяники
В густой и душистой траве!

На каждом листочке узорном
По капле, по две и по три
Алеет и манит задорно —
Вот только нагнись да бери!

Уж, видно, недаром в лесочке
Девичьи звучат голоса,
И всюду мелькают платочки,
И всюду в траве — туеса.

Тропинка извилистой змейкой,
Влечет да влечет за собой.
И пахнет так терпко и клейко
Березовой свежей листвой...

1934

Таисия Баженова. Рассказ

Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны.
1939 г. № 154—155 (март — апрель). Сан-Франциско.

ВЕСНА В РЕВОЛЮЦИЮ

Весна 1917 года была такая же, как все весны в Омске: теплая, залитая солнечным блеском, пахнувшая пылью, черемухой и сиренью. Но Пасха той весны была иной, чем за последние годы войны, – и хотя гудели и переливались церковные колокола, даже у нас, молодежи, было смутно тревожно на душе. Старшие, еще так недавно уверенные и сильные, растерялись и потеряли свой авторитет, – кругом все рушилось. Не было Государя, не было главы государства, и оно распадалось. Дни были полны зловещими телеграммами о братаниях на фронте, злобными выкриками на митингах, пакостными памфлетами, порочащими Царскую Фамилию... Но природа праздновала весну, и мы праздновали Пасху.

На третий день праздника, вернувшись домой, я растерялась, увидя ожидающего меня Павлика Толмачева. Он был белокурым, голубоглазым, красивым юношей, с упрямой нижней губой, с густым баритоном, что и год тому назад, в 1916 году, когда он только что окончил Омский Кадетский Корпус и мы познакомились с

ним на пароходе «Михаил Плотников» по дороге в Усть-Каменогорск.

...Я еще не забыла той поездки. Он ехал с матерью и сестрой, приехавшими за ним в Омск, мы ехали к бабушке и бабушке, – мама, я с сестрой и две кузины. Наши каюты были напротив, и мы стали неразлучны. Павлик сразу же стал отдавать свое предпочтение веселой, кокетливой и изящной кузине, и это порядком меня изводило. Моим же спутником оказался белокурый, живой и веселый студент Гильман, ехавший в Павлодар. На пароходе он был душой общества, и хотя я с ним не испытывала скуки, меня бесила великая несправедливость: почему я, дочь офицера, казачка, должна довольствоваться компанией этого еврейчика, в то время, как Павлик, тоже наш казак, ухаживает за «штатской» Ниной, никакого отношения к Корпусу и казакам не имеющей?

Если бы не это, то поездка на пароходе была бы чудесной. Мы бродили по палубе, слушали пение пленных австрийцев на корме, наслаждались мерным звуком колес, прохладой реки и запахом медвяных полей. Мы выходили на остановках в яркую пеструю и веселую толпу казачек, продававших овощи, ягоды и пироги, мы рвали цветы, когда пароход останавливался для погрузки дров на пустынном берегу. Иногда по вечерам или днем, когда не было публики в салоне первого класса, я пела там итальянские романсы Дэнца и кузина мне аккомпанировала. У окон собиралась публика, раздавались аплодисменты, и мы сконфуженно покидали салон.

А потом, в Семипалатинске, мы пересели на маленький «Святой ключ», так как вверх по Иртышу из-за малой воды большие пароходы не ходили. Второй класс состав-

ляла дамская комната и крохотная столовая, и все пассажиры, мы и большая группа учителей и учительниц, возвращавшаяся со съезда в Омск, разместились на палубе.

Я чувствовала себя в тот день отвратительно: болела голова, знобило, день был серым и неинтересным. Надев свежую нелюбимую шелковую блузку с продольными розовыми, коричневыми и зелеными полосками, вышла и под села к Толмачевым. Чувствовала себя не в духе, когда криво улыбаясь, сказала:

– Терпеть не могу этой блузки, – какая-то арестантская...

– Вы и сами похожи на арестантку! – вдруг выпалил Павлик.

Я оторопела. Такого комплимента никак я не ожидала.... Но тут Рая лукаво прошептала мне на ухо:

– Скажи ему, что он сам каторжник, – переиначивая заглавные буквы с именем Омского Корпуса.

Если говорила сестра, – то я уж давно могла повторить ему в отместку; – а вы – тоже – омский каторжник.

Надо было видеть лицо Толмачева! Он вспыхнул, резко вскочил и ушел.

День был испорчен совсем. Случилось непоправимое: Павлик, вероятно, знал, что кто-то так называет кадет, и был оскорблен не только за себя, как была оскорблена я, – оскорбление было нанесено всему Корпусу, всему тому родному и мощному, что возросло в его душе за годы пребывания в корпусе, за все то, что он питал к Корпусу, как неотъемлемая, верная частица его. И я посягнула на святость его чувств, посягнула на сам Корпус! Это было ужасно. Даже моя личная обида показалась мне маленькой и несостоящей, – я просто была невоспитанной, – если он был

груб, – это его вина, но я не должна была также ему отвечать. К тому же, я оказалась в невыгодном положении: если бы я не ответила, – виноват был бы только он, – а теперь моя вина была большей.

Вечером около моей койки появился какой-то молодой человек с повязанным глазом: ему сказали, что я пою, и он предложил составить хор. Так мы вдвоем на носу парохода запели хоровую песню. Тотчас же около нас появились певцы, стали собираться слушатели. Я запевала украинские, казачьи, крестьянские, солдатские песни. Ночь стала совсем темной, река, разрезаемая пароходом, пенилась и мерно плескалась о борт. Краснели и белели бакены и матрос, закидывая шест на дно, однообразно восклицал: «Четыре, четыре с половиной, пять»...

Когда мы кончили, Рая познакомила меня с черноглазым, миловидным студентом – медиком, – он ехал из Томска домой. Через час медик смотрел на меня влюбленными глазами, и это несколько компенсировало мне неприятный день. Но ночью мне стало совсем плохо, меня уложили в дамскую комнату. Доктора на пароходе не было. На другой день мы сели на мель, и в открытую дверь я видела Павлика за столом, – он играл в преферанс с угрюмым видом. Передавали, что он был расстроен ссорой со мной, – мать его распекла, говоря, что на мою болезнь могло повлиять тоже.

Утром, когда мы подходили к Усть-Каменогорску, и я совсем слабая стояла с медиком на палубе, внезапно подошел Павлик. Он был смущен и просил прощения за свою грубость.

Наши каникулы в Усть-Каменогорске были кратковременны. Мы посетили всех знакомых, съездили в деревню,

в Ульбинск, и уже оставалось совсем немного времени, до отъезда, когда пришли Павлик и Юзик, – принесли китайские розы, – мне от Юзика, Нине от Павлика. Потом мы побывали на оперетте «Мотор любви», а накануне отъезда ходили на берег Иртыша; Юзик целовал мои руки и прижимал их к разгоряченным щекам.

А теперь Павлик сидел передо мной юнкером Николаевского училища. Революция давила его. Павлик был грустен и печален, но пригласил меня вечером пойти в Коммерческое собрание на танцы.

Мама была недовольна его приездом, – он ей не нравился. Возможно, что она со свойственной всем матерям тревогой за подрастающих дочерей, боялась его, как человека, который может воспользоваться моей повышенной экзальтацией и влюбчивостью...

В Коммерческом собрании было не затейливо, – лампы вместо электричества, низкий потолок и деревянные полы, – но мы танцевали без отдыха. После одного вальса вышли на улицу, Павлик обнял меня за талию, и мы молча, без поцелуев, без нежных слов прошлись вдоль Омки. На завтра Павлик возвращался в Петербург, и в этом прощальном вечере, во всей этой пасхальной ночи, во всей нашей украденной от революции юности, – была какая-то особенная щемящая печаль. Я не ожидала, что мне станет так больно при мысли, что он уедет...

С нами до Кадетского Корпуса возвращался маленький капитан, знакомый Павлика. Он шутил: «Дети мои, дети мои, – пригласите меня на свою свадьбу»... Мне казалось это диким, – разве мы влюблены? Павлику 18 лет, мне 16, – какая же свадьба? Но когда он ушел и мы поравнялись с Собором, – Павлик немедленно произнес:

– Дайте слово, Таисия, что через год, когда я окончу училище, – вы подождете меня, и мы здесь повенчаемся...

Ночь совсем перешла в утро, когда мы дошли до дома. И тут, чувствуя, что мне страшно остаться без него, я рыдалась. Он сурово меня утешал, целовал мне руки. Мама открыла мне дверь с ужасом, – почему я плачу, почему так поздно прихожу домой?.. Я ничего не могла объяснить, только плакала и повторяла: «Он уезжает, он уезжает!»...

А потом я стала получать от него письма. Юнкера переживали тревожное время, их спешно готовили к выпуску, 1-го августа они должны были кончить училище... Каждый заказал офицерское обмундирование, но было не известно, – выпустят ли их хорунжими или урядниками, которых только на фронт должны произвести казаки по постановлению своих полковых комитетов. В этом была огромная горечь и негодование.

В Петербурге было беспокойно, – приходилось бояться даже своих собственных вестовых, которые собирались «перерезать юнкарей». Павлик писал о своей тоске, о желании повидаться со мной и «выяснить все то, что его и меня так томит». Но положение становилось все более и более неопределенным.

Летом, когда в Петербурге произошло восстание большевиков и юнкера усмиряли восставших, – я послала ему телеграмму в Дудергоф.... Он не ответил мне, писем я тоже не получала больше... Это меня сразило, и в то же время вызвало гордость: если не отвечает, – не любит, и письма ему мои не нужны, и писать незачем. И все-таки я страдала, как может страдать девушка, узнавшая взаимное увлечение. Мне было скучно без любви, без нежного внимания ко мне. Но дни стояли слишком тревожные, чтобы можно

было думать только об этом, – наступила октябрьская революция, с фронта откатывались армии, в Омске происходила демобилизация полков, и зимой в январе пришел полк Толмачева.

Это было 14 января. Я только что вернулась домой с именин, как мне сообщили, что был Павлик, и что в «Вечерней Заре» напечатано мое первое стихотворение. От волнения я опустилась на колени перед кроватью, где лежала газета, и заплакала.

Но встреча наша вышла иной, чем я ожидала. В Толмачеве я не нашла ни нежности, ни радости встречи. Или мне казалось, что они могли быть? Я сразу поняла, что в его отношении ко мне не было ничего особенного для него, – что все это я вообразила себе, превратила в какой-то увлекательный, волнующий роман...

Но что было для меня самым главным, лично для меня, – Павлик перестал быть тем притягательным человеком, каким он был в утро 15 апреля, когда разлука с ним казалась мне такой нестерпимой. Мое внимание было занято уже другим человеком, намного старше его и намного интереснее и сложнее.

Правда, Павлик говорил: «Тасик, я хотел бы, чтобы все было по-старому». Но я уже чувствовала себя освобожденной от любви и жестоко говорила: «Знаете, Павлик, мне все равно было – в кого влюбиться тогда... Знаете, – вечер, танцы...» Я знала, что слова его не ранят, но чувствовала сама, что веселость моя похожа на истерику, – было жаль своего увлечения и так не хотелось сознаться, как глубоко уязвлена его равнодушием. Это было на балу в гимназии, где вскоре раздалась ложная тревога о том, что гимназия окружена большевиками и сейчас будет обыск офицеров.

г. Омск. Женская гимназия

Перетрусив за Павлика, я уже раскаивалась в своих словах.

Мы встречались редко, к себе я его не приглашала. Готовилась к экзамену на аттестат зрелости, и тяжело переживала революцию.

Снова пришла весна, но какой тревожной была она. Город затаился, ходили слухи о готовящемся восстании, офицеры носили штатское, боясь выстрелов из-за угла, мы прятали ценные вещи, и с трудом доставали продукты. Так наступил май и день моего Ангела.

Мама решила пригласить на именины нескольких подруг гимназисток и молодых офицеров, но была против Павлика. Я была в затруднении: его товарищ был приглашен, и было несправедливо не позвать Толмачева.

Накануне именин вижу сон: иду мимо Кадетского Корпуса, из-за угла – Павлик. «Здравствуйте, Тасик. А вы знаете? Я сегодня уезжаю»... Он уехал в Усть-Каменогорск... Я была рада, что так легко разрешается затруднение с приглашением, – выразила сожаление, но ничего не сказала про сон...

В начале июля Омск был взят белыми и чехами. Наступили дни большого оживления... И вот, через несколько

дней после этого, в приемной зубного врача я встретила одного из товарищей Павлика... Едва поздоровавшись, он без всякой подготовки, грубо и враждебно вдруг спросил меня, – знаю ли я о том что Павлик убит? Я вцепилась в ручку кресла, почувствовала, как сжалось сердце. Павлик... Нет, я ничего не знала... Как, где, почему?..

Володя, с непонятной мне враждебностью, даже с каким-то злорадством, сообщил, что в Усть-Каменогорске произошло свержение большевиков, в котором со стороны белых погибло несколько человек, в том числе Павлик... Разве я не получала писем оттуда?

Я молчала, очень подавленная. Павлика, белокурого, грубоватого, с голубыми глазами, с упрямой губой, которого в письмах называла «глупеньким Павликом», – больше нет. Возможно ли это? Его хоронили с почестью, как героя, на его похоронах рыдали девушки и женщины, его гроб засыпали цветами...

– Это вы виноваты, одна вы! – сказал вдруг зло и сильно Володя, и я удивилась, как такой полный добродушный тихоня вдруг может быть таким злым, – если бы не вы, он не уехал бы в Усть-Каменогорск! Вам нужно было удержать его около себя здесь, только сказать одно слово... Он не был бы убит... Это ваша вина!..

Обвинение было нелепым, фантастичным... Павлик поехал в Усть-Каменогорск домой, к матери и сестре, – что ему после расформирования полка оставалось здесь делать? При чем тут я?..

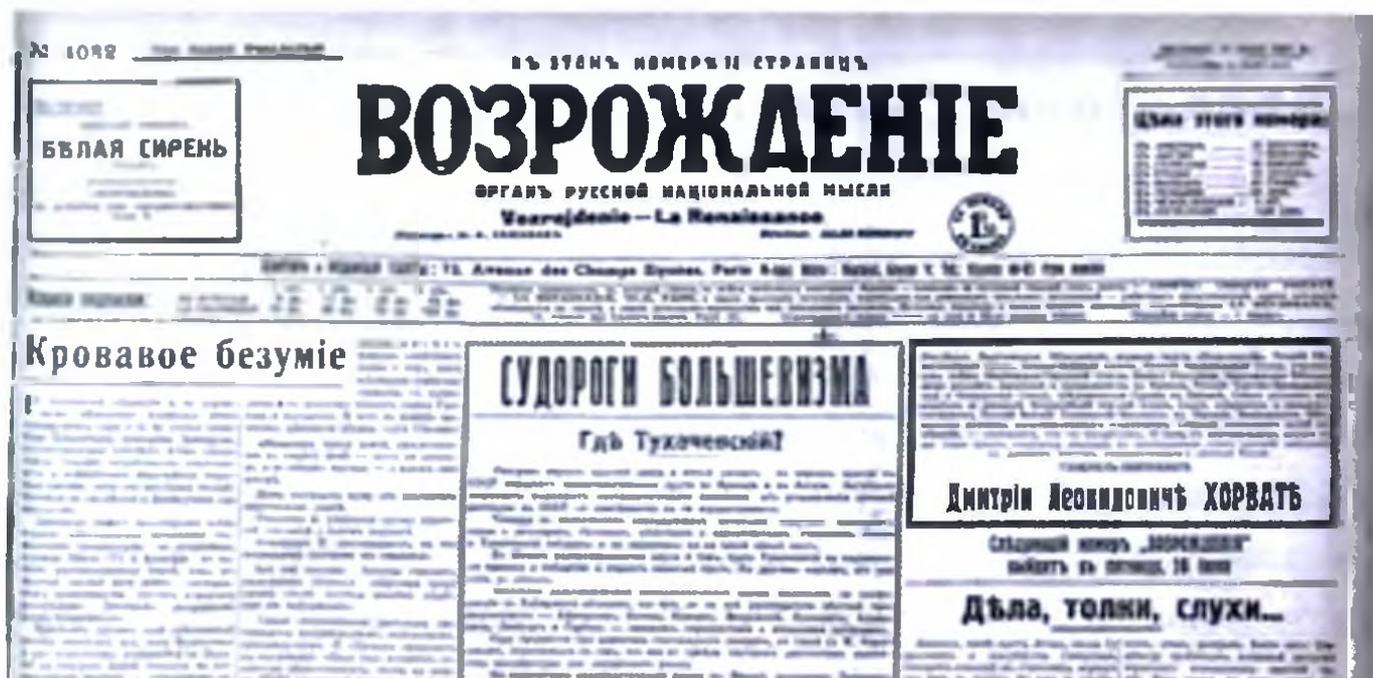
Конечно, если бы он любил меня, – он мог бы, если захотел остаться там, где живет любимая. Тогда я могла бы его задержать... Но он не любил ни меня, никого другого в Омске. Никто не был виноват в его смерти...

Но я не оправдывалась перед Володей. Я была слишком подавлена известием, чтобы еще как-то реагировать на обвинения Володи, оправдываться в том, чего не было...

Но Володя не поинтересовался, да так никогда и не узнал, что у меня никогда не было права удерживать около себя Павлика.

Т. Баженова: очерки, статьи, эссе, некрологи

1. Газета «Возрождение». Париж

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ³

17 января 1926 г.

«Мируар Жуиф» – еврейская «Летучая Мышь». И для полноты впечатления – в той же «Фемина», где обычно подвизается Балиев.

³ Заметки напечатаны под псевдонимом «Ли».

«Еврейское Зеркало» – таково название нового театра – создано при участии главным образом русских литературных и артистических сил.

В артистическом персонале имена А. Давыдова, Виктора Хенкина, Елены Зелинской, М. Муратова, певицы Корн. Литературный шеф – С. Поляков-Литовцев. Конферансье – Мостовой...

Театр имеет культурную физиономию и представляет несомненный интерес не только для еврейской публики. Хорошо сделаны миниатюры на библейские темы. Красивые стильные декорации – в особенности в «Елизаре», стройное исполнение. Но публике нравятся больше всего вещицы бытового характера. Они более близки и понятны: «Свадьба», «Коробейник» нравятся больше «Иерусалимской Заны», а больше всего нравится старая – престарая балиевская «Катенька». Это – настоящий гвоздь. Правда, попав на еврейскую сцену, Катенька превратилась в «Златеньку», а родители ее из Московского купечества перекочевали в цех часовых дел мастеров, но это дела не меняет и Катенька, как ни старается талантливая Зелинская, и под новым псевдонимом остается Катенькой – испытанной любимицей международной публики. «Всюду ангажированной и всюду пролонгированной», – как писали кабарэтные журналы доброго старого времени.

***

Катенька – Златенька, а Лопухин – Лопуховер...

Лопухин – это старый русский актер, «детский» рассказчик. Превращение Лопухина, выступающего в ансамбльных номерах «Зеркала», в Лопуховера оказалось неожиданным не только для него самого, но даже и для ди-

рекции театра. Оказалось – перепутаница.

Администратор учинил в афише переименование по собственному почину. Очевидно в пароксизме административного восторга.

По последним сведениям, Лопухину возвращена его настоящая фамилия.

***

Академический вопрос:

– Кто лучше дает пурбуары?

В компании шофферов⁴, сидевшей неподалеку от меня за столиком в русском кабачке, по сему поводу наблюдалось разногласие.

Кто-то заикнулся о русских.

– Русские дают лучше всех.

Но это было тотчас же опротестовано.

– Был да сплыл. – Теперь щедрее всех англичане.

– Американцы.

– Американцы и англичане – их не поймешь: иногда дают по-царски, а в большинстве так совсем ничего не дают.

Из дальнейшего обмена мнений выяснилось, что лучшими пурбуарщиками Парижа являются французы.

Но ах, эти сословные перегородки! Не все французы – в массе. А один только класс французов.

Французы рабочие.

– Эти – самые щедрые. Понимают, что нашему брату, грудящемуся тоже жить надо.

Самыми невыгодными гражданами Парижа, с шофферско-пурбуарной точки зрения, являются французы...

---

4. Так было принято писать в начале XX в.

из 16 аррондисмана⁵.

В этом аррондисмане проживают потомки французской родовой аристократии, и на пурбуары эти граждане, если верить шофферам, весьма туги.

– Попал в 16 аррондисман, – заключил беседу главный оратор, – беги без оглядки. Потому – никакого пурбуара...

Ли

2. Газета «Русское Слово». Харбин

ПИСЬМА ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Christmas

10 марта 1926 г.

Сегодня – русское Рождество. День, ничем не отличающийся от других. Большинство русских работает, и только немногие счастливцы сегодня не на фабриках, не в кафетериях, и не в прачечных.

Вчера, в сочельник вечером, в церкви на Green st. вверху и внизу служилась всенощная, а сегодня – обедня. Вечером в женском отделе Х.С.М.Л. – ёлка для русских детей, да в частных домах, где есть дети, сделают елку или зажгут оставшуюся от Американского Рождества. И это все... Так приходится применяться к местным условиям, что начинаешь ценить несколько дней хотя бы и чужого праздника и чувствовать себя в них в праздничном настроении.

---

5. Арондисман (фр. *arrondissement*) — округ во Франции, Бельгии, некоторых других франкоязычных странах и Нидерландах.

РУССКОЕ СЛОВО

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. Г. ХАРБИН.

Эта газета № 104
 Выпущена в 1925 году
 Удостоена наград:
 1. 1925 г. 1-й степени
 2. 1926 г. 1-й степени
 3. 1927 г. 1-й степени
 4. 1928 г. 1-й степени
 5. 1929 г. 1-й степени
 6. 1930 г. 1-й степени
 7. 1931 г. 1-й степени
 8. 1932 г. 1-й степени
 9. 1933 г. 1-й степени
 10. 1934 г. 1-й степени
 11. 1935 г. 1-й степени
 12. 1936 г. 1-й степени
 13. 1937 г. 1-й степени
 14. 1938 г. 1-й степени
 15. 1939 г. 1-й степени
 16. 1940 г. 1-й степени
 17. 1941 г. 1-й степени
 18. 1942 г. 1-й степени
 19. 1943 г. 1-й степени
 20. 1944 г. 1-й степени
 21. 1945 г. 1-й степени
 22. 1946 г. 1-й степени
 23. 1947 г. 1-й степени
 24. 1948 г. 1-й степени
 25. 1949 г. 1-й степени
 26. 1950 г. 1-й степени
 27. 1951 г. 1-й степени
 28. 1952 г. 1-й степени
 29. 1953 г. 1-й степени
 30. 1954 г. 1-й степени

№ 104 Выпущена 14 сентября 1925 года. Выпущено в 30 страниц. Цена 10 копеек. Адрес: Харбин, ул. Дзюль, № 104.

Жизнь Иисуса Христа

Свѣтопись
 П. Ф. КУЗЬМОВОЙ

Учебник
 Педагогического
 Института.

„ДАРЬЯЛ“

М. В. ДОМОШОВА.

К обмѣну паспортов!

Привлекательный капитал с понедельника 20 цент.
 Завышенный процент 20% на капитал 1000 руб.
 Прием прошения — продолжается.

Телеграмное Объявление № 405.

КНИГА ВАШЕ ЛУЧШЕЙ ДРУГ.
 Новый роман „ДАРИО“ Э. В. ШОЛЛЕРА.
 Только 100 копеек для всех книг.

Е. А. КЛОДНИЦКОЙ
 Книжки, альбомы, открытки.
 Адрес: Харбин, ул. Дзюль, № 104.

САНСОН
 А. З. КАРПЕНКО
 Ю. В. УЛЬШТЕР
 П. В. ГЕРЦ
 Л. С. СКАВЕР

РОССИЯ
 Живите! Благие! Дружные!
 Новый Джесс.

А. А. ДЕРЖАВИНА + А. В. КРЫЖОВА

ФАНТАЗИЯ
 Статуэтки в натуре
 Маршеры и танцы

За недѣлю.

ПОМПЕЯ
 Елена Труфановна
 Елена Ивановна

Содержание газеты: статьи, объявления, заметки, рецензии, информация о культурной жизни Харбина.

Этому, конечно, более всего способствует обстанов-ка. По временам кажется, что несколько последних недель Америка живет только для Рождества, или X-mas, как они зовут сокращенно. Везде и всюду готовятся к нему. Ули-

цы декорированы елками, гирляндами хвои, через улицы переброшены нити разноцветных электрических лампочек. В магазинах, гроссеры, гаражах, в домах еще за месяц с лишком появляются огромные ёлки, уже убранные, горящие цветными лампочками, хвойные ветки с красными ягодами и бантами лент. Всюду – S. Klaus – в красном с бородой. Газеты полны объявлений, напоминающих о Рождестве; кино, театры, банки – все говорит о нем же. Фабрики спешат закончить все работы, прачечные – приготовить белье, кондитерские – candy, швейные – одежду. Работают в два раза больше, чтобы только успеть.

У американцев праздников не много. Единственным заслуженным отдыхом считаются воскресенье, Рождество и праздник Благодарности. Есть много и таких, как День Матери, день Ведьмы – (датский), в который дети имеют право делать все, что угодно: шалить, мазать мелом и углем заборы, дома – двери и окна. В День Благодарности возносятся благодарные молитвы за изобилие богатств земных, за процветание государства. В этот день во всех домах готовится символическая индейка. В магазинах и кондитерских – шоколадные индейки, великолепно сделанные. И тут же – Св. Николай.

В Санта Клаус 19 декабря я случайно попала в кино на интересную сценку. После программы дирекция попросила всех именинников на сцену, где сидел Санта Клаус в кресле около зажженной елочки. Поднялось чуть ли не пол театра и потянулось вереницей на сцену. Маленькие балерины помогали «Дедушке Морозу»: он здоровался, они вручали подарок. Я насчитала больше 180 детей, понятно, что здесь были не только «Николасы». Тотчас же в темном зале раздались пронзительные свистки, писк, шипение, –

это дети пробовали подарки.

В сочельник 24-го Market st. было трудно проехать. Трамваи на остановках стояли дольше из-за скапливавшихся автомобилей. Венки из хвои с красными ягодами и лентами были не только в дверях, окнах и магазинных витринах, – их прикрепляли к автомобилям над сиденьем... Люди текли и текли, переходили улицы, шли с коробками, оклеенными в рождественскую бумагу, с рисунками той же хвои и красных ягод, и лент.

На следующий день было сумеречно и холодно. Под вечер в каждом доме в окнах виднелись елки в электрических лампочках. Американцы любят показать, что имеют, и потому елки свои и веночки X-го выставляют главным образом для публики:

– И у нас елка, видите?

На празднике публика больше посещала кино, парки, дансинги, beach. В сущности, только в приготовлениях и состоял этот «Кристмас».

В кино шли боевики, как "Wendertet", (Притча о блуд-

ном сыне), "Boeled Hair" (Стриженные волосы) с Мари Прево, трактующей модный вопрос: Bobb or not bob? (стричься или нет?), "The Gold Rush" с Чарли Чаплином и "Frenchman" с Ллойд Джорджем.

Новый год справляется с большим шумом. Пожалуй, это самый интересный карнавал в Америке. Все идут на Market. Город полон огней, и кроме обычного стука, шипения, река автомобилей и трамваев, слышны свистки, треск разорвавшихся хлопушек, писк пикулек, пронзительных труб. На Маркет-Стрит – бой серпантина и конфетти. В 12 часов часть публики расходится. Раздаются поздравления, поцелуи. Все оживленно веселы. В 4-5-6 улицы тонут по колено в гуще разноцветного конфетти, в обрывках серпантина. Для этого случая город нанимает сотни лишних рабочих, чтобы привести улицы в порядок...

4-го января, в понедельник, праздники заканчиваются. Постоянные рабочие идут на фабрики, где работы немного. Фруктовые, бисквитные, прачечные, конфетные – увольняют временных, дают "vocation", т.е. увольняют до вызова через месяц, или два, когда будет новый сбор фруктов.

На шляпных открылся сезон: тот час же новые фасоны, новая мода. В магазинах сразу стали дешевле пальто, платья и обувь.

А на улицах у дверей выставлены елки, и уборщик, каждый день проезжающий на большой лошади, из числа немногих лошадей, оставшихся от пожарных команд, складывает их поперек. Праздник кончился.

Но 9-го еще предстоит грандиозный бал мясников. Это – наиболее сплоченная и организованная ассоциация. Многие мясники – очень богатые люди, владельцы боль-

ших домов и предприятий. И бал этот, подобно балу моряков в довоенной России, считается здесь самым аристократичным и фешенебельным.

Потом уже в феврале начинаются концерты знаменитостей: Шаляпина, Изы Кремер, Джигли (итальянский тенор) и Падеревского.

13 февраля – день Св. Валентина, – праздник любви и весны. В этот день *sweet hearts* обмениваются коробками конфет в виде больших красных сердец, причем конфеты также сделаны в виде сердечек, и посылают рисунки друг другу, открытки с любовными стихами.

САН-ФРАНЦИСКО. НОВЫЕ ПРАВЫ

19 марта 1926 г.

Как и всякий не бывший в Америке, я имела несколько превратное представление об американских женщинах; я их представляла себе так: девочки-сорванцы вроде Мэри Пикфорд; девушки – неизящны, грубоваты, невежественны – смесь Присциллы Дин и героинь рассказов из «Мира приключений» или же старые девы; женщины-дамы общества – очень добродетельны: дети, семья, кухня и «бродери» с непременно *five o'clock*ом. А потом старушки методистского типа: в шляпах, с чаем в руках и с Евангелием на коленях, потом непременно в очках.

Я не совсем ошиблась. И только относительно девушек, «герлов», как их называют русские, – должна сказать: она хуже и лучше того, что я думала. Подрумяненные, одетые по-модному, с цветами на пальто очень коротком, как

и платье, открывающем ноги в телесных чулках, – они привлекательны все, многие положительно красивы, они хорошо работают, много танцуют в дансингах. Но поведение их слишком свободное, на наш взгляд, очень странное.

Американцы предоставляют своим детям слишком много свободы; дети рано самостоятельны, рано учатся жизни и труду. Многие «бои»

продают газеты. В пестрой фуфайке с красной шапочкой на макушке и свертком газет, они неожиданно ныряют в толпе, вскакивают в трамвай на ходу, звонко и чисто выкрикивают «Хералд», «Хэл» и быстро выпрыгивают на улицу. А то на секундной остановке умеют продать в окно газету и дать сдачи. Я видела, как газетчик продал газету в окно 2-го этажа: он ловко швырнул ее, вытащив из тележки, и газета, имеющая листов 10, – попала по назначению.

Вечером в поездах часто видишь обнявшихся сюитхартов. Они, может быть, иногда отодвинутся, но не убегут – любовь. Любовь в автомобилях за занавесками у бича или Голден гейтпарка, в китайских столовых, где имеются кабинки, любовь в дансингах, где наблюдающий за моралью полисмен, заметив прижавшуюся и остановившуюся пару, подходит и говорит: «Не останавливайтесь. Продолжайте танцевать!» Любовь в меблированных комнатах, где на вопрос о сдающейся квартире, несколько смущенный ответ герлы: «Видите, нам бы хотелось, чтоб это был муж-

чина. Нас очень много женщин, и это скучно».

Здесь свиданий в парках не назначают влюбленные. В парке на лужайках, на зеленых горках играют дети с песком и мячами, а матери вяжут и вышивают.

Нередко видишь в праздник, как отец, мать и ребенок посредине парка спят на лужайке, на солнышке. В парках сидят днем, а вечерние и ночные randevu в них американцам незнакомы.

По вечерам предпочитают идти в кино.

ПИСЬМА ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

На улице

21 марта 1926 г.

Харбинскому обывателю трудно себе представить, в какой степени развита уличная жизнь в Сан-Франциско.

Прежде всего – автомобили. Автомобили без конца. В Сан-Франциско на каждые три человека приходится по автомобилю. Блестящие, новенькие машины на 8, на 6 человек, потрепанные грязные грузовики; двухместные машины рабочих, белые амбулансы, пожарные и полицейские оранжевые – все эти оверланды, форды, шевроле, кадиллаки, доджи, – все это гудит, звенит подвешенными банками

для пущей важности и простого озорства. Скапливается в одном направлении, пропускает трамваи, автомобили, ждет, когда огромный синий или зеленый полисмен свистнет или махнет рукой для их движения. А публика лавирует между этими машинами и трамваями, перебегает улицу или же спокойно проходит, вскакивает в трамвай на ходу, высаживается, меняет «саг».

На днях открывалась большая Гросери на Fillmore. Так в виде рекламы, около магазина расположился оркестр из банчо, гармониста, режиссера и трубы, без конца играл итальянскую «тинтину», «Соню», фокстрот на русский мотив «Эх, распошел», «катарину» – балиевскую песенку, и песенку уже американскую – «Ies, Sir, this is my baby», – как видите, все модные фокстроты, и только один собственно американский.

А перед толпой человек в 100 не менее, перед магазином (?) танце (?) молочников и «Nationale Ice cream», – едет, высовываясь, набеленный клоун, приветствуя под музыку прохожих и зовя их в цирк. А тут же из магазинов – на самом тротуаре публика слушает «рэдио» – из трубы слышится могучий бас или игривые песенки, прерываемые игривой же речью артиста...

А внизу под магазином – негры-чистильщики сапог услаждают слух своих клиентов звуками фокстрота, который наигрывает виктрола.

В глухом переулке еще зрелище. На спинке автомобиля светится экран с изображением человеческой фигуры и обозначенными на ней сердцем, легкими, нервами, кровеносными сосудами и т.д.

Публика слушает: это известный доктор рекламирует болезни и свое искусство их лечить.

Нередко можно видеть, как публика скапливается у машины, точащей ножи, или, как она же стоит, слушая лекции об ортопедии, и записывается тут же у лектора лечить ноги. Или как зубной врач тут же на улице, производит операции прохожим не хуже, чем в Фудзядяне.

Salvation army бродит с угла на угол, с улицы на улицу. Проходят американцы, кургузые японцы, высокие страшно неприятные негры, тонкие коричневые гавайцы, короткие черные нахальные итальянцы, а по жиденькой светлой бородке мужчины и не очень модной фигуре дамы сразу издали узнаешь громко говорящих русских.

ПИСЬМА ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Гладильщица

Апрель, 1926 г.

Мое новое амплуа? Извольте – гладильщица во французской чистке.

Встаю в 6 часов, в 7 лечу на трамвай. Электричества на улицах уже нет; еще совсем темно. Сажусь в свой трамвай. В трамвае – огонь. Едут рабочие в куртках, в грубых ботинках, грязных шляпах. Зевают. Читают «Геральд», «Экзаминер», «Бюллетень». Со свертками и саквояжами, где термос с горячим кофе и сэндвичи.

Едем, едем. Изящные нарумяненные герлы, старушки, дамы, негритянки прилично одетые.

Наконец мне слезать. Звоню, выхожу, уже поздно, бегу 2 квартала (блока), с часами в руках. Нет, еще успею, раздеваюсь.

В половине 8-го – гудок, – спешим к доскам, утюги горячие, обыкновенные. Гладим вычищенные платья, пальто, жакеты...

Я получаю 15 долларов в неделю, но так как работы часто нет, то приходим иногда позже, тогда я получаю меньше, то есть 12 долларов. В среднем, в месяц, я думаю, пока будет долларов 50.

В 12 часов идем в кафетерию рядом; – нас шестеро русских, пьем кофе. В кафетерии – рабочие и с других фабрик. Едят ростбифы, густо политые томатным соусом. Для нас, русских, американская пицца совсем не подходит. Мясо не вкусно, овощи и фрукты также, в кушаньях много томату и перцу, но это не искупает их недостатков. Печенье и хлеб пресны, издают какой-то особый запах, и, хотя приготовлены на вид чрезвычайно заманчиво, но во вкусовом ощущении заставляют желать многого. Колбасу делать не умеют.

Candy, – то есть конфеты, поражают яркостью окраски, но, если попробовать, – непременно выплюнешь: здесь и мясо, и лакрица, и сахар. Другим американским лакомством считаются бобы в шоколаде с начинками. Американцы обожают эти candy (?) cream и candy – вот чем покоряются сердца, начиная с детского возраста, и кончая взрослыми. Я заметила, что у американцев отличный запах – это вот именно сладкий, клейкий желатин, неизменно и в мороженом, и лакомствах. Этим запахом пропитаны и кино, и магазины, и платья, которые приходится гладить. Платья потому, что американки французских духов почти не знают, и душатся 15-копеечными «жасминами» из 15-копеечного же магазина. Пахнет? – ну и хорошо, – сьюитхарту все равно.

Но я отвлеклась. Продолжаю о кафетерии. Мы приносим завтрак с собой, пьем только кофе. На столе – вода и масло. Ни один американец не начнет есть без стакана воды и масла. Здесь это своего рода необходимость, так как желудки плохо переваривают пищу.

Пианола шипит, – в неё брошен пятак, – и играет. За соседним столом – «фор-леди» и её помощница, – высокая седая дама, похожая на начальницу института, строгая и ласковая. Её помощница – толстененькая француженка Эма, в очках. Раздает работу, отдает платья в чистку, приносит исправить плохо выглаженное. Учительница – итальянка показывает новеньким, как нужно гладить. Есть еще м-р Жорж, племянник хозяина – молодой очкастый блондин в серой фуфайке, он – босс, наблюдает за работой всей фабрики, принимает и увольняет служащих. От него и прибавка жалованья зависит. Наша гроза.

Сам хозяин – добродушный, еще не старый француз – в шляпе, с сигарой. Погружен в тряпки, занавески, платья. Я, уходя, пудрюсь при нем и объявляю, что не питаю никакого страха перед хозяином; «никакого уваженья!», – «а вы что думаете – хозяин? Он в прошлом году сам уборные мыл, – и ничего. Здесь все страшно просто!»

Действительно, я убедилась, насколько Америка демократична. Хозяин, а одет также в грязный оверол, как и все. И рабочие обращаются к нему на ты: «ты Джимми», «ты Том», «сам лазь, если хочешь, в это пекло». А после работы, или в воскресенье, этот хозяин переодевается и едет в новенькой машине в парк, где встречается со своими подчиненными, простыми рабочими, тоже преобразенными и тоже на своих машинах.

Полчаса после завтрака проводим на крыше, где су-

шатся меха и мытые вещи. С крыши виден город – Folsome, 8-я ул., – самая фабричная. Много прачечных, стеклянных, фруктовых, шоколадных и других фабрик. Во время обеденного перерыва по этим улицам на солнышке группы рабочих. Солнце! Его в Америке за драгоценность считают. Комнату выбирают так, чтобы как можно больше имела окон – и солнце находилось больше часов. Правда, это дороже, но все тепло только от солнца.

3. Газета «Новая Заря». Сан-Франциско

РУССКИЕ ОХОТНИКИ В КАЛИФОРНИИ

2 мая 1937 г.

Охота на морских животных вместе с американцами. – Период самостоятельной деятельности русских в Калифорнии. – Форт Росс. – Фараллонские острова. – Стычки с испанцами. – Захват русских испанцами. – Заключение контрактов с Мексиканцами. – Уменьшение числа тюленей. – Уход из Калифорнии.

До 1803 года русские занимались пушным промыслом только на севере Америки – у берегов Аляски и на Алеутских островах. Для охоты в южных водах Тихого океана у них не было ни судов, ни продовольствия.

Но с этого года, почти в течение 40 лет, охота русских протекала уже вдоль берегов Калифорнии и разделялась она на три периода: работу на паях с американцами, период самостоятельной добычи с 1908 года и сотрудничество с мексиканцами с 1823 года по 1841 год.

Первым из американцев, которому пришла в голову

мысль кооперировать с русскими, был капитан Джозеф О. Кэйн, родом из Бостона, который плавал на кораблях, доставлявших снабжение из Сан-Блаза в Калифорнию. Подобно другим своим соотечественникам, капитан в то же время занимался и охотой воровским путем, за морскими животными, главным образом, выдрой, О. Кэйн пришел к выводу, что долго такая охота продолжаться не может, – у американцев не было ни снаряжения, ни опытных охотников, какими были алеуты у русских на севере. Русские алеутских индейцев называют «индианами», и эти индианы – малорослые, выносливые, были мастерами своего дела, что делало самих русских властителями пушного промысла.

Поэтому капитан О. Кэйн в октябре 1803 года имел совещание с А.А. Барановым на о. Кадиаке. План капитана был прост. Если Баранов снарядит алеутских индиан и байдарки, – сам капитан сможет обеспечить их перевозку в южные воды. Шкуры животных могут быть поделены пополам, и это даст хорошие прибыли.

Баранов тщательно обдумал предложение, прежде, чем на него решиться. У него было много неприятностей. Только за год до этого новое поселение Ново-Архангельск (Ситкл) было разрушено и сожжено враждебным племенем «колошей». На охотничьи партии, отправленные на материк, напали предательские индейцы. Вторжение иностранцев становилось невыносимым. И вот теперь один из них рассказывал об открытии новой, богатой области для охоты. Если не воспользоваться, – потом придется жалеть. Кроме того, заключение контракта смогло бы приблизить план Баранова к действительности: основать Тихоокеанскую Российскую империю. Впоследствии в 1806 году его план был рассмотрен Резановым, получил утверждение и

дальнейшую разработку для претворения в жизнь.

Поэтому Баранов согласился заключить контракт с американцем.

Приготовления к охоте заняли несколько недель. Женщины делали водонепроницаемую одежду, сушили рыбу, мастерили удочки и сети для рыбаков, мужчины делали весла и рамы для байдарок, мальчишки обтачивали дротики и смазывали китовым жиром швы и щели байдарок. Байдарка, или кану, – это узкая лодка на раме, обшитая кожей моржа или морского льва. В ней имеется два круглых отверстия для охотников. В своих промасленных одеждах, прикрепленных для большей безопасности к кольцу вокруг отверстия кану, алеуты по 10 и 12 часов могут оставаться неподвижными на коленях или вытянув ноги. Ни одна капля не проникает в байдарку. Увидев на поверхности моря животное, алеуты стремительно приближаются к нему с наветренной стороны, и ближайший охотник, на расстоянии выстрела, ловко бросает в него свой заостренный зубчатый дротик с длинной веревкой. Животное моментально погружается в воду и остается там в течение 20-30 минут, пока снова не появится на поверхность за воздухом. Тогда его приканчивают. Алеуты охотились на выдр, тюленей (камчатский бобер), черных котиков, морских львов или моржей.

Когда 20 байдарок с 40 охотниками были готовы под командой Швецова и отправились в экспедицию на юг, – в качестве залога О. Кэйн оставил товару на 12 000 рублей.

Бриг «О. Кэйн» прибыл в Сан-Диего в начале декабря. Здесь не было удобной пристани. Три человека были отправлены на маленькой лодке в Нункта де Гвихаррос

просить продовольствия, но в этом им было испанцами отказано. Через 4 дня, двигаясь на юг, бриг пришел в Сан-Квентин, на берегу южной Калифорнии. Комендант Хозэ Мануэль Руиц поспешил встретить незваных гостей, приехав из миссии Сан-Доминго. Капитан О. Кэйн прибегнул к обычным уверткам американцев, встречающихся с законом. Он сказал, что не был на суше уже 11 месяцев, рассказал, какой ужасный шторм пришлось выдержать его судну. Руиц поддался на жалобы и разрешил капитану О. Кэйн остаться на несколько дней. Эти несколько дней превратились в 3 месяца в спокойных водах Сан-Квентина. Четвертого марта 1804 года губернатор Калифорнии Хозэ Арилляга доносил вице-королю, что больше не осталось ни одной выдры от миссии Розаро до Сан-Доминго. Он приказал американцу уйти, но в ответ были одни извинения. Ничего нельзя сделать, – ни прогнать, ни завладеть пушниной, так как охотники поставили на берегу пять пушек и, кроме того, держат до 40 вооруженных алеутов на карауле. Когда, наконец, О. Кэйн закончил охоту в марте, – он привез Баранову его долю в 1 100 шкур. У самого кап. О. Кэйн было, кроме его части, 700 шкурок, которые он купил за собственный счет от испанских чиновников.

Такая контрактная система сначала удовлетворяла обе стороны. Бостонские капитаны отвозили на своих бригах алеутов с байдарками под командой русских моряков к берегам Калифорнии и возвращали половину добычи Русско-Американской Компании. Баранов финансировал американцев. За кап. О. Кэйн последовал Джонатан Уиншип на том же судне «О. Кэйн». С ним в это путешествие, под командой Слободчикова, отправилось 100 охотников с 50 байдарками. Уиншип избегал населенные испанцами

центры, держался около островов и добыл между о. Тодос Сантос и Сан-Квентином выдр и котиков на сумму 60 000 долларов, которые затем были проданы им в Кантоне.

Во время второго путешествия капитана Уиншипа в Калифорнию, произошла ссора между американцем и Слободчиковым, вероятно, из-за власти. Разозлившийся Слободчиков выменял за 150 мехов выдры небольшую шхуну под названием «Св. Николай», нагрузил ее шкурами и отплыл в 1807 году на Сандвичевы острова. Здесь некоторое количество пушнины было обменено на продовольствие для Русско-Американской Компании.

В 1807 г. Оливер Кимбалл на судне «Пикок» отплыл из Ново-Архангельска с алеутами и байдарками под командой В.Т. Тараканова, бывшего в Калифорнии со Швецовым в 1803 году и тщательно познакомившегося с местонахождением драгоценных животных. В устье реки Бодега были сооружены временные землянки. Так русские за 5 лет до основания Форта Росс знали цену этого закрытого порта. Отсюда байдарки, держась далеко от берега, где находились пушки Президио, проскользнули в Сан-Францисскую бухту. Здесь тюлени плавали в большом количестве. Такое же приятное открытие было сделано им и на Фараллонских островах, находящихся в океане против Голден Гейта. Здесь было много тюленей и моржей.

Деятельность бостонских капитанов, отправлявших байдарки с алеутами на берег за продовольствием – пресной водой, дровами, а иногда и за скотом, – не могла остаться незамеченной испанцами. Испанские «президио» были малочисленны и плохо вооружены, в некоторых было от 8 до 15 человек. Испанцы были беззащитны, охотники – изворотливы, дерзки, многочисленны и хоро-

шо вооружены. Обычным их оправданием захода в порт была жалоба на то, что их потрепала буря, необходимо починить снасти, нет воды. Вначале испанцы поддавались на жалобы, разрешали остаться в гавани, но потом никак не могли выпроводить непрошенных гостей, которые оставались до тех пор, пока не уничтожали последнюю выдру. Несколько раз происходили столкновения и однажды О. Кэйн захватил следивших за ним 5 испанских солдат. Но в большинстве случаев, кроме слежки американцев, русских и алеутов и донесений вице-королю в Мексику, испанцы не были в силах что-либо предпринять.

Однако, когда в 1810 году охотники имели базу в устье Бодеги и проникли в Сан-Францисский залив для охоты, – испанцы стали захватывать алеутов с лодками и мехами и держать их в темных казематах крепости.

Обосновавшись в устье Бодеги и в бухте Дрэйка, американцы и русские продолжали беспокоить испанцев. Байдарки перевозили провизию на Фараллонские острова и обратно возвращались с мехами. Кроме алеутских охотников с 3 бостонских кораблей, здесь также находились и люди с русского корабля «Чириков» под командой И.А. Кускова, купца из Тотьмы, конторщика Баранова, а затем – доверенного его. Когда охотники Кускова вошли в Голден Гейт в мае 1810 года, в гавани оперировало 60 байдарок с американских судов «Альбатроса» и «Изабеллы». Охотники встретились лицом к лицу с испанцами. Американец Дэвис предлагал 3 000 песо коменданту Аргуэлло за разрешение привезти его охотников в Сан-Францисский залив. Испанец решительно отказался. В ответ на это Дэвис приказал всем своим байдаркам войти в залив. Несмотря на выстрелы, из Превидио, байдарки оставались в заливе.

Испанцам стало известно, что алеуты на ночь затаскивают байдарки на берег и смазывают их жиром. Однажды ночью испанцы выследили их и напали на пещеру, где алеуты спали. После залпа два кодиакца были убиты, несколько человек ранено, но бежало, оставив две байдарки, так нагруженных мехами, что один человек не смог бы спустить байдарку в воду. В конце лета Баранов получил от трех американских кораблей свою долю, выразившуюся в количестве 4 700 шкур, добытых в течение 2-3 месяцев.

Но дележ барыша с кем бы то ни было перестал нравиться Баранову. Теперь русские были достаточно опытные, чтобы работать независимо. Потому еще в 1808 году Баранов отправил первую самостоятельную экспедицию под командой Кускова с 2 кораблями из Ново-Архангельска. Один из них разбился около Колумбии, а «Кодиак» с капитаном Петровым, дойдя до Тринидад⁶ посмотреть – нет ли выдры, не нашел ее и прошел в Бодегу⁷. Там были построены временные жилища. Всего на «Кодиаке» прибыло 150 алеутских индейцев, из них 20 женщин и 40 русских.

Приплыв в Голден Гейт⁸ на байдарках к северному мысу Пункта Бонита, алеуты на плечах вынесли их и волоком протащили по берегу в Сан-Францисский залив. Около 50 байдарок в феврале 1809 года охотилось на северной стороне залива. В конце февраля промысел передвинулся к острову Ангела. Один из алеутов был захвачен сан-францисскими неопитами и приведен в Президио.

---

6. Тринидад – островное государство в южной части Карибского моря, недалеко от Венесуэлы.

7. Бодега – тихоокеанская бухта у берегов Калифорнии к северо-западу от Сан-Франциско.

8. Голден Гейт – мост Золотые Ворота – висячий мост через пролив Золотые Ворота. Соединяет Сан-Франциско и южную часть округа Марин.

Байдарки прятались около южных островов в течение марта месяца. Двадцать шестого марта байдарки пристали к берегу и 17 человек стали высаживаться на берег. Но подошедший сержант с солдатами помешал высадке. Раздался залп мушкетов, и когда охотники побежали к байдаркам, четыре из них было убито и два ранено. Русские стали осторожны, на стороже были и испанцы, все время ожидая мщения, так как русские долго оставались в заливе около Дерба-Буэна. «Кодиак» не покидал бухту до августа и отвез Баранову 2 тысячи шкур.

В 1811 году в Ново-Архангельске была организована третья экспедиция под начальством Кускова. Охотники, привезенные на фрегате «Чириков», нашли всего несколько тюленей в бухте Бодега. В мае в Сан-Францисский залив было послано 22 байдарки, которых одно время в бухте Дрейка, вместе с байдарками трех бостонских судов, находилось 140. Испанцы прибегнули к следующей хитрости. Они расставили часовых около колодцев и источников и никого не подпускали за свежей водой. Партии пришлось уйти из бухты. Алеуты были посланы на Фараллоны за моржовым мясом, и в июне «Чириков» ушел на Аляску, нагруженный 1 160 шкурами взрослых и 78 годовалых тюленей.

Пятнадцатого марта 1812 года в 18 милях севернее Бодегской бухты, которую русские окрестили портом графа Румянцева или Румянцевской губой, был заложен Форт Росс, как постоянная морская база для русских охотников в Калифорнии. Тридцатого августа по старому стилю постройка форта была закончена. Для русских был создан выход из положения, после того, как испанцы фактически остановили деятельность русских в Сан-Францисской бух-

те. А кроме того, как говорит Кирилл Хлебников, имевший зимовку около Форта Росс, русские не хотели ссориться с испанцами. Форт Росс и фермы вокруг него были центром русских в Калифорнии.

Отсюда алеуты на 40 байдарках, привезенных фрегатом «Чириков», охотились теперь по берегу, заходя на север так далеко, как мыс Мендосино, но не дальше на юг, чем бухта Дрейка. Вероятно, много шкур русские приобретали у индейцев, так как после русского поселения в Калифорнии индейцы перестали приносить их испанцам. Тайком русские все же продолжали охотиться в заливе. В 1813-1814 годах, когда русским разрешили зайти за продовольствием в залив, они взяли с собой алеутов, которые каждый раз привозили с собой по несколько свежих шкур. В 1813 году четыре алеута были задержаны в Президио, как утверждал Кусков, «без малейшей на то причины». «За эти два года русские развили большую деятельность, иначе, – говорит американский капитан корабля "Фостер", – он не мог бы купить у Кускова 3 400 тюленей в марте 1814 года».

Фараллоны стали постоянной базой для охотников с тех пор, как был основан Форт Росс. От 6 до 30 алеутов и несколько русских постоянно проживали на этих островах. Пять или шесть раз в год байдарки отправлялись через океан на Бодеги, привозя пищу, воду, дрова и бочки для моржового мяса и жира. Раз или два в год большое судно компании высаживало новую группу людей и забирало прежнюю. Морские львы снабжали алеутов мясом, ворванью и жиром, особенно существенным в их жизни. Каждый год на островах в бочки и ящики засаливалось от 100 до 200 пудов мяса морских львов. В Форте Росс выделялись бочки, байдарки и водонепроницаемая одеж-

да из шкур фараллонских животных. Более ценными, чем морские львы или моржи, были меха тюленей и котиков. Калифорнийский тюлень меньше, чем в северных районах, и его черный мех более грубый и менее ценный. Каждый год русские убивали от 1 200 до 1 500 животных, а между 1812 и 1818 годами было добыто 8 427 шкур.

Острова продолжали служить становищами для русских и алеутских охотников и после того, как пришлось отказаться от независимой охоты на выдру южнее Бодеги. В 1817 году здесь было около 30 человек. В 1825 году капитан Бенжамин Морелл нашел русскую семью и 23 алеута, которые имели 50 тонн заготовленного моржового мяса для следующего брига.

Мех тюленей был единственным средством для добывания продовольствия и снабжения от американских судов. Американцы отдавали свои товары и получали взамен меха, которые затем отвозили на кантонский рынок. Русские не отказывались от охоты на Фараллонских островах до тех пор, пока не уменьшилось количество тюленей. По сравнению с добычей в 1825 году 1 050 тюленей, – в 1833 году оттуда было привезено всего 54.

С уменьшением тюленей на островах, русские были не в состоянии продолжать самостоятельную охоту.

После 1813 года охотники стали удаляться от Калифорнийской базы на юг. В 1814 году бриг «Ильмень» пришел в Форт Росс за продовольствием и 50 алеутами под командой Тараканова. Их охотничья экспедиция на север была неудачной из-за враждебности индейцев. Бриг ушел на юг, и алеуты охотились два дня вокруг Фараллонских островов. После этого капитан приказал им ночью войти в Сан-Францисский залив. Алеуты охотились целый день и

убили 100 тюленей. Но когда они вернулись на берег, чтобы расположиться на ночь, то нашли испанцев, стороживших свои колодцы. Это так напугало алеутов, что они поспешили к бригу, оставшемуся в заливе. Бушевал ветер, было темно, все байдарки перевернулись и несколько усталых и напуганных алеутов были захвачены испанцами.

В другой раз около Сан-Педро несколько русских матросов и 11 алеутов во главе с Таракановым были отправлены на берег за убоиной. Увидя стадо в горах, люди высадились, но были тотчас же захвачены конными испанцами. Испуганные матросы бросились бежать, оставя Тараканова с алеутами, которые были связаны одной веревкой и отправлены пешком в Санта-Барбара, куда они прибыли через два дня. Там их приговорили к работам на два года, но освободили гораздо раньше. Тараканов был освобожден в 1816 году, когда Отто фон-Конебу был в Сан-Франциско. Несмотря на это происшествие, «Ильмень» продолжил крейсировать и проводить товарообмен вдоль берега.

В 1815 году из Мадрида губернатору Пабло де-Соли пришло распоряжение: ограничить торговые сношения с русскими и обмен на сельскохозяйственные продукты и мануфактурные изделия. Этим испанцы хотели сохранить природные богатства от рук северян. Вскоре губернатору пришлось применить это распоряжение на деле. В августе, когда «Ильмень» крейсировал между Сан-Луис Обиено и Санта-Барбара, на берег в Сан-Педро были отправлены восемь байдарок под командой Бориса Тарасова. Испанский сержант Гюилермо Кота потребовал объяснения. На что Тарасов откровенно ответил, что они охотятся на выдру. Кота приказал ему уйти и не возвращаться. Но Тарасов снова вернулся. Кота спрятался со всеми своими

27 солдатами в засаде и напал на русских. Двадцать четыре из них, вместе с Тарасовым были захвачены и отведены в лос-анжелосскую тюрьму. На суде Тарасов неумело вывертывался, сначала он говорил, что спрятался в гавани от ветра, а потом – что зашел во второй раз поговорить с Кота относительно ранее захваченных алеутов, и объяснил, что товар в байдарках – атлас, кружева и рис предназначены не для товарообмена, а для самих алеутов. Испанцы, конечно, не поверили.

Вскоре же произошло другое столкновение с испанцами, когда русские зашли в Сан-Луис Обиспо за водой, испанцы отказали в ней. После ухода «Ильменя», испанцы проследили бриг в Рефиджио и напали на русских, захватив семерых: заведывающего погрузкой Джона Эллиота Де-Кастро, 4 русских, американца и алеута. Кастро попробовал откупиться, но потерпел неудачу. Он и Тарасов были освобождены только после путешествия в Мексику; остальные вернулись домой не раньше, как через 2-3 года.

Все эти столкновения и стычки с испанцами мешали охоте русских, которые, в конце концов, пришли к выводу, что без сотрудничества с испанцами им невозможно оставаться в Калифорнии.

Весной 1817 года лейтенант Яков Подушкин впервые явился с предложением к губернатору Пабло де-Соля охотиться на паях. Соля принял русского с испанской галантностью, но отказался. В письме к Баранову он прямо указывал на то, что русские должны уйти из Калифорнии прежде, чем начать переговоры. В октябре того же года лейтенант А.А. Хагэмстер снова разговаривал с губернатором. Отказавшись принять гвадалахарские вексели в качестве уплаты за товары, которые хотел получить губер-

натор, Хагэместер набросал план договора. Испанцы получили бы необходимое для солдат снаряжение по очень низким ценам. За это алеутам должно быть разрешено входить в бухту. Все расходы по охоте русская компания брала на себя. Шкуры будут поделены пополам. Калифорнийские индейцы неопытны в охоте на морских животных. Однако, Соля было упрям. Разрешение может быть получено только от вице-короля. Семен Яновский, назначенный правителем Русской Америки в 1821 году, после Баранова и Хагэместера, пробовал задобрить Соля, послав ему через Хлебникова часы и зеркало. Соля поблагодарил, послал в подарок фазанов и снова отказал.

Вернувшись из Калифорнии в Россию, Хагэместер ходатайствовал через русского посла в Мадриде о получении разрешения верховного суда охотиться в Калифорнии на равных паях с испанцами. В свою очередь, русско-Американская компания просила графа Нессельроде, министра иностранных дел, выхлопотать ей право на охоту от испанского правительства. Русские соглашались, в случае необходимости, даже оставить Форт Росс.

Только после объявления независимости Мексики, Соля заключил с русскими первый контракт в Монтерее 1 декабря 1823 года. Русские, по этому контракту, обязывались продавать свою долю мексиканскому правительству по 45 пезо за шкуру и получили взамен пшеницу по 3 пезо за фаиегу. По первому контракту русские соглашались платить алеутам и чинить их байдарки. Продовольствие охотникам отпускалось калифорнийскими властями. Если бы контракт возобновился, – испанцы должны были бы платить алеутам по два пиастро за большие шкуры и по одному пиастро за малые.

Сан-Францисский залив был полем для первой охоты. Выдры там оказалось чрезвычайно много, – она спаслась в бухте от истребления в северных водах. Уже через месяц было убито 455 выдр в заливе Сан-Франциско. Охота также шла в водах Сан-Пабло и в заливе Монтереи, где за месяц было убито 429 выдр.

По истечению первого контракта Луис Аргуэлло собственной властью заключил новый контракт в марте 1824 года.

После 1824 года было снова заключено соглашение между мексиканским комиссионером Хозэ Мария Хэрера с капитаном Беземаном с фрегата «Байкал». В южном порту Сан-Диего, зайдя за зерном, Беземан принимал у себя на борту фрегата нового калифорнийского губернатора Хозэ Мария Эчелидия и пил за молодую Мексиканскую республику. Он получил разрешение продлить контракт еще на четыре месяца.

Следующие привилегии русские получили в 1828 году, когда капитан Адольф Эголин прибыл в Сан-Квентин с целью продать соль и исполнить приказ правителя Русской Америки Чистякова – добиться нового разрешения на охоту от Эчелидия.

Вероятно, с того же времени, гора на Марина в Сан-Франциско получила название «Русской Горы».

По одной версии, русский пьяный матрос упал в колодец на этой горе и утонул в нем. Другая версия гласит, что там на вершине «ближе к небу», были могилы нескольких русских с резановского фрегата «Юнона». По третьей же версии, на этой горе были огороды, овощи с которых предназначались для русских охотников на Фараллонских островах. Все эти версии чрезвычайно правдоподобны, и

потому не исключается возможность, что все эти три обстоятельства случились действительно на одной и той же горе.

Положение русских в Калифорнии стало изменяться с 1830 года. Мексика больше не желала давать русским специальные торгово-промышленные привилегии в Калифорнии, она сама хотела эксплуатировать свои богатства. Постепенно русские из партнеров превратились в наемных служащих, к тому же из Мексики последовал запрос, – почему заключаются контракты с русскими? Эчелидия чувствовал к русским симпатию: по его мнению, русские были хорошие люди, это американцы поступали нечестно, охотясь без разрешения.

Окончание контрактов с русскими последовало по распоряжению губернатора Мануэля Виктория после того, как барон Врангель, шестой правитель Русской Америки, просил в 1830 году о заключении нового контракта. Виктория отказал, а в 1831 году издал декрет, по которому охота на тюленей разрешалась только под условием, что 25 охотников будут туземцами. В 1833 и 1834 годах Врангель приезжал в Форт Росс специально для инструкции своим агентам, чтобы использовать все средства для возобновления контрактной системы с испанцами. Без контрактов русским приходилось туго. В 1835 году Александр Марков, охотившийся нелегально у Сан-Квентина, зашел за водой в Сан-Франциско и ему, в виде наказания, было отказано в просьбе.

Со дней Виктории до оставления русскими Форта Росс в конце 1841 года, мексиканцы фактически превратились в хозяев, а русские – в вольнонаемных служащих. Алеуты составляли 1\2 всех охотников мексиканских пар-

тий, и это, в связи с уменьшением количества тюленей на Фараллонских островах и у берегов между Голден Гейт и Бодегой, – сводило на нет все пребывание русских в Калифорнии.

УЧИТЕ РУССКИХ ДЕТЕЙ РУССКОМУ ЯЗЫКУ!

2 мая 1937 г.

ПОПЫТКА ХОЛЛИВУДСКОГО ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА «МОЛОДЫЕ СИЛЫ», ДОСТОЙНАЯ ПОДРАЖАНИЯ.

В Холливуде только что вышел в свет первый номер детского журнала «Молодые Силы», издающегося Русской школой имени Пушкина в Холливуде, под главным руководством прот. Григория Прозорова.

В статье «От редакции» приводятся причины, побудившие издавать такой журнал, и в виду особенного и острого интереса к такого рода изданиям, мы позволяем себе перепечатать эту статью целиком:

«Приступая к изданию детского журнала при русской школе в Холливуде, мы считаем своим долгом познакомить родителей и вообще лиц, заинтересованных в сохранении нашими детьми чистого русского языка, с побудительными мотивами, толкнувшими нас на путь издания.

Как ни странно, но наш русский язык для наших же детей является языком «иностранным».

Причин для этого много: отсутствие времени у родителей, желание некоторых из них «поправить» свой англий-

ский, пять дней английской школы, постоянное общение с американскими детьми и, наконец, только два часа в неделю русского языка в нашей школе.

Что же делать? Увеличить число дней в нашей школе? Опыт показал, что эта мера положительных результатов не даст. Подход с казенной меркой в данном случае невозможен.

Издание журнала при широком участии детей школы, а также и детей, не посещающих ее, создаст, мы верим, необходимую атмосферу интереса и сотрудничества. Для журнала нужно будет написать что-нибудь по-русски; получение первого номера журнала заставит читать по-русски из желания узнать: «А что написал Рудик», и чувство соревнования толкнет на путь усовершенствования языка, не говоря уже о том, что упражнение природных способностей и навык работы могут выявить будущих писателей и художников.

Редакция обращается с просьбой к родителям и детям, сочувствующим нашей беде, обратить должное внимание на детей и помочь нам средствами, советом и материалом о России. В журнале будут страницы и для взрослых на русские темы, чтобы будить в наших детях любовь и интерес к нашей Родине и ее вековому укладу.

Журнал издан на плотной бумаге, напечатан на машинке. На синей обложке его имеется оригинальный рисунок – летательные машины будущего на фоне небоскребов.

В редакционной комиссии представительницей состоит 14-летняя Ванда Ланковская, секретарем журнала – 13-летняя Зюка Полонская.

В журнале помещены коротенькие рассказы и стихи детей от 7 до 14 лет. Есть в журнале небольшая историче-

ская справка о русских авиаторах и о Пушкине. Прекрасно небольшое стихотворение А. Осипьян.

Детское творчество редко бывает самостоятельно. В детстве мы всегда кому-нибудь подражаем, пока не найдем свой собственный язык и свои собственные мысли. Творчество детей, как правило, является простым переложением всего, что они только что читали и слышали. Лишь некоторые умеют сразу рассказывать то, что видели, но для этого нужно написать не один раз в журнал, который должен выходить все чаще и чаще, чтобы добиться результатов.

В журнале «Молодые силы», как во всяком детском журнале, имеется характерная для детей лаконичность и скупость на слова. Бесстрастное, объективное изложение событий. Ничего лишнего. И вместе с тем, черта, которая особенно нравится в новом, растущем поколении – решительность и уверенность в себе и в своих силах.

Рудя Саббот, 13 лет, начинает свою статью так: «Я в этом журнале буду писать только о змеях, ящерицах и черепахах». Молодой человек уже чувствует склонность к ботанике и зоологии. Четырнадцатилетняя Таня Богомолец пишет о страшной болезни – проказе и заканчивает свой очерк словами: «Может быть, когда-нибудь будет доктор, который найдет способ вылечить эту ужасную болезнь. Может быть, этим доктором буду я». Зюка Полонская одну из своих статей тоже посвящает болезни – рака: видимо, она не хочет отставать от Тани Богомолец. У Зюки доминирует юмористическая жилка; описывая мировую войну в виде басни, заканчивает ее словами: «И вот, дети мои, так началась мировая война. Мораль: оставь муху в покое, если она не на твоём собственном носу».

Современная жизнь отражается в творчестве некоторых. Ига Хорошевский, 10 лет, описывает свою прогулку в горы. Двенадцатилетняя Наташа Савицкая говорит о собачке, которую она назвала «Наполеон». Это имя в честь героя картины, «где мама танцевала». Ванда Ланковская рассказывает содержание картины «Время мая». Вова Попов – о том, что он хочет быть командиром американского флота. В журнале объявляется анонс: «В субботу 15 мая дети Русской школы в Холливуде устраивают литературно-вокальный музыкальный вечер «День Матери», сбор которого поступит на устройство летнего детского лагеря».

В журнале помещен также небольшой очерк о школьных обществах во Франции. Мысль о создании такого общества в Холливуде при Русской школе обсуждалась на совместном заседании школьного и родительского комитета 1 апреля в Холливуде под председательством о. Григория Прозорова. Было постановлено учредить такую кассу взаимопомощи для нужд учащихся и учащих. В настоящее время в кассе уже имеется 100 долларов. Инициаторами создания кассы были секретарь школы А.Г. Симонович и И.А. Мельникова.

Большое участие в издании журнала, изданного средствами школы, принимали, кроме о. Григория, представительница Родительского комитета Т.С. Хорошевская, Л.В. Леонард и художник АН. Дуров.

Появление этого журнала, где дети сами принимают участие, сами редактируют его, сочиняют, думают о том, что написать и как написать, – может только горячо приветствоваться и поддерживаться в эмиграции. Примеру голливудской русской школы должны последовать все другие русские колонии в Америке, – так как это един-

ственный способ заинтересовать детей в русском языке, привить его и удержать за ними на будущее. Тот, кто пишет на каком-нибудь языке, – никогда его не забывает. Пока других способов закрепить русский язык за русскими детьми – в эмиграции не найдено.

Т.Б.

НИНОЧКА

29 ноября 1939 г.

Из нескольких десятков картин, сделанных в Холливуде на русскую тему, пожалуй, «Ниночка», идущая в настоящее время в театре «Парамаунт» с Гретой Гарбо и Мелкином Дугласом в главных ролях, оказалась первой, наиболее реалистической, похожей на действительность, фильмой.

Возможно, что строгому критику, пришедшему с предвзятым намерением – осудить по каким-либо соображениям картину – а такие критики всегда с обостренным взглядом, – многое в ней и не понравится.

Но мы уже привыкли, к счастью, или несчастью – к главному недостатку голливудских картин на русские темы – к издевательству над русскими эмигрантами: в конце концов, и к зубной боли привыкаешь. Так привыкли и мы к тому, что русские эмигранты изображаются в невыгодном, подчас, совсем некрасивом виде. На этот раз эмиграция представлена в лице «великой княгини Сваны», которую играет Ина Клэр, и офицера Раконина, служащего лакеем в отеле, которого играет Григорий Ге. Вся тяжесть удара в «Ниночке» падает на них. Но это уже не ново. Ново то, что сатира направлена на изображение советского быта, действительно уродливого и бедного и, может быть, еще

недостаточно обрисованного в фильме, но эта сатира беззлобна, добродушна и дает возможность каждому посмеяться от души. До сих пор ко всему советскому в Холливуде относились с большим почтением, и в этом отношении «Ниночка» является полным сюрпризом для всех.

Французский автор этой пьесы Мельхиор Ланглье, видимо, имел достаточно много случаев наблюдать советских посланцев, прибывающих с какими-либо миссиями из Москвы в Париж. Он сумел подметить среди них много характерных и юмористических черт, и это делает пьесу еще более приемлемой в смысле правды. Конечно, можно не согласиться с тем, что советское правительство не принимает во внимание, что такие посланцы, как «Бульянов,

Кадр из к-ма «Ниночка»

Айранов и Копальский», посланные продавать в первые годы советской власти конфискованные у царской фамилии и аристократов драгоценности, чтобы «спасти народ от грозящего ему неурожая», – могут оказаться не у места

и только дискредитировать советскую власть за границей. Но, если такие люди не имели возможности «разложиться», по советской терминологии, в условиях советской действительности, то почему их не могла искусить капиталистическая роскошь?.. Это можно и не предвидеть, и тем более, что они явились одними из первых советских невозвращенцев.

Оказавшись в Париже, эти эмиссары не могли не поддаться искушению и сняли «королевские апартаменты» в роскошном отеле. Но лакей Раколин доносит великой княгине Сване, что ее драгоценности – тиара и ожерелье, конфискованные советским правительством, оказались в Париже. Заботу об этом берет на себя друг великой княгини граф Леон Данглю, который появляется среди эмиссаров в то время, когда они уже почти заключили продажу с крупным французским ювелиром. Граф объясняет ювелиру, что великая княгиня предъявила иск к советскому правительству, и ювелир, не желая вмешиваться в это дело, отказывается от покупки. Разочарованным эмиссарам граф предлагает роскошный ужин с шампанским, чем располагает их в свою пользу. Он предлагает сделку: половину драгоценностей в пользу вел. княгини, а половину – советского правительства.

Но Москва, недовольная действиями эмиссаров, подсылает в Париж особого уполномоченного. Это девушка, типичная для нового советского поколения: у нее трезвый, аналитический ум: она относится с презрением к капиталистическому строю, она отрицает роскошь: предоставленные в ее распоряжение «королевские апартаменты» она рассматривает с холодной, неподкупной строгостью: «2 000 франков в неделю», – восклицает она – это семь ко-

ров для бедного русского народа». Она не улыбается, она жалеет женщин, носящих модные, смешные, «неженственные шляпы».

Очень хороша сцена ее знакомства с графом Данглю. Узнав, что она русская – он восклицает: «О, я обожаю русских... Борщ... И влюблен в вашу пятилетку, которая продолжается пятнадцать лет».

Пьеса идет под гомерический хохот зрителей. Она оригинальна, изобилует комическими сценками. Грета Гарбо, которая в течение одиннадцати лет была драматической артисткой, оказалась незаурядной комедийной артисткой. Её всегда хотелось видеть такой, какой она в драмах была только в счастливое время, до того, как героиню, которую она изображала, постигло горе. Счастливой она давала много забавной, почти детской, мимики, наивности, жизнерадостности. В «Ниночке» суровая советская девушка, неожиданно полюбившая, развертывается у Греты Гарбо в очаровательную, наивную, по-детски забавную женщину, которая так же, как и «Бульянов, Айранов и Копальский», поддается, по советской терминологии, «разложению»: в Москве их ожидает, если не расстрел за измену, то во всяком случае – «Сибирь».

Замечательна сцена в фешенебельном ресторане, когда выпившая в первый раз шампанское, Ниночка становится счастливой и, танцуя, обращается с речью к публике: «Товарищи, товарищи»...

Хороша также сцена по возвращении домой, когда она все-таки произносит эту речь: «Товарищи, мы устроим всемирную революцию... Только не сейчас... Зачем торопиться, товарищи... Я так счастлива».

С большим юмором и живостью проведена сцена в со-

ветском посольстве.

Чудесный майский парад в Москве... Показаны ноги марширующих, а затем – у каждого из марширующих – древко с портретом улыбающегося Сталина... Улыбающиеся портреты Сталина и Ленина и мрачные лица шагающих.

А затем неподражаема по всей своей реалистичности, простоте и юмору сценка в Москве, в комнате, которая является проходной в уборную, и в которой живет «всего только три женщины». К Ниночке приходят ее товарищи по парижской жизни, поют «О, Мари», вспоминают счастливое время... Но они живут в Москве и боятся шпионов. Как в Париже, они подходят к окну и смотрят на улицу: «Посмотри, какими счастливыми кажутся люди – говорит Айранов и добавляет: «отсюда».

МАРИЯ УСПЕНСКАЯ

2 декабря 1939 г.

Мария Успенская, в роли магарани⁹ в фильме «Пошли дожди», идущей в настоящее время по всей Америке (в Сан-Франциско в театре «Аптаун»), вызвали среди серьезных театральных критиков новые восторженные отзывы своей небольшой, но отчетливой, выразительной ролью. Это не кинозвезда, быстро и ярко вспыхивающая на небосклоне и так же быстро исчезающая во мрак. Это – актриса, в полном и лучшем смысле этого слова.

Мария Успенская – старая, некрасивая артистка Мо-

9. Магарани, Махарани – [санскр. maharājī от mahā – великий и rājī – королева]. В Индии: высший титул владетельной княгини; лицо, носящее этот титул. // Жена князя.

сковского Художественного театра, сейчас ценится у режиссеров сцены и кино выше, чем самые молодые и красивые артистки. В чем же успех ее в Америке, где такое большое количество артистов, собравшихся со всего света, которые на своей родине являются знаменитостями?

Может быть, только из-за возраста м-м Успенской ее имя не подхвачено еще широкой американской рекламой, но в театральных кругах ее отлично знают и ценят. В Америке она основала театральную студию в Нью-Йорке, ставшую знаменитой, сама играла на американской сцене, в том числе старую гордую баронессу в «Додсворге», и когда «Додсворг» стали ставить в Голливуде, как фильм, Успенскую выписали играть ту же роль, что и на сцене.

Роль ее была краткой, но настолько выразительной и сильной, что вот прошло уже несколько лет, а гордая баронесса, отказывающаяся принять Рут Чаттертон, как невесту сына, ярко осталась в памяти.

Другой, тоже короткой, но яркой ролью, была роль старой полубезумной графини Валевской, свекрови Марии Валевской, в картине «Завоевание»... Скучающий, бродящий в доме вечером, Наполеон натывается на графиню, которая сначала ворожит ему в карты и предсказывает несчастье, а потом отчитывает его за то, что он не умеет и не желает считаться со старой европейской аристократией и, в конце концов, замахивается на него палкой и кричит угрозы.

Третья роль – бабушки Шарля Буайе, француженки, живущей, кажется, на Мальте, которую Шарль Буайе вместе с Айрин Дени посещает в картине «Любовные дела»... Бабушка живет одна, молится в часовне, играет на рояле и безумно рада внуку и девушке, которые, как она сразу

М. Успенская

чувствует, любят друг друга... Это последнее свидание перед ее смертью, чудесная волнующая всех игра на рояле прелестной французской песенки, сама – трогательная, волнующая бабушка, – настолько хороши, что если бы этого свидания не было, или, если бы не было Марии Успенской, а была другая артистка, многое в этой, вообще прелестной, картине изменилось и не действовало так чарующе на зрителей.

А теперь – Успенская играет магараню, индуску в картине «Пошли дожди».

Только «звезды» имеют право знать содержание будущей картины, простые же актеры не посвящаются «в заговор». Им дают определенное задание, иногда и это хорошо, но в большем случае – суживает игру артиста, не дают ему простора, фантазии... Успенская, как артистка, считает это недостатком со стороны режиссера. Она не ограничивалась ролью. Она прочла самый роман Брумфильда, предположив, что киносценарий не будет значительно отличаться от замысла автора. Кроме того, она прочла все, что относится к жизни индусских женщин, она обратилась за советом к великой княгине Марии Павловне, как известно, прожившей некоторое время в Индии, расспросила ее, посетила индусов в Нью-Йорке, наблюдая и подражая индусским женщинам в походке, в манере носить одежду, за-

кидывать покрывало. В результате – она создала тип, который даже среди игры звезд не останется незамеченным...

В противовес многим кинозвездам, которые довольны тем, что играют роли одного и того же типа, Успенская, как настоящая русская артистка, играющая все роли, предпочитает разнообразие их. По поводу того, что некоторые из артистов, как Джин Локхарт, опытный артист сцены, игравший роль предателя в «Алжире», не любит коротких съемок в студии, потому что они прерывают настроение актера, Успенская говорит:

– Почему это тяжело для кого-нибудь играть две-три минуты? Если вы не сможете играть две-три минуты, как же вы можете играть 20 минут?

– Разве вам не нужно время, чтобы «настроить себя»?

– Что вы подразумеваете под этим? Игру или жизнь? На сцене мы должны, – как вам сказать? – настраивать себя каждый вечер, когда поднимают занавес. И если я, предположим, должна с первых же слов быть злой, тогда я должна быть злой каждый вечер в 8.45... Та же степень злости, тот же тон голоса, тот взгляд в лицо.

Свои слова о том, как должен играть настоящий артист, она претворяет в жизнь: свою знаменитую школу она перевела в Холливуд, где юные артисты, которых она готовит для сцены и экрана, должны заимствовать от нее все лучшее, что Успенская сама заимствовала от актеров русского театра...

Она, как бесчисленное множество русских актеров и актрис, продолжает творить русское искусство за границей...

«НИ ПИВА, НИ ПАРАДА»

23 декабря 1939 г.

Американские «Даубойс» в Архангельске в 1918 году. – Транспорты для Тропиков в Арктике. – Башмаки для хождения по горам Монголии. – «Зачем вы убиваете нас, а не идете домой?» – Отход союзных частей от обреченного Шенкурска. – Бесславное возвращение домой «без пива и парада».

Зиму 1918 года американские войска, состоявшие из 339 пехотного полка, 1-го батальона 310 инженерного полка, большей частью – уроженцы Мичигана, в общей сложности 4 500 солдат, проводили на далеком севере России – около Архангельска.

Здесь они находились с августа 1918 года, когда британское командование, рассчитывая, что присутствие союзного экспедиционного корпуса может воодушевить белых русских на интенсивную борьбу с большевиками и продолжить войну России против Германии, а главным образом – с целью установить правительство, которое выполнило военные долги русских, – прислало сюда этих американцев.

Высшее командование находилось в руках самих британцев, которые имели здесь небольшие силы, состоящие из артиллерийских частей и канадских инженерных войск. Франция, как третья союзница, не ожидая многого от этой экспедиции, ограничилась посылкой всего лишь артиллерийской батареи и нескольких рот 75 полка.

Американцам официально было известно, что они посланы в Архангельск «для охраны военных складов и за-

щиты порта от немецких субмарин». Но военные склады еще задолго до их прихода были захвачены коммунистами, а порт Архангельск был закрыт льдами почти на полгода, – с ноября по май в него не могло войти ни одно судно. Фактически американцам пришлось бороться со все растущими в этом районе силами армии.

Экспедиция американцев, прозванных «полярными медведями», была чрезвычайно неудачной, стоила многих жертв и влила много горечи в сердца американских «даубойс», которые должны были, по неизвестной им причине – воевать, когда уж во всем мире было заключено перемирие, и жить в этом заброшенном Богом крае – без славы и внимания, которых удостоились их товарищи, вовремя вернувшиеся домой.

Начались неудачи с самой перевозки. Транспорт, на которых они ехали в водах, кишящих немецкими субмаринами, были построены для торговых рейсов в тропики. Через четыре дня пути вспыхнула эпидемия инфлуэнцы, и прибытие в серый, безрадостный Архангельск ознаменовалось отправкой многих в госпитали и на кладбище.

По словам Дана Стил в журнале «Американский Легион», на севере России было сформировано русскими белыми «три или четыре нерегулярных полка, из которых был удовлетворителен и опытен только один, состоящий из бывших офицеров, служивших в нем из-за патриотизма и ради самозащиты».

Британцы основали особую часть, которая известна под названием «Славянско-Британского Союзного Легиона». Легион был одет в британскую форму, тренирован британскими сержантами и во главе имел британских же командиров. После того, как русский батальон взбунто-

вался и перебил командиров, Славянско-Британскому Легиону перестали доверять, и он был лишен активного участия в операциях.

Мысль о надлежащем обмундировании американцев в Арктике принадлежала клерку британского военного отдела, который почему-то решил, что северный край России должен походить на гористую поверхность Монголии.

Их башмаки имели подошву в полвершок толщины. Они не могли сгибаться. Через десять минут хождения по накатанному снегу, человек скользил в них, как на лыжах. Они не были ни теплы, ни удобны. И там, где начальство не было очень придирчивым, люди надели русские валенки.

Белье было хорошее, прочное, из австралийского материала, но сделано оно было при полном незнании человеческих размеров. Коньяк и «мадемуазели» – утешение союзных солдат во Франции, на севере России не существовали.

Вскоре после прибытия американских частей на север, они были размещены по деревням, окружавшим Архангельск. Затем пришел приказ удерживаться здесь и защищать эти деревни. С августа 1918 года по июнь 1919 года, в течение девяти месяцев, американские части вели здесь лишь оборонительную войну против красных, во много раз превосходящих их в количестве и вооружении артиллерийскими орудиями.

Продовольствие американцев состояло главным образом в консервах. Большею частью это было ирландское рагу из мяса и овощей. Если иногда поварам удавалось достать в деревне немного картофеля или горсть луку, обед превращался в пир. Для разнообразия приготавливали замороженных кроликов, совершивших на пароходах далекий

путь из Австралии. Но, пролежав на пароходе месяца два, кроличье мясо превращалось в ломтики замороженного дерева, ничем не отличаясь во вкусе и виде.

К 1 июня 1919 года американские части оставались на тех же позициях, что и 9 месяцев тому назад. Было затишье, так как большевики готовились к новому большому наступлению.

К этому времени случилось обстоятельство, которое заставило, наконец, американское правительство вспомнить о своих заброшенных «полярных медведях» и поторопиться с их отправкой домой. К тому же американское мнение, еще зимой, было возбуждено сообщениями на первых страницах газет о больших потерях среди «даубойс» в Шенкурске¹⁰, Кодише и Усть-Палейском.

Джордж Силдес, в своей книге «Свобода печати», со слов журналиста и солдата Джэй Хейден, описавшего этот инцидент, рассказывает о том, что повлияло на американское правительство обратить внимание на американские части в Архангельске и убрать их оттуда.

«Однажды американцы увидели русского с белым флагом, который просил пропустить его к ним. Ему разрешили это.

– Товарищи, – спросил большевик, – почему вы воюете с нами?

На некоторое мгновение солдаты оказались безмолвными. Что ему ответить? То, что «они защищают мировую демократию?» Но это звучало бы смешно здесь, в Арктике, в то время, когда мировая война уже была закончена.

– Товарищи, – продолжал агитатор, – вы не знаете, по-

---

10. Шенкурск — город в России, административный центр Шенкурского р-на Архангельской области.

чему вы воюете с нами... Мы не хотим воевать с вами. Мы хотим домой. И вы хотите. Разве нет? Так почему же вы еще здесь? Почему вы убиваете нас, почему стреляете в нас?

Они позволили ему уйти и смотрели вслед. А затем заговорили враз. Да, почему они сражаются? Никто не знал. Впрочем, они могут спросить об этом офицеров, – те знают все, что касается войны.

Они обратились к полковнику Стюарту, командующему 339-м пехотным полком. Он тоже был из Детройта, свой.

Полковник сначала растерялся, потом нашелся:

– Мы воюем потому, что будем уничтожены, если не станем воевать. Для меня это вполне ясно.

Но для них это оказалось недостаточным. Они верили больше «боло» – большевистскому агитатору, пришедшему к ним с этим вопросом. В самом деле, большевики, ведь, тоже хотели домой, они не хотели воевать с американцами, – зачем же это нужно самим американцам, вместо того, чтобы отправиться домой?!

Полковник Стюарт телеграфировал в Вашингтон, спрашивая – что делать с брожением в его частях, и почему они действительно воюют с красными, если официально у Соединенных Штатов не существует никакой войны с Россией? Ответить на это Вашингтон не смог, и вопрос остался без ответа. Поэтому-то журналист и солдат Джэй Хейден телеграфировал президенту Вильсону, полковнику Хаузеру, генералу Блисссу и другим, которые в это время были заняты мирными вопросами в Париже.

Тем временем большевистские солдаты, почувствовав это колебание среди американцев, продолжали задавать им вопросы: «Зачем вы воюете с нами, когда и вы и мы хо-

тим домой?» Американцев все более стала тяготить заброшенность в этом неприветливом, даже для менее избалованных людей, крае.

Однажды им было приказано погрузить военное снаряжение и припасы на грузовики, чтобы отправиться на фронт. Они отказались. Вместо этого, они покинули Шенкурск по направлению к Архангельску, чтобы отправиться домой на стоящих там судах.

Очевидец описывает картину их отхода от Шенкурска.

«Деревня погружена в арктическую ночь, черную и безмолвную, как лес. Но сверкают шрапнели, освещая постройки и дома и поджигая их. Среди ночи слышно веяние смерти. Темные улицы освещаются огнем, приводятся в жизнь, наполняются людьми...

В казармах люди, измученные усталостью и болями, спят, несмотря на мучения. В домах, вытянувшихся вдоль улиц, беспокойно дремлют старики, женщины и дети. В блокгаузах виднеются фигуры часовых. В госпиталях чадящие керосиновые лампы тускло освещают ряды коек, где стонут больные и раненые. В операционной комнате, залитой кровью, врачи кромсают человеческое тело и перевязывают раны.

А по дороге тянется от города колонна людей. Впереди беспокойно едут казаки на тяжело дышащих конях, идет малодисциплинированная, угрюмая русская пехота, мрачная канадская артиллерия, ветераны Фландрии¹¹ и Марины, затем санки со стонущими ранеными и в арьергарде прикрывающие всех американцы... А оставшийся Шенкурск беспомощно ждет трагического рассвета...

---

11. Фландрия — историческая область на северо-западе Европы (на территории современных Франции, Бельгии и Нидерландов).

Британские войска взбунтовались. Французские войска тоже взбунтовались. Среди русских белых, «которые предполагали воевать, произошло новое восстание: они уклонились от активных действий и тоже взбунтовались». И британский цензор под впечатлением этих трех бунтов, сообщил по всему свету, что «американские части тоже бунтуют».

В конце концов английский штаб на Двине отдал приказ о немедленной эвакуации всех союзных войск, находящихся в Архангельске.

Сначала американцы были сгруппированы в бараках Экономического Пункта, на север от Архангельска, а затем посажены на транспорты.

26 июня 1919 года их высадили в Бресте, отправили временно в Кэмп Понтанезен, а оттуда уж в Бостон, на родину.

Поезда прибывших «полярных медведей» с надписями на каждом вагоне: «Ни пива, ни парада», – довезли их в родной Детройт, где их встретило городское начальство, а затем – в Кэмп Кастер для демобилизации.

Америке уж надоело встречать прибывающих солдат с фронта: она делала это два года подряд. На улицах их не встречали толпы народа, они не проходили парадом, и детройцы не тащили их восторженно угощать пивом. К тому же было чрезвычайно жарко.

«СВЯТАЯ НОЧЬ, ТИХАЯ НОЧЬ»

28 декабря 1939 г.

В течение многих веков Рождество праздновалось всегда под музыку. И также в течение многих веков великие композиторы мира пробовали передать дух самого праздника в своих великолепных произведениях: Гендель – в «Мессии», Бах – в «Рождественской оратории», Корелли – в «Рождественском концерте».

Но наиболее знаменитую, наиболее популярную в течение ста с лишком лет оказалась не монументальная оратория, не торжественный концерт, а песня величайшей простоты, песня, без которой праздник Рождества, особенно в Англии и Америке, кажется неполным.

Эта песня – «Святая ночь, тихая ночь» – стала такой же необходимой для праздника, как остролистник или елка, покрытая серебром в виде снега. Где бы Рождество не праздновалось, оно чувствуется и воспринимается сильнее, если при этом поют трогательный и мелодичный рождественский гимн...

Несмотря на широкую славу «Святой ночи», вряд ли найдется несколько человек, которые могли бы сказать, кому принадлежит композиция ее. Многие уверены, что она является народной песней, что ее сочинило целое поколение людей.

«Святая ночь» была написана на самом деле школьным учителем, органистом в Австрии, который умер таким же неизвестным миру, каким и родился. Это был Франц Ксавер Грубер¹² сын ткача, родившийся в 1796 году в очень

12. Франц Ксавьер Грубер – австрийский учитель начальной школы и церковный органист.

бедной хижине в Унтервейцберге, деревушке около Хокберга, в Верхней Австрии.

Музыкальные способности Грубера проявились в ранней молодости, но отец и слышать не хотел, чтобы дать сыну какое-либо музыкальное образование и предоставить его музыкальной карьере. Он сам был ткач, и все мужчины в их роду всегда были ткачами, и сын поэтому должен быть таким же ткачом.

Мальчиком Грубер днем сидел за ткацким станком, а ночью украдкой исчезал из дома и шел к школьному учителю Андреасу Петерлехнеру, который тайно учил его читать и писать, а также давал ему элементарные уроки на органе.

Однажды учитель Петерлехнер очень сильно заболел. Так как в его обязанности включалась и игра на органе в церкви, болезнь его означала прежде всего то, что за обедней не будет музыки. Франц Грубер, которому было только 12 лет, сел за орган и стал играть в течение целой службы на память. Это обстоятельство произвело сильнейшее впе-

чатление на односельчан, в глазах которых Грубер явился настоящим героем.

Теперь отцу Грубера уже не оставалось ничего, как сдаться. Он купил старое пианино и позволил сыну учиться.

В течение двух лет мальчик продолжал учиться музыке, а затем, с 1805 по 1807 год, был органистом Бургхаузена, находившегося недалеко от его дома. В то же время он учился и на школьного учителя. Получив аттестат на звание учителя, он был назначен в школу при Арнсдорфе, около границы Баварии.

В 1816 году Франц Грубер был назначен учителем и органистом в Оберндорфе. Там он стал большим другом священника прихода Йозефа Мохра¹³, который свободные часы от занятий посвящал писанию стихов. Незадолго до Рождества 1818 года, Йозеф Мохр написал Рождественские стихи, которые он сочинил для праздника и попросил своего друга – музыканта написать мелодию, чтобы они могли исполнить ее на Рождестве. Франц Грубер написал мелодию меньше, чем в час, сразу, не переделывая, – мелодия сама просилась на бумагу, – и в дальнейшем он не переделывал ни одной ноты.

На прихожан эта песня произвела огромное впечатление. Но вряд ли они сознавали, что являются свидетелями рождения одной из самых прославленных мелодий, что эту мелодию будут знать вокруг света – и дети и взрослые.

Песня распространилась по свету, независимо от самого Грубера. Строитель органа слышал песню в Оберндорфе и был так поражен красотой ее, что запомнил наизусть.

---

13. Йозеф Мор – младший священник церкви Св. Николая в Оберндорфе. Йозеф Мохр – так фамилия указана у Баженовой.

Франц Грубер

Он занес ее в соседние города и деревни, исполняя на церковных органах. В одном из городов четыре сестры Штрассер – все концертные артистки, – услышали песню и так она понравилась им, что они включили ее в свой репертуар. Сестры Штрассер распространили песню по городам и селам, и где бы то они не пели ее, песня вызывала восторг среди слушателей. Затем песня распростра-

нилась по Германии, за нею – и по остальной части Европы. В 1850 году Рождество справляли уже по всей Европе под пение «Святой ночи».

Но кто был автором этой песни, никто не знал. Одни говорили, что песню пели в горах Австрии уже целые столетия. Другие предполагали, что она была написана выдающимся зальцбургским композитором Михаэлем Хайдном¹⁴, братом всемирно известного Иосифа Гайдна. В 1854 году группа музыкантов при королевском дворе в Германии написала в Зальцбург в монастырь св. Петра, прося отыскать документы, объясняющие происхождение Рождественского гимна. Однако монахи св. Петра ответили, что таких документов у них не имеется, и что они сами терялись в догадках, пока совершенно случайно один мальчик в хоре не сказал, что его отец, Франц Ксавер Грубер сочинил эту музыку, что он еще жив и мог бы удостоверить

14. Иоганн Михаэль Гайдн – австрийский композитор и органист. Михаэль Хайдн – так фамилия указана у Баженовой

правдивость его слов.

Когда все узнали, кто был автором, вокруг имени Грубера народная фантазия сплела несколько красивых легенд. Одна из них говорила о том, что песню эту Грубер услышал во сне, как Божие откровение, чтобы поведать миру одно из самых христианских песнопений, которое когда-либо существовало на земле.

И все-таки, несмотря на то, что автора песни уже знали в 1854 году, он остался навсегда никому неизвестным человеком. Он умер в страшной бедности в 1862 году... Но каждый год в Рождество люди исполняют его песнь, и в какой бы обстановке она ни находилась, она навевает желанное, тихое и торжественное рождественское настроение.

Т.Б.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ И О РУССКИХ В США (Беседа с профессором М.П. Головачевым)

2 февраля 1940 г.

На днях в Сан-Франциско вернулся с Восточного побережья проф. М.П. Головачев¹⁵.

---

15. М.П. Головачев (1893 – ?) – сибирский автономист. Преподавал в Томском университете международное право. Приват-доцент, министр Иностранных Дел Временного Сибирского правительства. По данным Гинса, при вступлении его в ВСП он был случайной фигурой в правительстве и единственным из министров «не имел никакой репутации».

Четыре месяца тому назад он останавливался на короткое время в Сан-Франциско, сделал в аудитории Скорбищенского собора доклад о жизни и положении русской эмиграции в Шанхае.

Затем он выехал в Нью-Йорк, Вашингтон и другие города восточных штатов, пробыв там всего три с половиной месяца. На днях он собирается в Лос-Анджелес, и вернуться затем в Сан-Франциско, а в середине февраля уехать обратно в Шанхай, где он работает и где у него проживает семья.

Поездка проф. Головачева на восточное побережье, по его словам, носила деловой, отнюдь не политический характер. И все его выступления по международным вопросам носили случайный характер. Чаще всего его просили поделиться своими сведениями о жизни русских в Шанхае или по вопросу о происходящих в Европе и России событиях уже во время собраний или после сообщений других лиц.

– Будучи в Нью-Йорке, – сказал проф. Головачев, – я дал несколько интервью для русской прессы, и это послужило предлогом для коммунистической газеты «Русский Голос» напасть на меня за то, что я отметил очень важное обстоятельство, а именно: что войну с коммунизмом на Дальнем Востоке ведет только Япония.

Одной из главных целей поездки в эти штаты было желание ближе ознакомиться с системой образования в Америке. Это я сделал по просьбе шанхайского муниципалитета, посетив несколько американских учебных заведений и встретившись с профессорами Стэнфордского, Харвардского и других университетов, в том числе и с бывшим президентом Гербертом Хувером. Хотя я не совсем выполнил

эту задачу, но тем не менее довольно хорошо ознакомился с основным положением.

По мнению проф. Головачева, система американского образования тесно связана с развитием национального духа Америки и ростом ее государственных учреждений.

– Однако, – говорит он, – к ней (?) может быть применимо к другим государствам. Замечательнее же всего кажется система общедоступного обучения на первых ступенях. Удобно, практично и легко.

Другой, уже личной, целью было желание издать мою большую работу, касающуюся международного положения за последние двадцать лет, в связи с событиями в Сибири и на Дальнем Востоке.

Теперь уже можно окончательно сказать, что вопрос решен в положительном смысле, и работа эта появится в Америке на английском языке в одном большом и серьезном издательстве. Другие мои работы, которые я намеревался издать также, придется отложить до окончания войны.

За время своего пребывания на Восточном побережье проф. М.П. Головачеву пришлось много встречаться с русскими, особенно в Нью-Йорке.

– Мое впечатление о русских в Америке самое прекрасное, – говорит он, – я нахожу, что русские здесь дружны и у них нет озлобленного настроения, которое является свидетельством жизненных неудач.

В Нью-Йорке русская колония делится на две неравные части – старую колонию, многочисленную, но разбросанную и больше вросшую деловыми корнями в американскую почву, и белую эмиграцию – немногочисленную, но очень интересную как по составу, так и по настроениям.

Политически она очень активна, быстро реагирует на события. Показателен хотя бы митинг, устроенный «Русско-Американским Комитетом по борьбе с коммунизмом» 21 января под почетным покровительством архиепископа Виталия и под председательством И.И. Сикорского. Митинг был очень многолюдным и имел большое значение. Это можно было судить хотя бы по тому, что самая большая и распространенная в Америке газета «Таймс» поместила огромный отчет об этом митинге. Митинг был на тему «Отмежевание русской эмиграции от советской России по вопросу о нападении последнего на Финляндию». В митинге принимали участие не только русские, но и американцы и финны. Присутствовало более полутора тысяч человек.

По мнению проф. Головачева, общественность в Нью-Йорке еще не дошла до объединения, но значительные группы связаны внутренней работой, и до слияния во всяком случае не так уж далеко.

Нью-йоркская русская общественность проявляет очень большой интерес к Западному побережью – к русским колониям Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и Сиэтла. Масса расспросов свидетельствовала об этом интересе к нашим колониям. По общему впечатлению, наши колонии не только интересуют, но и очень высоко расцениваются нью-йоркцами.

Отвечая на вопрос о событиях, происходивших в Европе и на Дальнем Востоке, профессор напомнил о своем предсказании, сделанном им перед поездкой в Нью-Йорк в «Новой Заре», что СССР будет вынужден вмешаться в войну.

– В отношении СССР я должен сказать, – заметил про-

фессор, – что чем бы война с Финляндией не кончилась для него, – его военные действия не прекратятся. Ему придется воевать дальше. Он втянут во «второй тур империалистических войн», – по советскому выражению. «Первым туром империалистических войн» в СССР называют войну 1914 года. Для Советской России настоящий период является самым тяжелым. Если рассматривать коммунистические неудачи в Финляндии глазами мистически настроенного человека, то в них можно увидеть вмешательство (?). Большевики пришли к власти путем уничтожения русского офицерства; теперь же они сами терпят поражение вследствие уничтожения красного офицерского состава, выдвинутого большевиками из их же среды после революции.

Что касается Тихого океана, то на нем, по всей вероятности, будет все тихо. Перерыв торгового договора между Японией и Америкой напрасно приводит некоторых к пессимистическим выводам. Ни для Японии, ни для США прекращение торговых отношений не может рисоваться желательным.

Во-первых, потому, что торговля с Японией занимает слишком много места во внешнем торговом балансе Америки, чтобы последняя легко могла пожертвовать ею ради сравнительно небольшого количества интересов в других странах.

А во-вторых, надо иметь в виду, что когда было объявлено о прекращении торговых отношений, европейской войны не было, и особенно, что СССР не участвовал тогда в войне. То, что он вмешался в вооруженный конфликт, изменило сразу экономическую и политическую мировую обстановку.

– Я предвижу, – говорит проф. Головачев, – в скором

времени реальный путь, на который пойдут Япония и Соединенные Штаты в желании урегулировать свои отношения друг с другом.

ПРАЗДНИК РАЗВЕДЧИКОВ

5 марта 1940 г.

Детская программа вечера организации Русских Разведчиков, начавшаяся в 6 ч. вечера в минувшую субботу, была необычной и чрезвычайно интересной для тех, кто посещал лагерь разведчиков в прошлое лето, и для тех, кто о лагере не имел никакого понятия.

На утре-празднике присутствовали: митрополит Феофил, князь Василий Александрович, княгиня Наталия Александровна, о. Григорий Шутак и позднее о. Недаельницкий. На вечернюю программу прибыли из Джорданпарка его владельцы: Т.С. и М.В. Фалины и М.В. и В.М. Густавсон, как почетные гости Разведчиков.

Роль конферансье, объявлявшего программу утра,

церемонию поднятия и спуска флага, исполнил разведчик Евгений Арсеньев.

Открывшаяся сцена представляла собою густой хвойный лес, палатки разведчиков, утреннюю церемонию поднятия флагов и выстроившихся разведчи-

ков... Их было 25, – 18 мальчиков под командою Т.М. Саватеева и 5 девочек под командой Е.И. Кропоткиной.

У русского флага стоял Алеша Ефимов, у американского – Женя Бедрин.

Марина Лацгальд, как старшая из девочек, выступив вперед, прочла по-английски слова «Обещания верности разведчика Соединенным Штатам», а взводный Игорь Арсеньев прочел по-русски «Правила разведчика».

Затем все разведчики спели «Преображенский марш» и под него удалились со сцены. Остались только мальчики, проделавшие гимнастические номера и составившие красивую пирамиду.

После этого были показаны номера фехтования. В фехтовальных костюмах, со шпагами, вышли в первой паре братья Евгений и Игорь Арсеньевы, а во второй – Владимир Муромский и Юрий Глюк... Для присутствующих это было совсем необычным зрелищем, которому шумно и весело аплодировал весь зал.

За номерами фехтования все дети пропели популярную песню разведчиков «Взвейтесь, соколы, орлами».

А затем был представлен отрывок из «Бежина Луга». На сцене был изображён костер, у которого пять мальчиков, уходивших в «ночное», т.е. пасти ночью лошадей в поле, варят картошку и разговаривают. Глеб Старичков изображал Павлушу. Олег Попков – Костю, Дима Дутов – Ильюшу, Тони Ильвицкий – Федю... Спавшим почти все время мальчиком был Дикки Ильин...

Сцена эта была очень просто, естественно и хорошо передана маленькими артистами. В их передаче совсем не чувствовалось ни неловкости, ни натянутости, ни волнения, ни чуточки фальши... Олег Попков, прочитавший

свой длинный рассказ с большой чистотой и хорошей дикцией, был бы еще более хорош, если бы не торопился. Глеб Старичков, Дима Дутов, Тони Ильвицкий и Дикки Ильин не торопились, играли с большой искренностью, были одеты в рубашки и лапти и по-настоящему были увлечены картошкой...

Постановка Ю. Братова оказалась блестящей, и было только жаль, что она оказалась короткой. Это лишний раз подтверждает необходимость обучения детей сценическому искусству, открывает еще никем не завоеванное поле деятельности.

В последнем отделении детской программы была представлена сцена «У костра». В середине группы разведчиков находился и старший их инструктор В.И. Прищепенко, который предложил спеть популярную песню разведчиков «Картошка». Потом дети вызвались – кто декламировать, кто танцевать...

Лёлей Пономаревой и Юрием Зоновым была мило разыграна пьеска: у Лёли заболел Мишка, и она позвала доктора вылечить его. Уморительный доктор – в шляпе и очках – наскзал ей массу всяких ужасов о том, что её Мишка болен чумой, холерой, воспалением лёгких и дифтеритом... Ю. Зонов, всегда очень своеобразный непосредственный, в паре с прелестной Лёлей Пономарёвой, доставил публике много веселья и удовольствия.

Не менее прелестен был дуэт Марины Прищепенко с Игорем Арсеньевым, протанцевавшими русский танец в живописных, красочных, ярких костюмах. Публика от души им хлопала.

Много смеха вызвал Т. Ильвицкий декламацией комического стихотворения, кажется, Агинецева, «Дама и ба-

гаж». Свою последнюю фразу он прочитал с удивительным и неподражаемым комизмом.

Виталий Ванц выступал с патриотическим стихотворением о России с большой серьезностью и пафосом, приличествующим такому стихотворению.

А затем разведчики загадывали шарады, пели «Журавли» с сочиненными ими же куплетами, в которых изображалась их жизнь, и они сами, запечатленные на многие годы в этих четырех безыскусственных строчках.

– Знаете, – сказала девочка, сидевшая впереди и бывшая в лагере в прошлом году, – одна девочка упала, а другая, Леночка, взяла и сказала: «Разведчик никогда не падает... духом».

– А ты хочешь в лагерь летом?

– Я очень хочу, очень, – сказала она с какой-то тоской.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ С ПЛАТОВЦЕМ М.С. МЯГКОВЫМ¹⁶

4 апреля 1940 г.

Отпевание тела скончавшегося в воскресенье певца и танцора Платовского хора Михаила Степановича Мягкова в Троицком соборе вчера было совершено митрополитом Феофилом с причтом собора очень торжественно.

Тело покойного, одетого в синюю казачью форму, лежало в сером гробу, покрытом цветами, среди которых на-

---

16. Платовский хор – казачий хор имени атамана М.И. Платова существует от 1927 г.; он создан в Праге эмигрантом Н.Ф. Кострюковым. Преодолеть первые трудности в музыкальном оформлении помогал герцог Н.Н. Лейхтенбергский. Хор составили знатоки казачьих народных песен.

Казачий хор в эмиграции Платовцы

ходила его синяя казачья фуражка с красным околышем. Лицо без бороды, с черными кругами под глазами. Но казалось, что он просто спит, и вот-вот поднимет ресницы и оживет. В гробу – розы. На крышке гроба белые гардении в виде сердца с красными гвоздиками наверху и трехцветной лентой с надписью: «Родному, любимому Мише от Н.Ф. Кострюкова».

Большой белый красивый крест от товарищей по хору с гордениями и розовыми гвоздиками и лентой с надписью: «Дорогому другу Мише последнее прости от платовцев», стоял впереди гроба перед алтарем.

Большой венок из розово-желтых гладиолусов с лиловыми левкоями был возложен от казаков различных войск, проживающих в Сан-Франциско, с надписью на ленте: «Мише Мягкову от казаков».

В виде национального русского флага – подушки был венок от семьи Мамонтовых с надписью на ленте: «Дорогому Мише от мамы, Клары, Люси и Маши».

Плоский венок из разных цветов был с надписью на ленте: «Дорогому Мише от Бельских, Деминых и Шило-вых».

Красные розы букетом – от г-жи В. Алковер.

Плоский венок из цветов, составляющих националь-ные цвета, возложен от Русского Центра. От О.В. Стадник – цветы с лентой цветов Кубанского войска, к каковому принадлежал покойный.

Казаками Сиб. каз. войска были собраны 13 д. 50 ц. для «Русского Ребенка» в память М.С. Мягкова.

Точно также члены О-ва Ветеранов собрали некото-рую сумму, вместо венка, в фонд Инвалидов, которая бу-дет передана в память покойного одному из нуждающихся кубанских казаков за границей.

Много отдельных цветов – лилий, сирени, роз, ирисов. Во время литургии Преждеосвященных Даров, служив-шим ее о. Виктором Неджелънацким, было сказано теплое, прочувствованное слово, посвященное покойному.

Начал его известным погребальным стихом «Житей-ское море, воздвигаемое зря напастей бурей», о. Виктор сравнил русских эмигрантов с осколками драгоценного сосуда, разбитого этою бурей, разбросанными по всему свету. Одним из этих осколков оставался и Миша Мягков, который среди нас, других осколков, нашел любовь и ла-ску, уходя в другой мир.

О. Виктор остановился затем на личности покойного, с которым он много беседовал, на его кротком, терпеливом характере, на его безграничной любви к России.

Перед отпеванием тела владыка митрополит тоже об-ратился со словом к присутствующим, в теплых и взвол-нованных словах отметив прекрасные душевные качества

скончавшегося и любовь к нему со стороны всех, кто его близко знал: его товарищей-платовцев и его главы Н.Ф. Кострюкова, и находящихся здесь — семьи Мамонтовых и К.М. Яковлевой, принимавших такое близкое участие в нем и старавшихся скрасить оставшуюся ему жизнь.

– Вы видите, – сказал владыка, какой исключительной заботой и любовью окружили последние дни этого одинокого человека сами платовцы и те, кто находится здесь, вы видите, какое большое значение имели для него единение, любовь и дружба.

Трогательно и задушевно пел хор под управлением регента В.В. Рябкова.

При последнем прощании с покойным многие искренно и горячо плакали.

Почти все помнили Мишу еще год тому назад весело танцующим на сцене, здоровым, с блестящими веселыми глазами, потом перед операцией – похудевшим, с желтым больным лицом, слабым, едва передвигающимся с помощью трости... Многие видели его в госпитале после операции, уже теряющим, по временам сознание, в полубреду... Он уже угасал, дни его были сочтены, но он верил, что поправляется, страшно хотел жить и мечтал ехать в Мексику, чтобы присоединиться к находящемуся там хору.

Это желание усиливалось еще и тем, что при получении известия о благополучно прошедшей операции, Н.Ф. Кострюков послал ему телеграмму: «Присоединись к нам на границе Мексики».

Воспоминание о нем, о его сиротском детстве, о всей его недолгой, полной испытаний, жизни, о том, что он осознавал свою обреченность и терпеливо и кротко жил в сознании её столько месяцев, – заставляло присутствующую

щих на похоронах еще больше переживать горечь утраты человека, которого все ласково звали просто Мишей.

Погребен М.С. Мягков был на Сербском кладбище, с правой стороны от входа, недалеко от могилы тоже недавно скончавшегося В.В. Маргойта.

РОМАН С КИРГИЗОМ

Отрывки воспоминаний об омской эпопее.

28 апреля 1940 г.

1.

Я впервые заметила его в омском саду «Аквариум» на гулянье, устроенном в пользу белых армий генеральшами Ивановой-Риновой¹⁷ и Гришиной-Алмазовой¹⁸, вскоре же

---

17. Н.А. Иванова-Ринова – жена генерал-лейтенанта П.П. Иванова-Ринова (1869-1925?) – одного из лидеров Белого движения на Восточном фронте. С июня 1918 командовал Степным стрелковым корпусом, войсковой атаман Сибирского казачьего войска. Командовал Сибирской армией, управлял военным министерством Временного Сибирского правительства до ноября 1918 года. С декабря 1918 по май 1919 гг. – командующий войсками Дальнего Востока, командующий войсками Приамурского ВО. С июля 1919 командовал Отдельным Сибирским казачьим корпусом, помощник командующего 3-й армией, помощник главнокомандующего Восточным фронтом. С июля 1921 года – начштаба казачьих войск Сибири и Урала. В Китае с 1922 г. сотрудничал с советским агентом Гуциным, осенью 1925 разоблачен полковником Г.В. Енборисовым, после чего бежал в СССР. Войсковым правительством в Зарубежье и представителями Сибирского казачьего войска лишен звания войскового атамана.

18. М.А. Гришина, урождённая Захарова – жена лидера Белого движения, генерала Гришина-Алмазова. Уезжая на Юг России, А.Н. Гришин-Алмазов

после июньского восстания 1918 год против большевиков.

По узким пыльным аллеям толпились пары гуляющих. На большой веранде ресторана, залитой электрическим светом, шумели, звенели посудой, смеялись и подпевали духовому оркестру, игравшему попури из «Сильвы» в огромном зале на берегу Оми. А в длинной палатке, окруженные молодыми адъютантами и представительными военными, распорядились гуляньем обе генеральши, жены героев белого восстания.

Двигаясь среди толпы, я сначала порядком скучала с соседкой, Верой Васильевной, пока меня не увидели наши казачки Козловы:

– Таечка, Таечка, как не стыдно? – своя, казачка, и не помогает?..

Через минуту я была уже в палатке, и Надежда Агафоновна Иванова-Ринова, знавшая маму еще с детства, вручила мне рулоны серпантина и мешочки с конфетти. Я знала, что нужно делать – еще будучи в гимназии, я уже дважды принимала участие в сборе «Белой ромашки», и делала это неплохо, – живо, весело, находя какие-то, вдруг пришедшие, вдохновенные слова для уговора купить и пожертвовать.

И тут сразу же опьянела от залившего меня радостно-
оставил жену в Омске. Она стала ближайшей подругой А.В. Тимиревой — возлюбленной А.В. Колчака, организовала в своей квартире аристократический салон, который посещали высшие слои омского общества тех дней, включая самого А.В. Колчака. Отступая из Омска в одном поезде с Верховным правителем, в январе 1920 года Мария Александровна была арестована. В Иркутской городской тюрьме находилась в том же отделении, что и А.В. Колчак и А.В. Тимирева, став свидетельницей последних дней жизни бывшего Верховного правителя. В мае 1920 года над бывшими министрами и высокопоставленными чиновниками Российского правительства советская власть устроила суд. Мария Александровна единственная из 23 обвиняемых была оправдана. После освобождения эмигрировала в Китай, где написала записки о последних днях жизни А.В. Колчака, изданные в феврале 1921 года в Харбинской русской газете «Русский голос».

г. Омск. Сад «Аквариум». Архив Н. Белова

го возбуждения.

– Хотите серпантин, – вот этот – говорила я какому-то безмолвному невысокому человеку; он был весь коричневым: лицо, костюм, фуражка, краги, стек, – все было коричневое, и я приняла его за японца:

– Ведь желтый – цвет вашей родины, правда?

Он безжеланно покупал серпантин, и в руках у него были еще мешочки с конфетти, которые я же ему продала до этого.

Но меня пригласили танцевать, и я забыла свой конфуз с японцем.

Больше уже не было ни серпантин, ни конфетти, мы с Ольгой Козловой только разошлись, и Надежда Агафонова протянула букет со стола:

– Ну, походи, продавай цветы.

Вера Васильевна давно ушла домой, взяв с Козловых

слово, что меня проводят. На веранде ресторана молодой, совсем охмелевший купчик пел, на нашу просьбу купить цветов:

Все отдам, не пожалею,
Буйну голову отдам –
Для белой армии...

– Да ничего и не надо, – утешала его Ольга, пересмеиваясь с соседями за столиком, – только купите эту розу...

– Пожалуйста, не продавайте эту гвоздичку, барышня, – просил элегантный офицер, пытаюсь приколоть мне цветок к блузке, – это от меня на память...

Но нам было уже все равно, – только отошли, откололи свои цветы и снова пустили их в продажу, смеясь тому, как весело и как легко в этот вечер собирать эти деньги...

А с того вечера мне уже не было покоя. Коричневый человечек, оказавшийся при дальнейшем рассмотрении, киргизом, а не японцем, стал попадаться всюду. Он нарочно выбирал часы и улицы, по которым я ходила. Если я шла одна, он следовал за мной, старые проломанные тротуары у низеньких домиков в Казачьем, скрипели от его шагов, и я с тоской искала дом, где могла бы спрятаться.

Если я заходила вечером в библиотеку, – он был уже там, вежливо открывал мне дверь, но заговорить не решался... В глазах его было напряженное, мучительное выражение, и я наполнялась, как всегда, когда мне хотелось отделаться от человека, холодом.

2

Омск жил большой, интенсивной жизнью. Формиро-

вались полки и отряды, и одним из первых ушел партизанский отряд атамана Ивана Красильникова. Молодежь с бело-зелеными ленточками вместо кокард, заходила проститься перед отъездом на фронт. По улицам в иностранных формах стали попадаться славяне из пленных. С пением песен или оркестрами шли войсковые части... Китайцы с арбузами и подсолнухами сидели у моста, торговки продавали синие астры... Проходила похоронная процессия в черном, оркестр играл похоронный марш.

Чехи были героями дня, – подтянутые, веселые, любезные. С ними охотно знакомились, приглашали в дома, и только старики неодобрительно покачивали головами и отплевывались, поглядывая на это увлечение чехами.

В то время я работала в Казачьей Войсковой Управе «писарем» в Ветеринарном отделе, вносила «входящие и исходящие» в книгу, дежурила с барышнями, такими же писарями и машинистками, как я, у телефона, а между всем этим писала стихи, печатала их в «Вечерней Заре» и «России», получала гонорары в сотнях рублей, превышавших мое месячное жалованье, и с «писарем» Марусей Нестеровой пила шоколад в кофейной Зока. А по вечерам у нас или у Лариссы, подруги сестры, жившей в нижнем этаже, собирались чехи, ходили в кинематограф на «Обожженные крылья»¹⁹ с Верой Каралли и «Наташу Ростову». Капитан Магиска, которому нравилась живая и бойкая, как угорь, Лора, учил меня петь дуэтом «Глядя на луч пурпурного заката», но был ко мне равнодушен, и это меня бесило.

А в это время другой чех, Готарек, с блуждающей немецкой пулей внутри, писал мне из Челябинска, куда он был

---

19. «Обожженные крылья». Фильм 1915 г. В главной роли Вера Каралли (1889-1972). Режиссер Е. Бауэр, сценарий Ю. Слэзкин, продюсер А. Ханжонков, оператор Б. Завелев. В ролях: Осип Рунич, Витольд Полонский.

отправлен с санитарным поездом: «Я хочу умирать у твоих ног». В письмах была просьба не забывать, он «ридал за мной», он просил быть его «зелкой», чтобы увезти в Чехию, где я стала бы

г. Омск. Войсковая библиотека

«домовить». Все это было и страшно, и весело, и безразлично, когда он вызвал меня телеграммой на вокзал, проезжая через Омск на операцию в Томск, мне было все равно. Я была влюблена только в одного есаула Смирнова.

3

Зимой поэт Валерий Иоильевич Язвицкий, поставивший неудачную пьесу в Коммерческом собрании, увел меня как-то с женой и папой на сербскую вечеринку, которую устраивал Славянский Союз. Пока правление из председателя Союза чешского майора Кошека, Язвицкого, Булеева, папы, пана Палека, карпаторусского доктора философии Капыстьянского и сербского инженера Иеремича заседало в учительской комнате гимназии Хвориновой, в комнатах, служивших классами, сербские офицеры, взявшись за руки, танцевали и пели «коло», увлекая в хоровод барышень. Между танцами сербский врач подвел ко мне «поручника» Протича: «Самый красивый офицер в нашем полку». Он был поэтом, писал стихи в газете «Югословенское Уединенье(?)» и был похож на сербского королевича

Александра. Особенно красиво было сочетание его бледного лица с черными глазами, с малиновыми бархатными петлицами воротника. Он сразу сказал мне: «Вы не похожи на сибирячек; вы – как наши сербские девушки, – такая же веселая и живая... Поедьте с нами в Сербию. Там уже цветут мимозы, а у вас – морозы». После этого вечера я купила карточку королевича Александра и написала стихи о «Королевиче из Гофманской сказки». Но телефонные разговоры с «королевичем» и встречи в Славянском Союзе кончились после того, как «королевич», сидя со мной на докладе инженера Иеремича о Сербии, сильно простуженный, сопел и хлюпал носом. Кроме того, я мысленно сравнивала его огромную ногу с моей и чувствовала, как моя влюбленность к нему исчезает без следа.

4

В зимний синий вечер, когда падал снег, и весь Омск, казалось, был покрыт снежным саваном, – омичи встречали первых французов. От них тоже страстно ждали какого-то спасения, уверенности в крепости положения, и были им благодарны заранее. Несколько часов на площади перед Железнодорожным управлением около Ветки кадеты Омского корпуса, выстроенные черными шпалерами, зябко переминались с ноги на ногу. За ними стояли горожане и ждали... Затем из вагонов вышли весело улыбавшиеся французские солдаты в беретах и офицеры в кепи, державшие стэки под мышкой, и строем прошли дальше в город по Атаманской.

Однажды Маруся, мило вспыхивая румянцем веселья, сказала мне:

– Таечка, что я вам скажу!.. Только не испугайтесь, не упадите в обморок!.. В вас влюбился один человек, не спит, не ест, видит только вас одну, жаждет с вами познакомиться и на вас жениться.

– Да ну?.. Кто же это, Маруся?

– Нет, нет, боюсь, что упадете в обморок!

Мы шли с ней по широкой лестнице Управы.

– Вы знаете, мой брат, техник...

– Он?...

– Да нет!.. Но к нему пришел и стал просить с нами познакомиться... Угадайте кто?

– Ну, почему я знаю?..

– Балтабек... Она передохнула и сказала с комической важностью, – Балтабек Ахметович Абдурахманов...

– Кто???

– Да этот самый, что вас преследует...

– Киргиз?!!

Тут уж я не могла идти дальше... Упала на ступеньки от хохота...

Я привыкла, чтобы за мной ухаживали, чтобы обращали внимание, даже были настойчивы, – но эта влюбленность, нелепая, не нужная мне, влюбленность... Я не знала – плакать ли мне, или хохотать... Скорее всего, – было очень весело, и мы обе, сидя на ступеньках, не могли отдохнуть от хохота, к великому удовольствию швейцара, выглядывавшего с улыбкой из темноты передней.

– Да, подождите, Таечка, – он не простой киргиз. Он

велел вам передать, что его отец ходил в Мекку, имеет чалму на голове, что у него большие стада баранов и два дома в Семипалатинске, что он кончил реальное училище, служит теперь делопроизводителем в Городской управе, получает 200 рублей в месяц, а по воскресеньям пьет чай у поэтессы графини Нины Подгоричани и болтает с ней по-турецки.

6

Весна 1919 года была пестрым, шумным, быстролетящим калейдоскопом... Я помню, что ходила на вечер поэта-футуриста Давида Бурлюка, дерзко издевавшегося над публикой, над выступавшим вместе с ним в программе «непризнанным» писателем Антоном Сорокиным, над каким-то батюшкой, неумело вступившимся за русскую поэзию... Помню, что была на вечере, устроенном Бюро Печати, на котором танцевали и пели одетые в шотландские юбочки англичане из Йоркширского полка... По просьбе сибиряков-областников, профессоров Головачева и Новосильцева, написала стихотворение, посвященное памяти Ядринцева, с которым выступала в день юбилея в Географическом музее, начав дрожащим от волнения голосом:

Ты видишь, Ядринцев, сбылись твои желанья...

Ходила вместе с поэтом Алексеем Ачаиром в гости к поэту Георгию Вяткину, где читала свои стихи, ела вкусные помадки от Зона, любимые Вяткиным, который нежно звал свою жену «Капелькой», – ее звали Капитолиной. Ходила на поклонение к другому знаменитому сибиряку, ослепшему, уже безразличному ко всему, Григорию Нико-

лаевичу Потанину.

А потом с моей верной спутницей по сборам Татьяной, упорно называвшей меня на «вы», собирала целый день солдатам на теплые вещи на мосту через Омь, а вечером продолжала сбор в Городском театре, где с цветами обходила ложи, занятые французами и японцами, ничего не понимавшими в «Женитьбе» Гоголя.

Затем был сбор на мобилизованных казаков.

Целых три дня стояли мы на мосту, где движение всегда бывало замедленным, где я предлагала прохожим газету «Клич Казака», затем подзывала Татьяну с кружкой и, завидя других, спешила снова к ним. К женщинам мы подходили редко – дамы никогда не жертвовали, но женщины в платочках поспешно развязывали заветный узелок с деньгами. Если нам случалось, мы мобилизовали тогда знакомых гимназистов и офицеров, – обступив втроем даму, мы предоставляли ему пускать в ход обворожительные улыбки, которые почти моментально действовали. В этот казачий сбор мы собрали 10 тысяч рублей. Это была почти четверть общей суммы сбора в 50 тысяч рублей...

Однажды, из озорства, мы остановили автомобиль с сидевшими в нем французскими офицерами. Автомобиль остановился, и офицеры, смеясь над нашей затеей, охотно опустили в кружки синие и зеленые бумажки в 25 и 50 рублей.

В другой раз, когда публика была вся уже с газетами, на пожертвованную бумажку мы купили букет цветов и продавали по маргаритке. Мы остановили и великолепного англичанина на лошади. Он показал, что не может выпустить поводья. – «Ничего», – сказала я по-русски, принимая поводья, – «мы подержим». – Ему пришлось подчиниться и

достать бумажник.

Татьяна жестоко поплатилась за эту «благотворительную деятельность». Она служила в Совете Министров, под начальством управляющего Советом Г.К. Гинса. Не увидев Татьяны на службе раз, два, он и в третий – во время нашего сбора на карпаторуссов – приказал ее уволить. Мне же была предоставлена в этом неограниченная свобода.

7

30 апреля в Гарнизонном собрании был устроен большой и торжественный Славянский бал в честь образования новых славянских государств – Польши, Чехословакии и Югославии.

В день бала, задолго до его открытия, я, состоящая в Дамском комитете Союза, явилась в Гарнизонное собрание в белом платье, таких же туфлях и чулках, с длинной лиловой бархатной лентой вместо пояса... Все это стоило мне 500 рублей – мой гонорар за стихи в этом месяце.

«Ласковый майор Кошек, увидя меня столь блистательной на фоне той вообще очень скромной омской обстановки, посадил меня не в буфете, а на самое выгодное место — у входа в зрительный зал, перед широкой парадной лестницей – продавать программы...

Веселые сербские поручики и наши казачьи офицеры, которых я уговорила пойти на бал, сиротливо стояли по сторонам моего столика, пока я не познакомила их.

Неожиданно на лестнице началось большое движение. Сопровождаемый адъютантами, офицерами, улыбающимся Кошеком и другими высшими славянскими представителями, наверх быстро поднимался адмирал Колчак.

г. Омск. Здание военного собрания

«Подпоручик королевской службы» Милан Станкович, приготовивший для адмирала красиво исписанную славянскою вязью и свернутую в трубочку программу, не оказался в это

время близко, и майор Кошек обратился ко мне, твердо акцентируя на первых слогах:

– Мадемуазель, предложите его превосходительству программу.

Я помню, что была очень взволнована, что не сразу как-то выбрала нарядную программу и передала адмиралу. Он слегка улыбнулся на мое замешательство, раздвинул плотно сжатые до того губы и сказал глухим бесцветным голосом:

– Благодарю, мадемуазель.

Запомнился его усталый вид и не то суровый, не то печальный взгляд, его обветренное лицо, крупные черты лица с мощным, волевым профилем и неровно приподнятые брови. Его адъютант поспешно передал мне деньги за программу и последовал за адмиралом, уже входившим в темный зал с освещенной сценой.

В первый день Пасхи мальчик принес мне горшок с прелестной, полураспустившейся палевой розой. На ма-

мин вопрос, он лукаво улыбнулся:

– Не велено говорить, кто..

Я думала, что это от Смирнова, милого, беспечного Смирнова. На днях он поспорил со мной, и я обещала, что если он пойдет со мной «воровать» сирень, поцеловать его... Может быть, в предвкушении христосованья, он откупался розой: неудобно же блестящему есаулу, как мальчишке, воровать сирень у соседей!

Еще звонили колокола, когда он появился под вечер... Был веселым, подвыпившим, каким-то особенно милым.

– Христос воскресе, Тасик!.. И протянул дурашливо губы. И я, столько лет оказывавшаяся с ним христосоваться, – из страха, что не переживу такого блаженства, – с отчаяньем потянулась в ответ.

Почему-то мы стояли на темной площадке перед квартирой. Почему-то запомнилось ощущение его рук на плечах и запах вина и «царского вереска».

Это был самый сладкий, самый головокружительный поцелуй в моей жизни. Троекратным прикосновением к моим губам, он обжег меня, умилил, растрогал, наполнил сердце невыразимым счастьем и невыразимой нежностью к этому сероглазому, такому родному для меня человеку.

– Ну вот, Тасик, – сказал он, беря меня под руку, – похристосовались, и видите, – не так уж страшно...

Так, под руку, мы и вошли в столовую, где дамы и офицеры сидели уже за преферансом, и где среди них было его прямое начальство. Смирнов поцеловал дамам ручки, прищелкивая шпорами, и сел за стол, где я наливала ему чай.

– Не хочу чаю, – капризно сказал он, – ничего не хочу. Дайте пальчик, умненький пальчик, и я вас, Тасик, очень люблю, очень, а начальство не люблю... Мы на фронт пой-

дем, а оно все еще будет в преферанс здесь играть...

Он сказал это так звучно и громко, что на минуту все растерялись. Я подметила на лицах невольную улыбку, злорадство, испуг. Мама онемела от ужаса, взглянула на начальство: оно сидело, делая вид, что не слышит, погружившись в карты. Я видела, что мама делает мне знак глазами – увести Смирнова.

– Пойдемте, Борис Сергеевич, я покажу вам вашу розу.

– Розу, какую розу еще? –

Ви роза, ви роза,

Вы роза бель Таи-си-я...

Я привела его к себе в комнату.

– Разве вы не посылали мне этой розы?

Он виновато улыбнулся:

– Буду честен, Тасик, не догадался...

Уходивший Иванов стоял в передней:

– Боб, хочешь к Нине Павловне?.. Я еду туда...

– Я был уже, ну да едем, едем! – вдруг оживился Смирнов: Тасик, вы не сердитесь, нет?..

Он еще раз оглянулся, сходя по лестнице, с виноватой и нежной улыбкой... Нина Павловна была «дамой его сердца».

9

Балтабек избрал новый способ обратить на себя внимание: каждый день, под вечер, он проходил мимо нашего дома, и сестра и братья с издевкой кричали мне:

– Тася, твой Балтабек идет...

А на третий день Пасхи, когда мы вернулись к занятиям в Управе, Маруся сообщила:

– Розу-то вам Балтабек послал.

10

Наступила чудесная весна, когда Омск еще не был овеян пыльными ветрами, когда знакомый чех еще не говорил, что у него «...левое чувство». В Казачьем садике цвели яблоня, черемуха и сирень, а по вечерам русские женщины в модных юбках клеш и кокошниках с кисеей ходили с иностранными военными по пыльным дорожкам, танцевали под звуки оркестра в беседке и целовались в боковых аллеях из желтых акаций.

Однажды, когда меня не было дома, папа рассказал, что к нему приходил какой-то киргиз.

– Он сказал, что его старший брат Абдурахманов учился со мной в Кадетском корпусе. Был такой, помню. Был очень способен, особенно по математике... Но киргизы как-то плохо приспособляются к городской жизни, чахнут без степей. У него развилась чахотка, и он умер совсем молодым... Вот теперь этот его младший брат и решил познакомиться со мной... О тебе тоже спрашивал, но я сказал, что ты музей мосье Шайо показываешь...

А через некоторое время Маруся опять рассказывала:

– Знаете, ведь уехал он, в Мусульманский полк Алаш-Орды записался и уехал в Семиречье воевать... Как вам это нравится?..

Мне это понравилось... Я ходила по улицам без опасения, что за мной следует маленькая коричневая фигурка с упрямым напряженным лицом и молящими глазами. Что стало потом с Балтабеком, который болтал по воскресеньям с графиней Подгоричани по-турецки, – мне узнать не

удалось.

Уже пал Екатеринбург, дни Омска были сочтены. На фронт совершенно неожиданно ушли казачьи полки... Я плакала, узнав об этом.

Тот день был солнечным, ярким, веселым. Я купила букет сирени на Люблинском проспекте, когда вдруг у Корпуса увидела казачий полк на конях. Он двигался на вокзал.

От группы офицеров впереди отделился один, и я увидела приближавшегося ко мне Смирнова.

– Здравствуйте, Тасик, – вот мы и на фронт едем. Я забежал к вам, но вас не было дома. Что вы скажете на это?

Я думала о том, что ничего сказать ему не могу, не смею: ни о даме его сердца, ни о пасхальном поцелуе, наполнившем тогда мое сердце счастьем и горечью, ни о ночных моих слезах... Требовалось только ничего не говорить серьезного, не подавать вида, что страдаю. И улыбалась беспечно:

– Приезжайте скорее обратно, а то плакать буду...

– Серьезно?.. Обо мне?..

Его глаза весело смеялись. Я только кивнула головой, так же весело.

– Ну, «честь имею расставаться», – сказал он шутливо, поднимая мою руку к губам, – мне пришлось для этого почти прижаться к его рыжему коню, – козырнул еще раз и тронул коня.

Казачьи с пиками в руках и винтовками за спинами, ласково улыбались, проезжая мимо, может быть, воображая, что я была его «красавицей».

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПРЕДКОВ

1 июня 1940 г.

Русские места Калифорнии – Мендосино, Сонома, Напа и Лейк – Каунти.

Около Сан-Франциско, кажется, нет ни одного заселенного местечка, где не проживал бы хоть один русский. Но как ни странно, а сухой и теплый, равнинный юг как-то мало притянул русских. Есть несколько одиночных фарм в Санта-Круз и поблизости него, есть русские в Редвуд-Сити, Сан-Матео, Пало-Алто, больше русских проживает в Оклаиде и Берклее, около университета, много русских сектантов осело около Фрезно, другие работают в Бенишии на кожевенном, а в Крокете на сахарном заводе, но общая тяга ведет на север, к ветренному и холодному берегу океана, к сырой местности Рошен Ривер, протекающей среди гор и гигантских деревьев Редвуд-Импайра...

Мендосино, Сонома, Напа и Лейк – все четыре (?) лежат в одной плоскости и все четыре овеяны воспоминаниями о живших здесь, работавших, мечтавших, как мы, о России, русских людях.

Может быть, оттого и тянет нас в те места, которые были освящены присутствием родных нам по духу и крови предков.

И вот уже в Саусалито несколько русских домов, а затем и залитых солнцем, в розовых садах, хорошеньких городах Росс, Милл-Валлей, Фойрфакее, Сан-Ансельмо, Сан-Рафаэле... Куриные фермы русских в Петалуме и Санта-Розе, Себастоволе, бывшем Севастополе. Вакейшон

Бич, ставший русским поселком, с хорошенькими, нарядными дачами. Рошен Ривер, когда-то индейская река Шабакай, потом испанская Сан-Себастьян и русская Славянка. Наконец – Форт Росс, отдаленный, малодоступный из-за крутой, извилистой дороги, превращенный в исторический музей, который, вероятно, многие из русских и не видели...

Но там, где удобнее жить, – русские прочно укрепляются на земле, по которой ходили первые русские в Калифорнии... Это роднит с приютившей нас страной, ставшей нам второй родиной, это мысленно сближает с далекой Россией, это примиряет горечь ее утраты.

Я помню, как русские, очутившись в Сан-Франциско лет 15-17 тому назад, с жадностью изучали историю первых русских в Калифорнии, Форта Росс, роман Резанова с Консепсьон Д-Аргуэлло, и с каким-то особенным, священным трепетом взирали на гору Тамалпаис, откуда, по преданию, Консепсьон всматривалась в океан, – не покажется ли русский фрегат с Рязановым из России.

И сейчас с таким же священным трепетом ходим мы по окрестностям Форта Росс в Мендосино – Каунти и Рошен Ривер, мысленно представляя себе забайкальских казаков, строящих бастионы форта, поля, засеянные пшеницей русских колонистов и простирающихся до самого нынешнего Сакраменто, пироги краснокожих индейцев, снующих по этой самой Славянке, группы всадников форта и заимок, исследующих местность вокруг. В 100 акрах на юг от форта была заимка Костромитинова, заимка Георгия Черных лежала на пути от форта к Рошен Голч – Русскому Ущелью на берегу океана, рядом с нынешним Каспаром и в пяти милях к северу от Бодеги. А одна из станций упраздненной

теперь железной дороги носила до последнего времени название «Маскау» – Москвы, свидетельствуя еще о каком-то забытом теперь русском поселении.

Русские вели торговлю с испанцами, – продавали им пшеницу, гвозди, веревки, бочки... Разводили великолепные яблоки «грейвестин» и сливы «джерман пломс», известные во всей Америке, как впервые выращенные русскими, покупали шкуры красивого зверя у индейцев и обращали последних в православие.

Еще кажется совсем недавно, покойный о. Павел Мажуков рассказывал со слов старшего брата, как русские, работавшие в полях у Форта Росс, при виде приближавшихся индейцев, бросали работу и бежали за частоколы... Отцом его был военный священник, прибывший из России на военном транспорте и женившийся на знатной индианке. Из Калифорнии он был переведен в Якутск. Брат о. Павла, родившийся в Калифорнии, покинул ее с отцом лет девяти. Сам же о. Павел родился в России, а в Калифорнию впервые прибыл в 1925 году... Она была ему родной по материнской крови.

Русские были, видимо, в хороших отношениях с индейцами. Они не отбирали у индейцев землю, как испанцы, они заплатили за нее одеялами, топорами, утварью. Они вели с индейцами торговый обмен, нанимали их на работы. Мысль о русских, их миролюбии по отношению к индейцам не давала покоя ни францисканским падре, основавшим для борьбы с православным влиянием на индейцев последнюю свою, самую северную, миссию в Сономе, ни 25-летнему пылкому генералу Марианэ Гуаралутье Валлейо, «командующему войсками северного района и директору колонизации», прибывшему из Мексики в Со-

Форт Росс

ному со специальным заданием – выгнать русских из Калифорнии.

По словам Валлейо, дочь которого 83-летняя Луиза Валлейо Эмиаран жива до сих пор и проживает в швейцарском пиалле около Сономы, которое ее отец в разработанном виде выписал из Швейцарии через мыс Горн, он не мог спать по ночам, думая о том, что многочисленные русские из форта могут легко напасть на малые испанские гарнизоны и без труда завоевать всю Калифорнию. Когда же стало известно, что русские покидают Калифорнию, радости испанцев не было предела, они устроили фиесту и веселились несколько дней.

Русские, желая продать земли и имущество, стали вести переговоры с Валлейо. Он тянул их немилосердно, ссылаясь на затруднительность переписки с Мексикой; на самом же деле ему хотелось получить все даром. Видя это, русские вошли в переговоры со швейцарцем Йогансом Зутером, называвшимся здесь Джоном Саттером и построившим небольшой форт в 1839 году в том месте, где теперь

стоит город Сакраменто. К огромному разочарованию Валлейо, этому Саттеру русские и продали и скот, и весь инвентарь.

Пока шли переговоры, Валлейо играл в дружбу со страшными соседями: а вдруг раздумают и не уйдут? Когда два преступника бежали из Форта Росс в Соному под защиту Валлейо, он выдал их обратно русскому коменданту...

Другой случай также характерен для Валлейо, хотя и остался не вполне выясненным. Это было уже в 1841 году, когда небольшая экспедиция русских, в ознаменование пребывания в Форте Росс ученого натуралиста И.Г. Вознесенского, отправилась на самую высокую гору в 4.343 фута, возле нынешней Калистоги, в Напакауити, и воздвигла на ней русский флаг, подвергшись на обратном пути нападению индейцев.

В этой экспедиции находились: Вознесенский, последний комендант Форта Александр Гаврилович Рощев, его жена Елена Павловна, урожденная княгиня Гагарина, племянница императора Александра, владелец заимки и любитель-энтомолог Георгий Черных, американец Мануэль Мак-Иигош, проживающий вблизи русских, и отряд солдат. Гора получила название Св. Елены одновременно в честь Е.П. Рощевой и императрицы России. Была прибита и медная доска с надписью о пребывании русских на горе 12 июня 1841 года.

Когда экспедиция возвращалась в Форт, индейцы во главе с вождем Солано, напали на нее и взяли в плен. По одной версии, Солано сделал это потому, что пленился красотой жены коменданта, по другой, – и более вероятной, – Солано осмелился на этот поступок по наущению ген. Вал-

лейо, которому хотелось напугать русских, доказать свое влияние на индейцев и заставить русских поскорее уйти из Калифорнии... Уведомленный об этом, вероломный испанец «галантно» поспешил на выручку русских друзей.

У русских жителей Калистоги, у многочисленных дачников, которые приезжают в эту красивую зеленую долину, защищенную от ветров высокими горами, чтобы купаться в теплых серных бассейнах и лечить ревматизм, гора Св. Елены, или «Сойит Илины», как произносят американцы, – тоже своя, родная реликвия. На гору совершаются экспедиции, и тех, кто достигает ее вершины, охватывает чувство вполне понятного волнения от величественности вида, от простых, но каких-то особенно заветных слов на доске в виде открытой книги. Первоначальная доска была в 1853 году передана в Общество Пионеров в Сан-Франциско и сгорела во время пожара и землетрясения 1906 года. Но у одной жительницы Петалумы м-с Х.В. Вестон сохранилась копия доски на бумаге, по которой и сделали настоящую доску.

Нет никаких данных проследить путь русской экспедиции на эту последнюю русскую точку на востоке.

Возможно, что она шла вдоль Славянки, через Герлевиль, Рио-Нидо, через Петрифайд Форест, через нынешнюю Калистогу, и Лейк-кауити, как наиболее ровные места и ущелья.

Тогда в Калистоге еще не было Дэвида Хадсона, построившего в 1845 году первую хижину, не было мормона Самуэля Браннана, купившего в 1858 году здесь большой участок земли, на котором были гейзеры и дымились горячие серные источники. Не было и Чарльза Иванса, более известного как «Петрифайд Чарли», который вместо золо-

та в земле наткнулся на окаменелый лес, лежащий глубоко в вулканической почве, обгоревший и затвердевший после какого-то большого вулканического извержения много тысяч лет тому назад.

Теперь и Калистога превращена в одно из наиболее популярных русских мест, где слышится русская речь, где русские тоже прочно прикрепились к земле.

На горе Св. Елены знаменитый английский писатель Роберт Л. Стивенсон, автор поэмы «Резанов», проводил свой медовый месяц и написал свою вещь «Поселенцы Сильверадо».

А чуть севернее Сономы, в Глен Эллен, местечке в Муи-Валлей, в миле или двух от дома другого знаменитого американского писателя Джека Лондона, описавшего эту Муи-Валлей в прекрасном романе «Лунная Долина», которым мы зачитывались еще в России, находится ранчо старожила В.М. Горденкер, супруга которого Ольга Владимировна Горденкер, урожденная Палицына, скончалась несколько лет тому назад... Горденукеры поселились в этой живописной, зеленой, жизнерадостной долине лет пятьдесят тому назад; оба принадлежали к той горячей передовой русской молодежи, которая из-за своих взглядов принуждена была покинуть Россию.

Мендосино, Сонома, Напа...

Но могло случиться, что экспедиция Вознесенского и Рощевых шла немного севернее, проходила через нынешний Хилдебург по Лейк-каунти, севернее горы Св. Елены, к которой приблизились по ущелью Кабб-Валлей.

Тогда она могла пройти мимо Джордан-Парка, другого теперь русского места, где вместе с американским флагом, в лагере Разведчиков развевается летом русский флаг, где

раздается русская речь и русские песни...

Все может быть...

Пройдут года. Через 100-200 лет, когда-нибудь наши потомки, также как мы, займутся изучением истории нашего пребывания здесь, так же, как мы сами, станут с священным трепетом и горящими глазами изучать знаки, оставленные нами, ходить по нашим следам, читать надписи с нашими именами, сопоставлять цифры и даты, представлять картину нашей жизни, подбирать и писать целые труды о случайно сохранившемся кирпиче и гнилушке.

И то, чего мы не ценили или ценим мало, не думая совершенно об увековечивании наших имен в истории, ни об этих самых наших потомках, будет бережно, с таким же священным трепетом и блестящими глазами, подобрано ими, как открытие необыкновенной важности, и будет сохранено еще на многие годы после нас.

О ПЕРВОЙ ИЗ 3 000 «НОВЫХ ЗОРЬ»

Часть нашей работы под поднятым занавесом

25 декабря 1940 г.

Я не собираюсь излагать историю своей жизни. Но так как история эта неким образом связана с историей жизни «Новой Зари», мне приходится говорить и о себе.

Поэтому, «начинаю с Адама». Когда мне было 12 лет, я решила, что если к 25 годам не стану артисткой или певицей (и непременно знаменитой) и не выйду замуж – я уйду в монастырь.

Ничего этого не случилось.

Чтобы стать артисткой, у меня никогда не было к этому шанса. На сцене бывала не раз и всегда с успехом – я читала свои стихи, пела в хоре, в дуэтах, трио, соло. И моя партнерша, рыжеволосая и бедовая Леля Сургутская, которую я пригласила выступить со мной в дуэте Лизы и Полины из «Пиковой дамы» на вечере Первой Омской гимназии, является теперь в Советской России известной оперной певицей.

Но у меня всегда было простуженное горло, и доктор просто-напросто запретил учиться петь...

Оставалось включить бушевавший во мне огонь в холодную, стесняющую форму стихов, и первое мое стихотворение за инициалами «Т.Б.» появилось 14 января 1918 года в омской «Вечерней Заре», (Везет мне на «Зарю»: свое первое стихотворение в Харбине я поместила в «Заре» М.С. Лембича). Редактором ее тогда был П.В. Вологодский, будущий премьер-министр. Второе стихотворение, кажется, заканчивалось словами: «зима скроет кровь земли родной под снежно-белой пеленой, и в безднах душ больных людей замолкнет ярость злых зверей». На другой день, 22 января, «Заря» была большевиками закрыта, и я чувствовала, что в этом есть какая-то доля и моей вины. С этих пор в свои лирические стихотворения я считала долгом вносить гражданский элемент, чтобы хоть какой-нибудь да был протест и с моей стороны.

Но стихи не удовлетворяли: стесняла форма, размер, рифма, лаконичность. В Харбине в «Русском Голосе» стала писать рассказы. Редактор его д-р А.М. Спасский после второго рассказа из сибирской жизни серьезно сказал мне:

– Теперь, Т.А., вы должны выбирать: быть ли вам писа-

тельницей, или отказаться от этого.

– Почему, Александр Михайлович?

– А потому, что в писании много радостей, но много и горечи, зависти, критики. Чем человек больше пишет, тем больше втягивается; писательство – это отравка.

– Да я уже отравлена, доктор!

Но в Америке я потеряла ритм стихов, вытеснила их мыслями о том, как бы не сжечь платье, которое я гладила на фабрике, и что приготовить на обед. Действительность подошла слишком вплотную ко мне, сузила мой кругозор так, что я не могла видеть дальше своей фабрики и своего дома. Мне просто пришлось отказаться и от стихов, и от рассказов.

Но в 1928 году на свет Божий появилась «Новая Заря», и меня пригласили работать в ней: заняться репортажем и писать фельетоны и интервью.

Внешне «Новая Заря» была такой же, как и теперь. Также М.А. Сухова сидела в конторе за столом, принимая объявления и подписку, так же стучал линотип, на котором тогда еще работал сам Г.Т. Сухов и б. редактор-издатель закрывшейся еженедельной газеты «Русская Мысль» Б.В. Зонн. Редактором был П.П. Васильев.

Появился первый номер. Технически он был очень аккуратным, с крупной печатью и удобно расставленным материалом. Но он вызвал критику консервативной части русской колонии: она неодобрительно отнеслась к несколько американскому подбору материала, поданному в немного резкой, прямой и сенсационной форме.

Требовалось наладить контакт колонии с газетой и газеты с колонией, и на меня, как репортера, выпала эта задача в большой степени.

Тут-то я и познала все горечи газетного дела.

До сих пор мне не приходилось сталкиваться много с отношением организаций и отдельных лиц к газете. До сих пор я и сама только отдавала свой материал редактору в его кабинете, иногда корректировала в последний раз гранки с моей вещью, но как достается хроника, и как составляется газета и какая ответственность возлагается на пишущих и редактора, я не имела понятия.

Я обходила представителей русских организаций и предприятий, агитировала, рисовала блестящее будущее:

– А зачем нам газета каждый день? – возражали некоторые мне. – Читать ее времени нет. Вся жизнь колонии – от субботы до субботы, ничего в ней нет интересного. Ну, живем, на фабриках работаем, – вот и все. Да и провалится ваша газета, «как пить дать!»

– Подождем с год, – говорил мне другой человек, – продержится, так дадим объявление.

Он одним из первых не дождался и трех месяцев, стал подписчиком, рекламодателем, а теперь вот уже 12 с лишним лет является другом «Новой Зари».

И колония, которая сама себе казалась немногочисленной, со слабо развитой общественной жизнью, вдруг увидела, что в ней многое может быть интересным, что она живет полной, яркой жизнью. С появлением «Новой Зари» стал все больше находиться материал, отыскиваться интересные люди, стало ярче, без пробелов, открываться прошлое пребывание русских в Калифорнии. И по мере большого соприкосновения с колонией, большого контакта и большого общения газетного сотрудника с организациями и отдельными лицами, росли и большие связи и симпатии к газете и больше находилось взаимного доверия.

Каждый русский, каждый его шаг, каждый час его жизни творили историю пребывания русских в Америке, и «Новая Заря», с момента ее появления, стала регулярно и последовательно отражать историю русской колонии на своих страницах.

За Сан-Франциско последовал Лос-Анжелос: там были подписчики, которым хотелось знать новости о своей колонии или писать о них. Там восходила звезда Михаила Вавича, Ольги Баклановой, Николая Сусанина, Ивана Лебедева, Юренева, Михаила Визарова... За Лос-Анжелосом появился «русский» Портланд, «русский» Сеаттл. Корреспонденции из этих городов и рост, в связи с этим, русских подписчиков, заброшенных в самые неожиданные и глухие места и тоскующих без русского языка, сделали «Новую Зарю» центром, который налаживал «почтовые станции» сначала по Тихоокеанскому побережью, потом по всей Северной Америке, в Канаде и теперь в Мексике, и странах Южной и Центральной Америк.

Ко времени возникновения «Новой Зари» новая русская колония в Сан-Франциско вступила в 8-й год своего существования, если считать 1921-й год началом прибытия первых русских студентов с Дальнего Востока. Первые из русских организаций этой колонии – Студенческое общество и Общество Взаимопомощи – начинали к тому времени уже утрачивать свое первоначальное влияние, уступая место Обществу Ветеранов, Кают-Компании, «Единству Руси», а затем Русскому Клубу, – этому первому «Русскому Центру» в Сан-Франциско. Уже блек Драматический Кружок, и О.И. Ильина тщательно пыталась воскресить угасавший Литературный Кружок, еще недавно такой деятельный.

Покойный о. Владимир Сакович совершал тогда поездки в Санта-Круз, в Скошию, где русские еще работали на лесопильном заводе, в Бенишию, где их было еще несколько человек на сыромятном заводе, в Крокет, где русские работали на сахарном заводе, и во Фрезно, где они работали в виноградниках. Епископ Алексей, ныне находящийся на Аляске, руководил духовным концертом. На Татьянинском вечере в январе готовились выступить пианистка А.П. Насонова-Китаева и С.М. Саморукова. В те же дни появился «буйный» Союз Мушкетеров. Е.И. Ивашиненко, тогда учительница школы Троицкого собора, ныне покойная, увлекалась футбольными состязаниями «Меркурия» и кричала игрокам: «Коля, Коля, чего ты зеваешь?» Артист Петербургской Музыкальной Драмы Максим Петрович Пантелеев мечтал об опере. Банк Италии (ныне банк Америки) имел Русский Отдел со штатом русских служащих во главе с управляющим К. Шановским, а позднее (и до сего времени) с Г.В. Николашиным.

Русско-Американское общество устроило вечер М.Ю. Лермонтова. Детский Сад отпраздновал трехлетие своего существования. Тогда художник Глеб А. Ильин преподавал в нем рисование, а балерина Т.К. Пьянкова – танцы.

Епископ Феофил приехал в Сан-Франциско из Чикаго и на Рождественских праздниках служил вместе с епископом Алексеем в Троицком соборе. 11 ноября в Дримланд-Аудиториуме среди союзных флагов в «День Перемирия» развевался и русский национальный флаг, и представителями от русской колонии были на нем бар. А.П. Будберг, адмирал Клюпфель, полковники С.С. Толстов, К.В. Шепунов, В.М. Корженко, Ф.С. Олферьев и Р.В. Франк.

Самым большим событием в жизни эмиграции, ко-

торое пришлось отметить в то время «Новой Заре», была кончина великого князя Николая Николаевича, последовавшая 5 января 1929 года в Антибах, во Франции. Преемственность возглавления Общевоинским союзом была принята ген. А.П. Кутеповым.

Русская колония, по получении известия о кончине вел. кн. Николая Николаевича, устроила большую панихиду в просторном соборе св. Луки на Ван-Нес стрит. В устройстве этой панихиды приняли участие все русские организации, присутствовало и духовенство Епископальной, Греческой и Сербской церквей. Первое траурное объявление, помещенное в «Новой Заре», собрало на панихиду около 500 человек.

Для только что появившейся на свет Божий «Новой Зари» и такого новоиспеченного репортера, как я, обширный и подробный отчет о панихиде, появившейся на другой день, явился огромным газетным событием, которое впрочем, прошло мало замеченным непосвященными в это «действие».

– Статья была составлена и набрана ранее самой панихиды. Оттого она и смогла появиться на другой же день.

Это случилось благодаря тому, что накануне я побывала в церкви св. Луки, расспросила о. Владимира Саковича о том, кто будет на панихиде и как будет панихида совершена. Расспросила и в русских организациях, как они будут представлены, узнала, что бар. Будберг будет присутствовать в сохранившейся у него военной форме.

Тотчас же после многолюдной и торжественной панихиды мы с П.П. Васильевым поехали в «Новую Зарю» и внесли необходимые изменения и дополнения. Это заняло немного времени.

Продолжай я в таком же духе, я теперь была бы блестящим репортером. Но рок сулил иное.

Помню, что Русский клуб при помощи «Новой Зари» дал свой первый большой вечер, на котором выступала с декламацией своего стихотворения. В Русском же клубе «Новая Заря» встречала Новый 1929-й год.

Первый Рождественский номер «Новой Зари» вышел всего в восьми страницах. И все же он, по тем временам, был необычен.

Первая страница в зеленую краску была украшена елкой посредине. Поздравительные объявления были напечатаны на первой странице. Объявления были от меховой мастерской П.А. Лушникова, домашней столовой В.М. Имшенецкого, «Русского Общественного клуба», ресторана «Москва», портного Н.С. Корякова, часового мастера А. Окулова, русской кондитерской Х.И. Макарьян, С.Н. Белкиной, Первого русского мебельного магазина, ресторана «Россия», оперного класса Эммы Минович, типографии Г. Наумова, grosери А.Р. Кириченко, grosери А. Дерниг, Малороссийской булочной Н.И. Франк, «Русс Клининг», grosери А.Г. Лаймана, астролога И. Пусторжевцева, фото-студии А. и И. Логвиненко и grosери Я. Зебзиева и Соколова, И. Кленикова и Г. Перфильева и др. Затем объявлялось о бале, елке и встрече Нового года в Русском клубе, а также о бале-маскараде Русско-Американского общества, с участием хора Ф.В. Костина, Нины Дивиш, поэтессы Елены Гроуни (в настоящем времени г-жи Тычиной), Ф.С. Шишкиной. Плакаты и скетчи для этого бала рисовали художники Виктор Арнаутов и Михаил фон-Мейер, тогда еще изучавшие живопись и скульптуру в «Калифорния Скул оф Файн Артс».

Такова была, приблизительно, русская колония тех времен.

В рождественском номере напечатала свое стихотворение Наталия Дудорова; П.П. Васильев писал «Праздник грез»; Петр Вольский – о «Муссолини в Ватикане»; прот. Василий Демидов – «Пути мира»; Мария Тулинова-Рот – была «Японочка Леля Потапенко»; Василий Ушанов, теперь зубной врач, поместил отчет о футбольном состязании «Меркурия»; Юрий Братов – рассказ «Костя»; я дала рассказ «Последняя елка». В этом же номере сообщалось о приезде вел. кн. Марии Павловны, о приезде кн. Л.В. Голицыной из Лос-Анжелоса и отчет о докладе в Литературном кружке о Тихона Лаврищева, приехавшего с Аляски учиться в Калифорнийском университете.

В марте ожидался приезд знаменитого квартета Кедровых, а на Рождестве пленила русскую колонию «Летучая Мышь» Балиева, артисты которой после спектакля присутствовали в «Калифорния Вуменс клуб» на концерте в пользу Русского Детского Сада, который был устроен С.М. Саморуковой... Тогда артисты, угощаемые чаем с пирогами, рассказывали о себе: «Мы – что, а вот Аким Тамиров – тот действительно настоящий артист». Они приняли участие в концерте и Аким Тамиров тогда читал рассказ Зощенко «Баня», а кто-то из артисток пел. Были среди них Зоя Карабанова, Тамара Джева и др.

Теперь, когда выпущено 3 000 газетных номеров, «Новая Заря» прочно вошла в жизнь русской колонии и работа ее идет в налаженном размеренном порядке. Штат служа-

щих и сотрудников увеличился. Увеличилось число подписчиков и корреспондентов на всем Северо-Американском материке и других местах русского рассеяния...

День начинается приходом первого линотиписта. За ним приходит М.А. Сухова и тотчас же начинает отвечать на телефоны.

С почтой приходит П.А. Дроздов, – после поездки его в Нью-Йорк и посещение президента в Белом Доме число его корреспондентов еще более увеличилось, – и к машинке, на которой он отвечает им, теперь не подступиться.

Но если это понедельник, то «Заринской энциклопедии» Е.С. Серебренникову или мне приходится эту машинку у него «реквизировать» и писать отчет о субботнем вечере, концерте, спектакле.

Затем приходит другой линотипист, принимающийся за напечатание радио, и Н.Н. Языков, который прочно занимает свою вторую машинистку и покидает ее только на обед.

Итак, постепенно идут и другие живые «винтики» общей машины под названием «Новая Заря», становясь на работу...

Идущие мимо русские мужчины и дамы заходят в редакцию за свежей газетой, поздороваться с М.А. Суховой и поговорить о событиях в русской колонии. Для многих это своего рода развлечение, так как в редакции «все знают» и случается встретить много интересных людей, приезжающих с Дальнего Востока, из Нью-Йорка, Сеаттля, и наших знаменитостей из Голливуда. Когда иногда в редакции появляется Алексей Черкасский, помещение наполняется бархатными звуками его живого, веселого голоса... А вместе с ним иногда и Миша Ауэр молча, без улыбки, появля-

ется за спиной линотиписта и наблюдает за его работой...

Телефон занят, машинки стучат, линотипы несутся в стремительном темпе, гремят типографские машины. Линотиписты жалуются, что рукопись неразборчива, фраза запутана, целой строчки нет, «ничего не понятно». Если корреспондента достичь нельзя, – приходится устраивать «генеральное совещание» с Григорием Тимофеевичем, который появляется в редакции в 2 часа дня. Он еще не выспался, – ежедневные разговоры с «важными посетителями», выпуск очередной газеты, правка материала для следующего номера и пр. и пр. – дают ему работы до утренней зари.

Телеграммы переводятся, отчет пишется. Сотрудники посещают важные собрания русской колонии, интервьюируют, пишут, корректируют, читают журналы и газеты, справляются по телефону, пытаются выяснить искаженную русскую фамилию в американской газете. Одна и та же ошибка требует телефонных справок, совещаний, распросов, трех-четырех исправлений. Приходят новые приезжие, и Н.Н. Языков ведет с ними разговоры. Если приходится говорить с большой знаменитостью, то вместо него разговаривает «для газеты» секретарь редактора Е.С. Серебренников.

– Скорее, скорее, скорее! – говорит Григорий Тимофеевич.

Линотипы не ждут, линотиписты торопятся. Новость тоже не ждет, – на завтра она уже не новость, известной стала каждому. Нельзя узнавать от других лиц: «Какой же вы сотрудник после этого?» – упрекает редактор.

Такая спешка продолжается до окончания выпуска газеты, чтобы завтра снова начаться.

– Какой вы счастливый человек, – говорят нам, – посещаете все концерты, все спектакли. – Вот бы мне так!

Сотрудник – совсем не счастливый человек. Частое посещение их перестает доставлять развлечение. Он устал и от работы, и от них, он требователен. Уже на концерте или на спектакле он мучается: что написать, чтобы и правда была, и не похвалить не по заслугам, и не обидеть, и не поспориться «на всю жизнь... Вот и выходит «серединка на половинку», – когда пишет он, скрипя сердце, потому что кто же, в конце концов, любит «правду-матку»?

Кто знает, сколько сотруднику приходится выслушивать неудовольствия: сообщили неправильно фамилию, – виноват сотрудник: в шуме линотипов, машин, машинок он не дослышал фамилии, – сотрудник напутал; ему сообщают фантастические сведения, – и начинается целая буря. «А почему мое имя поместили после неё... Что она делала на вечере, – разве только с мужчинами флиртовала... А мы с утра толчемся». «Батюшка, да разве вы не видели меня-то... Сколько лет знаете, – и вот пропустили»... «Пошлите нам другого сотрудника, – а то этот всегда критику разводит».

Таковы горькие годки «счастливой газетной» работы...

В России, где штат сотрудников в газетах был большим, ответственность распределялась поровну, у каждого была своя собственная специальность. Русской газете в американских условиях такой роскоши позволить нельзя. Нельзя позволить газетному человеку также роскошь писать стихи, рассказы или романы.

Нужно быть репортером, отражать, фиксировать жизнь так, как она идет, без раздумья... Кто-то потом уже разберется в нашей быстро текущей жизни – хронике, кто-

то потом станет выводить о нас свои заключения и писать о нас душещипательные романы...

Да еще напишут ли?

О ПОКУПКЕ ДОМА ДЛЯ РУССКОГО ЦЕНТРА

Беседа с председателем Русского Центра А.Н. Вагиным²⁰

13 января 1940 г.

В связи с циркулирующими в русской колонии слухами о состоявшейся, якобы, покупке здания под Русский Центр, мы обратились к председателю Русского Центра А.Н. Вагину с просьбой сообщить, насколько эти слухи справедливы и что сделано в этом отношении правлением Центра.

– Говорить о состоявшейся покупке здания, – сказал А.Н. Вагин, – слишком преждевременно. В настоящее время мы заняты лишь подготовкой к Татьянинскому балу 27 января; когда бал пройдет, мы больше займемся этим вопросом. Бал должен выяснить – какими средствами мы будем обладать, – бал выяснит также, насколько русская колония заинтересована в Центре, бал, наконец, даст нам больше свободного времени.

Не скрою, что в то же время мы ведем поиски здания, которое мы купили бы или арендовали, как к этому отне-

20. А.Н. Вагин (1884, Киев – 1953, Сан-Франциско) — генерал-майор, писатель, начальник контрразведывательного отделения штаба 3-й армии (1917), командир Оренбургской армейской группы Южной армии. В эмиграции стал председателем Объединенного комитета русских национальных организаций в Сан-Франциско и первым председателем Русского центра (1940—1947).

сется часть директоров. Мы осмотрели шесть зданий, из которых нашли только два удовлетворительными. Но они недостаточно идеальны для русской колонии. Переговоры ведутся поэтому одновременно в разных направлениях, так как мы не хотим сразу связать себя покупкой здания, не найдя лучшего.

Поэтому часть директоров просто настаивает на временной аренде какого-нибудь подходящего здания под Центр. Во время аренды может подвернуться лучший и более выгодный дом. Но опять-таки – все это, повторяю, может измениться только после того, как пройдет бал, то есть через две-три недели.

Все, что выяснится после бала, все, что станет определенным, – тотчас же будет сообщено в «Новую Зарю». Мы и сами заинтересованы в том, чтобы русская публика была поставлена в известность об этом самым скорым и самым широким образом.

В настоящее время нам просто нет времени думать о чем-либо ином, как о бале, на который мы возлагаем очень много надежд. Как известно, он состоится в Скоттиш Райт Аудиториуме, где обычно проходят Инвалидные балы. Помещение просторное и достаточно знакомо русской публике.

Программа будет небольшой, займет не более двух часов, а после нее тотчас же начнутся танцы, чтобы дать нашей молодежи достаточное время потанцевать. Она уже и сейчас просит обойтись без программы. Но тогда на бал не пойдут взрослые. Поэтому мы обратились к И.В. Ястребову с просьбой сделать доклад на тему: «Татьяна и мы» и доктору Яну Александеру, как известно, получившему музыкальное образование в России, с просьбой поставить программу. В позапрошлом году д-р Александер по-

ставил для Инвалидного бала оперу «Руслан и Людмила» в отрывках. Он прославился постановкой несколько раз в Сан-Франциско оперы «Сказки Гофмана», и предложил поставить ее для Русского Центра. Мы приняли это предложение; русская публика, вероятно, не видела этой постановки здесь.

Состав оперы блестящий – все лучшие музыкальные силы Сан-Франциско. Куклу Олимпию поет Сидней Мани, Гофмана – Кейфон Несбитт, уже знакомый русской колонии по «Руслану и Людмиле» и другим выступлениям, Джульетту – Маргарет Пэрри, Шлемиля – Джорж Ридберг, Дапертутто – Генри Лайтфут, Никлаусс – Алиса?

Из русских поет только одна Л.М. Ковалева – партию певицы Антонии.

Мы собираемся придать балу такой же характер грандиозности и пышности, каким отличаются Инвалидные балы; русская колония любит такие балы, русские дамы любят одеться красиво и блеснуть своей красотой и изяществом. И американцы, которых все больше и больше Инвалидные балы привлекают, оценят возможность еще раз побывать на русском балу.

В этом отношении нам много помогает кружок Молодежи, который мы организовали с месяц тому назад и который теперь состоит из 75 членов. Они проявили сразу же большую инициативу и полную готовность нам помочь в устройстве бала. Все они будут заняты на балу, – кто в проверке билетов и указания мест, кто в продаже цветов, кто в буфете... Сейчас же они заняты продажей билетов на бал и распространением билетов для розыгрыша дамских часиков.

После того, как статья эта была уже набрана, А.Н. Вагин передал нам по телефону сообщение о том, что владельцы здания «Сайотс Холл» письменно уведомили правление Русского Центра о своем согласии на все условия Центра.

Окончательное рассмотрение и утверждение этого вопроса осуществится на общем собрании Русского Центра 7 февраля, и тогда можно уже определенно сказать, – будет ли у Русской колонии свое здание в самом скором времени.

М.А. КАРИНСКАЯ²¹

17 января 1942 г.

Как уже сообщалось в «Новой Заре», 14 января скончалась в Британской Колумбии, Канада, Мария Александровна Каринская.

Имя М.А. Каринской, исполнительницы русских народных песен, было широко известно в России, где она была одной из стаи славных – русских соловьев, голоса которых знала вся наша родина.

Во время прошлой войны, М.А. Каринская ездила по фронту, давая концерты русской песни для русского сол-

21. М.А. Каринская (1882, Оренбург – 1942, Канада) – певица, артистка эстрады. Окончила Петербургскую консерваторию. В 1904 году впервые выступила на столичной опереточной сцене в труппе В.А. Казанского. Огромный успех имели музыкальные спектакли в стиле «Русские песни в лицах» или «Цыганские романсы в лицах». Газеты лестно отзывались о дебютантке: о ее внешности, сильном красивом голосе – меццо-сопрано почти контральтового звучания.

М.А. Каринская

дата и пользовалась большой и заслуженной популярностью.

В белом движении имя М.А. Каринской тоже было известно – она выступала в армиях адмирала Колчака, также давая концерты на сибирском фронте.

Наконец с волной беженского движения, М.А. Каринская приехала в Харбин, где давала концерты.

Неожиданно подкралась болезнь, сдал голос, средства к существованию быстро раста-

яли. И так же неожиданно, опять взлет... Голос вернулся прежней красоты, силы и теплоты – опять огни рампы, успех – опять зазвучала прекрасная русская песня в прекрасном, задумчивом исполнении.

Из Китая М.А. Каринская уехала в Америку, давала концерты. Затем поселилась на ферме у дочери в Канаде, временами наезжая в США.

В этот период М.А. Каринская вступила в секту Евангельских Христиан, которые отметили это выпуском специального издания брошюры.

Впоследствии М.А. Каринская поехала к своей второй дочери в Австралию и прожила там некоторое время, но опять вернулась в Канаду, где и прожила до своей смерти.

Вся жизнь М.А. Каринской была в песне – она стремилась все более и шире прославить русскую песню, вся

жизнь была полна этим исканием, несмотря на то, что часто больно заставляла себя чувствовать суровая и жестокая действительность.

Много радости и наслаждения доставляла своим слушателям М.А. Каринская и хочется верить, что память об этом русском, истинно-русском таланте будет жить в теплых воспоминаниях о задушевных мелодиях ее прекрасного, теплого голоса.

М.А. Каринская скончалась в возрасте 56 лет.

Нина Красовская²²

4. Журнал «Рубеж». Харбин

С ОСТРОВА НА ОСТРОВ

В Сан-Франциско приехал недавно для операции глаз архимандрит Иннокентий Дронов, один из интереснейших людей даже в наше пёстрое и яркое время. Он – единственный православный священник на Гавайских островах в Тихом океане, на островах Атлантического океана, — Ямайке, Кубе, Порто-Рико, — и в республиках Гватемала, Никарагуа и Мексике.

О. Дронов рассказал мне, что кончил Полтавскую Духовную Семинарию. Шесть раз во время каникул ездил в Ниппон (Японию) изучать ниппонский (японский) язык и четыре раза в Грецию – учить греческий. По натуре он – путешественник, ездил много, многих видел, побывал в Абиссинии. Знает ниппонский, китайский, сербский, гре-

---

22. Опубликовано под псевдонимом «Нина Красовская».

ческий, английский и испанский языки.

Перед падением Омского правительства был устроен архиепископом Иннокентием в Пекинскую Духовную Миссию, но пробыл там всего месяц. Затем некоторое время находился в Ниппоне, а в 1922 году, с благословения покойного Платона, был назначен православным священником на острова.

О себе архимандрит рассказывает отрывисто, неохотно; главной его целью является рассказать о том, как трудно православным жить на чужбине без церкви и священника. Поэтому биографические сведения его скудны и не полны.

Большую часть времени он живёт на самом отдалённом из Гавайских островов – о. Хило²³, где у него существует небольшой приход из русских (преимущественно из украинцев), сербов и греков и, больше всего, православных ниппонцев.

Иногда о. архимандрит, вместе с дочерью, зятем и внучкой наезжает по личным нуждам в Соединенные Штаты. Год тому назад делал операцию катаракты на глазах, теперь принуждён делать вторую операцию. Уже шесть лет слеп, — ходит, стучит палкой по дорогам и улицам. Предметы различает с большим трудом. У него простое русское лицо, малороссийский выговор, слова он произносит с большой силой и убедительностью.

Он давно мог бы устроиться и жить покойно на месте. Большие колонии православных существуют на Кубе и в Мексике. Звали его и в Уругвай. Даже было однажды предложение от католического епископа перейти в католиче-

---

23. Хило – город на самом большом из Гавайских островов, а не название острова.

ство; ему была обещана квартира, церковь, 90 долларов в месяц. Он отказался, конечно.

– Православным родился, православным и умру!

Проповеди он говорит и на молоканских и на других сектантских собраниях. Раз его уже вывели с такого собрания, но раздался крик, что он говорит правду, и его задержали, пока производили на православный приход тарелочный сбор, который дал целых 36 долларов. А, отвозя его на машине, сектант, оказавшийся бывшим семинаристом, поцеловал ему руку и с тех пор ходит в православную церковь.

Вечные переезды из страны в страну, — на пароходе, по железной дороге. Сегодня – в Никарагуа, завтра – в Мексике. В США священники, в некоторых частях страны, имеют по жел. дорогам половинную скидку с билета, в других — лишь треть, но всегда находятся добрые люди, которые помогают купить билет и ещё дают денег на дорогу.

– Почему вы не устроитесь где-нибудь постоянно?

– А кто же будет напутствовать православных на этих островах, — сказал он с большой горечью и силой. – Подумайте, сколько горя там! Пять островов и южные республики, — и в них ни одного православного священника! Многие, ох многие верующие люди переходят из-за этого в протестантство или католичество. И не их вина в этом. Я столько раз, — верите ли — писал, просил сам лично послать священников на острова. Ведь я стар, а главное, слеп, — мне трудно.

И хотел бы спокойно пожить, не двигаться, да разве можно. Православных много, — русские, греки, сербы, болгары, ассирийцы... Православные рождаются, умирают, женятся, — и всё без священника. Русские сами обра-

щались к духовным властям, просили помочь им в этом. На мою просьбу, архиепископ Евфимий Ассирийский послал из Америки 84-летнего старика, который вскоре и скончался. На той же Кубе уговорил я одного грека-доктора стать священником. Съездил он в США, в Джэксон, и был рукоположен. Но радости духовной от него русским нет, — не говорит он по-русски. Только ассирийцы понимают немного греческий. Когда я служил с ним, то хор пел по-гречески, а затем по-русски.

Да, много было всего, трудно вспомнить. Езжу я с американским паспортом. В каждом городе сразу же разыскиваю православную церковь. Если нет русской, — служу в греческой; если нет греческой, — иду к епископам. Никто так много не помог мне, как епископалы. Дают свою церковь на православные праздники и для всенощной в субботу, в воскресение сами служат. Потом иду в газету, где меня снимают и пишут обо мне. Православные читают, приходят в церковь. Почти везде служу панихиды, крещу ребят, венчаю, исповедываю и причащаю ... Было много трогательных и потрясающих сцен.

Однажды служил на Кубе, — там больше всего русских, приехавших из Константинополя и Галиции, когда ещё Куба впускала эмигрантов. Много офицеров, сестёр милосердия, инженеров, докторов... Конечно, и большевики ходили молиться. Да как большевики ещё молятся, когда их горе постигает! Было в церкви человек 800... Но, когда пошли с тарелочным сбором, — на тарелке было всего... 80 копеек.

Там больше всего русских, и больше, чем где бы то ни было, горя и нищеты среди них. Да и как не быть — на Кубе бесконечные войны и революции; устроиться и зарабаты-

вать русским негде.

После службы подошла ко мне русская дама: плачет от радости, просит её сына окрестить, а тому уже семь лет. Муж уже думал его в протестантство обратить. На крестины собралось ещё больше народу. Американка одна пригласила к себе на чай с епископальным епископом, расспрашивала, а потом в конверте 30 долларов вручила. Это тоже был редкий случай человеческой отзывчивости. Тяжело там священнику, но и есть светлое утешение, что пользу духовную людям приносишь.

В другой раз, здесь, в Атланте, в штате Джорджия (русских там немного), служил я в Воздвижение с греческим священником в греческой церкви. Подходит дама в слезах... — женщины больше всего скорбят без церкви ... — просит: «Крестите моего сына, батюшка! Ему уже восемь лет».

Дочь казачьего полковника в Сибири. А муж — американский доктор, занимает какое-то видное положение в баптистской церкви.

— Как же — говорю — это ведь вы и в греческой церкви могли его крестить, — вера одна и та же. Да что скажет ваш муж? По закону, сын исповедует религию отца ...

А доктор и сказал:

— Я уважаю желание жены и ничего не имею против крещения сына по православному обряду. И тоже в Америке, в Вест Пойнт Бич, скончался ген. А.А. Петровский. Не было православного священника, — похоронили без православного отпевания. Правда, с воинскими почестями, — на лафете тело везли, был оркестр и солдаты. Да и много таких повсюду, что, не исповедываясь, умирают, и не бывают похоронены по-православному. Приедешь ку-

да-нибудь, — и всё панихиды. Помолишься, поплачешь с ними.

Однажды, на Кубе это было. Приехал, пошел к епископальному епископу просить церковь. Дал он целых две, — свою, служить кроме воскресения, а для воскресения, — миссийную. Да надобно у католических властей просить, чтобы в испанской газете о службе моей напечатать. Четыре раза приходил, и, — верите ли — гнали, а в пятый прямо направился к епископу.

— Нет, — говорит, — не могу разрешить, потому что здесь главная — католическая вера.

— А разве это грех, если ко мне придут те, кто по улицам ходит, пьянствует и вашу церковь не посещает. Разве грех, если им в душу Божье слово попадет в моей церкви?

Знаете ли, расчувствовался, поцеловал меня в голову и еще десять рублей мне дал.

Много православных на Кубе, а Мексика вторая по количеству, — тысяч 15 найдётся, тоже русские, ассирийцы, греки, болгары. В Гонолулу до меня было три священника русских, да не могли наладить прихода. Глава епископальной церкви говорил мне, что ничего не имеет против православного прихода, что он сам платил 25 долларов от себя русским священникам, лишь бы они оставались на Гавайях. Я думаю, что теперь возвращусь на Гавайи навсегда, — уже стар и слеп, трудно ездить. А на островах всё знакомо, и жизнь там чище, и нравы лучше, и люди набожней, чем у вас в Америке, где паству приходится искать, и где на священника в рясе смотрят как на чудовище. Нет здесь никого, кто согласился бы поехать на острова священником; знают, что не покойная там жизнь, а скитальческая, жизнь впроголодь. Как подумаешь, что вот уеду на Гавайи,

останусь там, может быть, приют открою... А на других-то островах, в других-то республиках — без священника, который даже раз в два-три года к ним не заглянет, — так и заболит сердце.

Может быть, найдётся кто на Дальнем Востоке, чтобы взять на себя крест служения на островах. Скажу откровенно: семейному там трудно, одинокому много легче. Нужны идейные люди, которые не считались бы с первыми годами лишения и голодовки. Но умереть с голоду там никто не даст.

Постоянному священнику с резиденцией на Кубе или в Мексике, с тем, чтобы наезжать в другие места раз в два-три года, будет больше поддержки, и ценить его будут больше, чем приехавшего на краткий срок. Тогда не было бы такого горя там, люди бы не переходили в другую веру...

Напишите им, скажите. Неужели не найдётся и там никого, кто бы понял, как тяжело православным людям на чужбине без родной веры.

5. О Таисии Баженовой. Газета «Русская Жизнь»

Мария Волкова

ПАМЯТИ ТАИСИИ БАЖЕНОВОЙ

31 октября 1978 г.

Это печальное заглавие говорит о том, что ее больше нет. Еще так недавно БЫЛА, но уже превратилась в воспоминание!

Можно попытаться найти тень утешения. Далеко не все из неисчислимых людей, постоянно исчезающих по закону природы, оставляют по себе желание думать о них, говорить о них, оплакивать их. Благо тем, кто оставил на земле заметный след и добрую память, хотя бы и ненадолго! Это, так сказать, абстрактно относится к тем, кого уже нет, остающимся же тяжело всегда.

Страшно терять милых сердцу. Еще страшнее припоминать свои вины перед ушедшими! Каждая оплошность, каждый знак невнимания, каждое резкое слово, наконец, даже временное несогласие почему-то с годами не стусываются, но все отчетливее выступают в памяти. Сознание непоправимости прошлого отбрасывает черную тень на предстоящее нам бытие.

Скажу откровенно и благодарно: мои воспоминания о поэтессе не отравлены ничем! А, между тем, мы прошли с ней «вместе-порознь» очень долгий путь: «вместе» – потому что нас соединяла дружба, порознь – потому что нас разъединило огромное непреодолимое пространство. Однако взаимная недосыгаемость не помешала нам душевно подойти друг к другу вплотную! Ровно тридцать лет тому назад захотелось мне сказать об этом в стихах:

Наша дружба крепкая, большая
Вынесла чистилище и ад.
Нам и океан не помешает,
Нас подкопы жизни не смутят.

Далеко в краю необозримом
Что-то в нас навек переплелось.

Ничего, что рядом не пошли мы,
И о самом близком пели врозь.

Одинаков наш житейский опыт,
И один на все у нас ответ.
Ничего, что я в плену Европы,
А тебе привычней Новый Свет!

Мы одно и то же потеряли,
Но к тебе судьба была добра,
И теперь ты все мои печали
Сделала своими – как сестра.

Мы не раз бывшее вспомним
И в заочной встрече отдохнем! –
Если б знала ты, как хорошо мне
С дружбою твоей вдвоем!

Тогда, давно, с самого начала, нами владело радостное одушевление наших письменных «встреч». И ничего не отняли у нас десятилетия заочных разговоров! Уровень этих разговоров не понижался, темы затрагивались всевозможные, обмен личными воспоминаниями и впечатлениями вызывал интерес с обеих сторон. Письма отличал живой повествовательный талант: при чтении отдаленное ко мне приближалось, люди, едва появившиеся на страницах, казались давно знакомыми.

Так, в неизменном обоюдном притяжении, в частых заочных встречах, протекло тридцать лет...

Может быть, покажется странным, что не говорю я о Таисии Баженовой как о поэтессе. Предоставляю так су-

дить о ней её читателям, я же прежде всего вижу в ней друга и чуткого, прекрасного человека. Я никогда не подходила с критикой к ее стихам, она отвечала мне тем же. Мы просто любили стихи одна другой, как вообще любили друг друга.

Она была признанной и оцененной по достоинству поэтессой. В свое время в Сан-Франциско был благожелательно отмечен и дружно отпразднован ее юбилей как поэтессы, писательницы и журналистки. Как жаль, что вскоре после этого поэтесса творчески замерла! Она целиком посвятила себя заботам о трудно-больной сестре. Кончина сестры потрясла ее невыразимо, и она нашла себе вместо литературной совсем другую деятельность.

Доброта и отзывчивость всегда отличали её характер. Кому, как не мне свидетельствовать об этом! После Второй Мировой войны она всячески поддерживала меня и мою семью, била тревогу в обществе, посылки приходили постоянно, спасая нас от тяжелого положения.

В то время, когда в Европе царил растерянность, когда видны еще были страшные следы войны, в Америке проявлялось стихийное стремление по мере сил помогать пострадавшим. О несчастных русских «европейцах» непрестанно заботились русские «Американцы», хорошо обжившиеся за океаном.

Таисия Баженова не была состоятельным человеком, практической быть не умела, никаких материальных ресурсов у нее не было, но помогала она, как и чем могла. Поистине, левая рука у нее не замечала, что делает правая. Хлопотала она об аффидевитах, устраивала приезжавших с Востока, заботилась о том, чтобы они скорее привыкли к новым условиям. Посылки же шли и шли чередом. Так продолжалось, пока жизнь повсюду не вошла в норму.

(?)²⁴ успокаиваться, но ненадолго. События ? событиями, много в них было (?) трагического, много и великих ошибок. Время безудержно мчалось. Молодые старились, старые умирали.

Таисия Баженова отошла от общественной жизни, стала недомогать, чем дальше, тем серьезнее. В прошлом году, потеряв мужа, захлебнулась тоскою. От здоровья почти ничего не осталось. Жизненная энергия невозвратно иссякла. И осталось лишь одно непреодолимое желание умереть! Это желание недавно исполнилось!

Значит, больше не будет писем, написанных с трудом больным изменившимся почерком. Не будет больше ни слов приветов, ни обеспокоенных расспросов, ни недоконченных строк о себе! Живое превратилось в воспоминание...

Спасибо тебе за все, мой дорогой, мой незабвенный Друг!

---

24. Нерасшифрованные слова в тексте отмечены «?».

СОДЕРЖАНИЕ:

«Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами	3
«Мы Родину иконой пронесли...»	
На огонек лампы... ..	13
По Бухтарминскому краю... ..	21
Лагерь на Аблакетке... ..	27
Последние вёсны в России	29
Дебют в «Вечерней Заре»	32
В Белом Омске	34
«Но как понять изгнание мое?»	51
«И скоро станет родиной изгнание, а родина – как стелющийся дым...»	59
«Мы молились и верили в чудо...»	61
«В той стране, что хранима драконами...»	64
«В чужедальной басурманской стороне...»	70
«Мне не вернуться уже назад...»	72
«Тут шумят чужие города... и чужая светится звезда...»	76
«Вдали от Родины мы стонем, но не гнемся...»	79
«У меня есть рыцарь, стройный рыцарь, с голубыми, ясными глазами...»	87
«Горькие годки "счастливой" газетной работы...»	89
«Белый шиповник, дикий шиповник/ краше садовых роз...»	95
Отец и дочь... ..	100
Душа всегда на жертвенность готова... ..	106
«Мой добрый гений...»	114
«...А родина - как стелющийся дым»	122
«Рано петь по нас панихиду...»	127
Литература	129

Таисия Баженова. Стихи.

Ваша рана	132
Инвалиды	133
Осыпались березоньки	134
Погоня	135
Проводы	136
Инвалиды	137
Песня казачки	138
Девичьи сны	139
Непогода	140
Иные встречи	141
Калифорния	142

Стихи, посвященные Т.А. Баженовой

Архив	144
Акмолинское лето	145

Таисия Баженова. Рассказ

Весна в революцию	147
-------------------------	-----

Таисия Баженова. Очерки, статьи, эссе, некрологи

Газета «Возрождение». Париж

Пестрые заметки	156
-----------------------	-----

Газета «Русское Слово». Харбин

Письма из Сан-Франциско. Christmas	159
Сан-Франциско. Новые нравы	164
Письма из Сан-Франциско. На улице	166

Письма из Сан-Франциско. Гладильщица 168

Газета «Новая Заря». Сан-Франциско

Русские охотники в Калифорнии	171
Учите русских детей русскому языку!	186
Ниночка	190
Мария Успенская	194
«Ни пива, ни парада»	198
«Святая ночь, тихая ночь»	205
О политическом положении и о русских в США	209
Праздник разведчиков	214
Последнее прощание с платовцем М.С. Мягковым	217
Роман с киргизом	221
По следам наших предков	237
О первой из 3 000 «Новых зорь»	244
О покупке дома для русского центра	256
М.А. Каринская	259

Журнал «Рубеж». Харбин

С острова на остров .....

261

Газета «Русская Жизнь». Сан-Франциско

Мария Волкова. «Памяти Таисии Баженовой» .....

268

Ольга Тарлыкова

Мы Родину иконой пронесли...

Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева
Редакторы: А.В. Шигабутдинова, О.В. Анисимова
Корректоры: А.В. Шигабутдинова, О.В. Анисимова
Дизайн обложки: А.Ю. Колесникова
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 20.01.2020 г.

Формат 60*84/16

Усл.-печ. 4,3

Уч.-изд. л. 5,1

Тираж 50

Заказ 270

Цена договорная

Издательство «Медиа-Альянс»
070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО «Медиа-Альянс»

Тарлыкова Ольга Михайловна – сотрудник Областного историко-краеведческого музея. Автор около 200 очерков, и двух книг о писателях Восточного Казахстана.

Член комиссии по сохранению культурного наследия и увековечиванию памяти писателя А.С. Иванова (Москва).

Награждена медалью Петровской академии наук и искусств «За заслуги в культуре и искусстве».

Член Областного литературного объединения «Звено Алтая-2».

Член Союза писателей России.